

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

*XX Международная научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения
доктора исторических наук, демографа Николая Владимировича Алексеенко (21-22 октября 2021 г.)*

Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова
Научно-исследовательский центр «Алтайтану»
(г. Усть-Каменогорск, РК)
ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Москва, РФ)
Институт демографии имени А. Г. Вишневского
Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии
«Большой Алтай» (г. Барнаул, РФ)
Научно-экспертная группа Ассамблеи народа Казахстана ВКО

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

*XX Международная научно-практическая конференция,
посвященная 90-летию со дня рождения доктора исторических
наук, демографа Николая Владимировича Алексеенко
(21- 22 октября 2021 г.)*

Сборник научных трудов

ТӘУЕЛСІЗДІК ЖЫЛДАРЫ
ҚАЗАҚСТАН

Усть-Каменогорск-Москва, 2021

УДК 314
ББК 60.7
Э 91

Сборник подготовлен в рамках реализации грантовых научных проектов «Региональные особенности репродуктивного поведения городских казашек: тенденции и перспективы» (АР09260600), «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан» (АР08856205), финансируемых Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Под редакцией: Алексеенко А.Н., Аубакировой Ж.С., Краснобаевой Н.Л.

Э 91 Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XX Междунар. науч.- практ. конф. 21-22 октября 2021 г., Усть-Каменогорск - Москва. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2021. – 223 с.

ISBN:978-601-7887-47-6

В сборнике опубликованы научные статьи, представленные на XX Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях», которая состоялась 21-22 октября 2021 года в Москве. В нем рассмотрены дискуссионные вопросы демографии, социологии, истории и географии населения в длительной ретроспективе. Представлены различные точки зрения по проблемам изменения городского пространства, репродуктивных и миграционных установок, выявлены социальные и демографические риски, методы использования IT-инструментов в гуманитарных исследованиях. Издание предназначено для уполномоченных государственных структур, общественных организаций, учебных заведений, широкого круга читателей.

ISBN: 978-601-7887-47-6

УДК 314
ББК 60.7

©Издательство «Медиа-Альянс», 2021

Николай Владимирович Алексеенко
доктор исторических наук, профессор
22.06.1931 – 19.05.2009 гг.

Николай Владимирович Алексеенко

Выдающийся ученый, который стоял у истоков исторической демографии Казахстана, краевед, педагог-просветитель, отдавший более полувека своей жизни развитию высшего исторического и демографического образования в Казахстане, создатель первого института демографии в РК.

Под его руководством защищено девять диссертаций по специальности «Отечественная история» на соискание ученой степени кандидата исторических наук, было организовано и проведено десять международных научно-практических конференций «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях».

Уроженец Рудного Алтая, он безмерно любил родной край, и свои научные изыскания посвятил людям, его населявшим. Особое внимание уделял дружбе между народами, которая лежит в основе развития края: «Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII - первая половина XIX в.)», «Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII-начале XX вв.».

За годы научно-педагогической деятельности им опубликовано 20 монографий и более 100 научных статей в периодической печати, научных изданиях в Алматы, Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Томске, Барнауле, Кишиневе и т.д.

НАГРАДЫ:

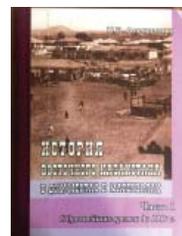
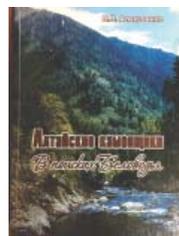
- За большой научно-практический вклад в развитие общества и воспитание подрастающего поколения, активную деятельность в укреплении мира и общественного согласия» присвоено звание «Почетный гражданин города Усть-Каменогорска».

- Награжден орденом «Знак Почета».

- Медалью «Ерен еңбегі үшін».

- Дважды нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан».

- Его именем названа улица Усть-Каменогорска

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АЛЕКСЕЕНКО

К 90-летию со дня рождения

Память – это свойство души.

В.И. Даль

Удивительны свойства человеческой памяти. В ее запасниках откладывается много интересного, вечного, непроходящего. Мне казалось, что архив, где я работала, будет вечно сотрудничать с Николаем Владимировичем Алексеенко. Сколько было планов, проектов, интересных задумок... Все внезапно разрушила тихо подкрававшаяся болезнь. А нам, живым, осталось историческое наследие и память об ученом-историке и удивительном человеке.

Николай Владимирович Алексеенко родился 22 июня 1931 года в Усть-Каменогорске. Его отец, Владимир Иванович, был участником Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., мама, Анна Вениаминовна, – домохозяйкой. После окончания средней школы в 1949 году Николай один год работал на Усть-Каменогорском свинцово-цинковом комбинате. В 1950 году поступил на исторический факультет Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. По воспоминаниям однокурсников, Николай Владимирович любил учиться.

В 1955 году окончил исторический факультет Казахского государственного университета имени С. М. Кирова.

Мой папа – Петров Василий Игнатьевич учился вместе с Николаем Владимировичем и его будущей женой Лидией Федоровной в Алма-Ате в Казахском государственном университете им. С. М. Кирова на историческом факультете в 1950-1955 годах. Они жили в общежитии на ул. Виноградова большой и дружной коммуной, а моя мама, Петрова Александра Ильинична, была «вице-коммунаром». Воспоминания о коммуне, как самом светлом периоде, всегда присутствовали в долгих беседах и научных спорах между моим папой и Николаем Владимировичем. Сейчас, когда папа и Николай Владимирович ушли в мир иной, эти воспоминания все чаще всплывают в моей памяти. Я с гордостью могу сказать, что являюсь ребенком этой коммуны. Маленькую, меня Николай Владимирович держал на руках. И в дальнейшем по жизни я шла, чувствуя плечо своего учителя.

По окончании университета Н. В. Алексеенко был направлен на ком-

сомольскую работу – инструктором горкома, а затем заведующим отделом агитации и пропаганды Усть-Каменогорского горкома комсомола.

По приглашению ректора Усть-Каменогорского педагогического института А. Темирбекова, с 1 октября 1956 года он стал преподавателем вуза, в котором проработал с 1956 по 1987 год, более 20 лет (с 1972 года) заведовал кафедрой истории СССР. Став заведующим кафедрой УКПИ, Н. В. Алексеенко добился, чтобы для студентов-историков этого вуза, чуть ли не впервые в стране, ввели обязательный курс краеведения.

История исторического факультета – особая страница в его биографии педагога и ученого. 1 октября 1956 года Петров Василий Игнатьевич, Алексеенко Николай Владимирович и Горлова Инна Дмитриевна переступили порог учебного корпуса Усть-Каменогорского педагогического института на улице Бажова, дом 7 – началась новая страница в их биографиях. В течение сорока лет Алексеенко Н.В. и Петров В.И. формировали работоспособный коллектив единомышленников, способный решать сложные задачи воспитания и обучения учителей истории. Исторический факультет всегда был одним из лучших в вузе.

В 1972–1977 годах мне довелось учиться на данном факультете. Николай Владимирович читал нам курсы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Он учил нас с трепетом относиться к документу, как первоисточнику, рассказывал множество интересных фактов по геральдике, нумерологии, архивоведению.

Детям преподавателей всегда сложнее в жизни, поскольку тебя невольно сравнивают с твоим папой или мамой, там, где обычный студент может дать «слабинку», пропустить лекцию или семинарское занятие, тебе это недопустимо. На мне висел ярлык «деканской дочки», требовавший собранности и пунктуальности. Особенно тяжело было на экзаменах, которые приходилось сдавать своим родителям. В таких случаях приходилось отвечать перед председателем комиссии, которым был Николай Владимирович Алексеенко. Папа уходил, а Николай Владимирович, с присущим ему тактом, выслушивал мои ответы, задавал вопросы и оценивал, по справедливости.

В 1987 году Н.В. Алексеенко был избран ректором Целиноградского педагогического института, где трудился до 1992 года. В 1992 году, по инициативе Николая Владимировича, в г. Усть-Каменогорске был организован Восточный гуманитарный институт, который он возглавил.

Кандидатская диссертация «Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII-XIX в.в.» была защищена в 1960 году в Ленинградском отделении

института истории АН СССР под руководством М.П. Вяткина. Там же, в 1968 году, защитил докторскую диссертацию «Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII – начале XX вв.», в которой на большом архивном материале раскрыл хозяйственное освоение Верхнего Прииртышья, участие в этом процессе русского и казахского населения, особенности развития этого региона в дореволюционный период. Он убедительно доказал, что не стрельба из пушек была движущей силой этих отношений, а мирные трудовые процессы. Для этого пришлось буквально «перевернуть» гору источников, побывать в библиотеках, архивах, музеях.

Как ученый, он внес большой вклад и в развитие демографической науки Казахстана и подготовке демографов. При Восточно-Казахстанском государственном университете им. С. Аманжолова создал первый в республике институт демографии. Николай Владимирович входил в состав редколлегии тематических сборников по истории при Казахском педагогическом университете им. Абая, являлся членом проблемного Совета по исторической демографии Института истории СССР.

За годы научно-педагогической деятельности им опубликовано 20 монографий и более 100 научных статей в периодической печати, научных изданиях в городах Алматы, Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Томске, Барнауле, Кишиневе и т.д. Под его руководством защищено 9 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «Отечественная история», было организовано и проведено 10 международных научно-практических конференций.

Он безмерно любил свой край и даже проблематику своих научных исследований тесно увязывал с Рудным Алтаем.

В государственном архиве Восточно-Казахстанской области хранятся рукописи исторических очерков «История Восточного Казахстана в документах и материалах. Часть 2. С 1917 г. по начало XXI», «Один из первых», «Поэт Николай Ватсон»; повести «Моя Комендантка»; отдельные главы книг «Демографические кризисы в Казахстане», «Статистические источники по демографии», «Статистические источники по демографии», «Ленинградцы»; документально-исторические очерки, статьи, опубликованные в республиканских, областных, районных газетах, сценарии цикла телепередач «Документальный экран» по истории Восточного Казахстана, научные доклады, выступления на конференциях, совещаниях и т.д.; планы-проспекты книг «Очерки истории Рудного Алтая» и «История УКПИ-ВКГУ. (1952-2002г.г.)»; главы энциклопедии «Восточный Казахстан»; книги - «Население дореволюционного Казахстана» (1981), «Бухтарминские были» (1981), «Усть-Каменогорск и

устыкаменогорцы» (1995), «Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.)» (1999), «Историческая демография Казахстана» (2001), «Демографические кризисы в Казахстане. XX век» (2007), «История Восточного Казахстана в документах и материалах. Часть 1. С древнейших времен до 1917 г.». (2006), «История Восточного Казахстана в документах и материалах. Часть 2. С 1917 г. по начало XXI» (2007), «Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII- первая половина XIX вв.)» (2003), «Славянское население Казахстана XVIII-XX в.в. Историко-демографическое исследование» (2009), «Алтайские каменщики. В поисках Беловодья» (2009), «С Усть-Каменогорском я что-то важное утратил...» (2009); рецензии и отзывы на монографии и авторефераты, рецензии и отзывы Н.В. Алексеенко на диссертации, монографии, книги, учебные пособия; документы по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук «Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII – начале XX вв.», на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII-XIX вв.» (заключения, отзывы, протоколы); библиографический указатель трудов Н. В. Алексеенко.

Николай Владимирович свои научные занятия совмещал с большой общественной деятельностью. Он принимал активное участие в деятельности Малой Ассамблеи народов Казахстана Восточно-Казахстанской области, в работе комиссии Национального Совета по государственной политике при Президенте Республики Казахстан в качестве советника Президента Республики Казахстан, возглавлял ономастическую комиссию при Восточно-Казахстанском областном акимате.

В 1971 году в Москве за заслуги в области высшего образования СССР Н.В. Алексеенко был награжден нагрудным знаком «За отличные успехи в работе», 11 сентября 1982 года – нагрудным знаком «Отличник народного просвещения Казахской ССР», 20 августа 1986 года – орденом «Знак Почета», 10 декабря 1997 года – медалью «Ерең еңбегі үшін», в 2001 году – юбилейной медалью «10 лет Независимости Республики Казахстан», в 2002, 2006 годах – нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» [1. Л.1-2].

За заслуги в развитии исторической демографии в Казахстане Николай Владимирович занесен в Краткую энциклопедию Казахской ССР.

За большой научно-практический вклад в развитие общества и воспитание подрастающего поколения, активную деятельность в укреплении мира и межнационального согласия, решением Усть-Каменогорского городского маслихата № 25/2 от 17 августа 2006 года Н.В. Алексеенко

присвоено звание «Почетный гражданин города Усть-Каменогорска». Решением Усть-Каменогорского городского маслихата № 6/5-V от 28 июня 2012 года одной из улиц города Усть-Каменогорска присвоено имя Н.В. Алексеенко[2., л.3-5].

Первые творческие работы, курсовые и дипломная работа по истории образования в Усть-Каменогорском уезде в первые годы Советской власти были написаны под научным руководством Алексеенко Н.В. Благодаря студенческой науке, в 1975-1976 годах я работала в крупнейших книгохранилищах Советского Союза – Исторической библиотеке в г. Москве и Научной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде (современная Российская Национальная Библиотека). Вероятно, уже тогда стал складываться мой путь в профессию архивиста.

Некоторые скажут, как скучно, архивы – это пыль веков. Но без архивов нет полноценной источниковедческой базы для развития исторической науки. Николай Владимирович, проработав огромное количество дней в архивах, хорошо это понимал. Он уважал работников архива, поэтому неслучайно последним нашим проектом была книга об Адриане Сергеевиче Розанове, талантливом журналисте, специальном корреспонденте газеты «Ленинская Смена» в Восточном Казахстане. В нее вошли статьи, письма, воспоминания об этом человеке. Книга увидела свет незадолго до кончины Николая Владимировича. Незавершенным остался сборник трудов и воспоминаний об Андрее Викторовиче Потапове, участнике Великой Отечественной войны, преподавателе Усть-Каменогорского педагогического института, всю жизнь занимавшегося историей войны, участием казахстанцев в войне, открывшем современникам Героев Советского Союза, Полных кавалеров Ордена солдатской славы.

В заключение хочется сказать большое спасибо судьбе за встречу с большим ученым. Светлая ему память!

ЛИТЕРАТУРА:

1. КГУ «Государственный архив» Управления цифровизации Восточно-Казахстанской области, Ф.1466, Оп. 7, предисловие, Л.1-2;
2. Там же, предисловие, Л. 3-5.

Aubakirova Zh.S., Alekseyenko A.N., Stolyarova E.O.

DEMOGRAPHIC CHALLENGES TO THE NATIONAL SECURITY OF KAZAKHSTAN

*(The study was supported by the research grant No. AP08856205 of the
Science Committee of the Ministry of Education and Science
of the Republic of Kazakhstan)*

The parameters of the strategy of ethno-demographic development of sovereign Kazakhstan are largely formed through the prism of perception of the Soviet period in its history. The tragic consequences of the famine of the 1930s, having claimed the lives of hundreds of thousands of Kazakhs, along with the migration influx from other USSR republics in the 1930s and 60s significantly changed the ethnic composition of Kazakhstan. According to the 1959 Census the proportion of Kazakhs in the population of the republic was 30% [1, D. 4], and at the end of the 1980s (1989 Census) it did not reach 40% [2, p.7]. In many ways, it is for this reason that the increase in the number and proportion of Kazakhs has become one of the main criteria for the success of independent development.

It is no coincidence that in Kazakhstani historiography the study of demographic processes from the point of view of state security is mainly devoted to the problems of external pressure on the sovereign ethno-demographic system. The most popular issue is the migration security of the country. It is being considered by demographers and historians, sociologists, political and other scientists. Much attention is paid to external migration, particularly in the Kazakh-Chinese border area. The *Chinese Threat*, often reflected in the media, is considered the main problem of foreign policy of the country.

Professional studies prove that the danger of the *Chinese Migration* is greatly exaggerated. S.B. Kozhirova, who has been researching this topic for a long time, convincingly refutes the prevailing stereotype of the *Chinese Migration Threat* [3]. K.L. Syroezhkin and E.Yu. Sadovskaya are of the same opinion on the migration relations between Kazakhstan and China. In his monograph, K.L. Syroezhkin reveals an algorithm for creating myths about Chinese expansion and identifies the most common of them (concerning foreign policy, border, etc.). A separate part of the monograph is devoted to Chinese migration to Kazakhstan and statistical data on the real number of the Chinese people living in Kazakhstan in the Post-Soviet dynamics [4]. E.Yu. Sadovskaya reveals the features of Chinese migration, mainly labor one, in

the context of economic development. In her monograph she comes to the conclusion that the problems of Chinese migration and Chinese presence in Kazakhstan are largely mythologized and do not carry the risks and threats attributed to them [5]. Special attention should be paid to the research of E.Yu. Sadovskaya with the results of an analysis of labor migration trends in Central Asia at the beginning of the XXI century, mainly on the example of the Republic of Kazakhstan. The author gives a classification of labor migrations, defines the main trends and structure of migration processes and identifies risk factors associated with international migration [6].

Some aspects of the demographic security of Kazakhstan are highlighted in the publications of E.O. Kyrykbaeva [7], A. Korolev, M. Mamayev [8], K.V. Grigorieva, and E.P. Zimovina [9]. They outline such problems and risks as uncontrolled labor migration, illegal external migration, spontaneous migration from village to city, refugees and forced migrants, fertility and reproductive health of men and women, the relationship between demographic and religious situations, etc.

Main demographic risks that could become threats to the security of the state at the beginning of the XXI century were comprehensively outlined by Zh.S. Aubakirova: population aging, gender imbalance in the age structure, high mortality of the employable population, etc. At the same time, the author fixes the regional differentiation of crisis options: the depopulation model of northern Kazakhstan and the southwestern model of demographic explosion [10, p. 80-88].

Thus, the majority of authors consider the issue of demographic challenges through the study of population migrations, mainly international, capable of destabilizing the interethnic and socio-economic situation. Also it is common to discuss, especially in the media, the importance of high birth rates and large families, capable of neutralizing the problem of “large territory - small population”, for the national security of the country. However, some socio-demographic issues of Kazakhstani society have remained somewhat overshadowed by the designated plots because the demographic priorities of modern Kazakhstan are based on the traditional past of the Kazakh ethnos, while the socio-economic ones are focused on the acceleration of modernization. The ever-growing discrepancy between the demographic and socio-economic vectors of development can threaten the stability of the state in the future. The article is devoted to this contradiction.

The source of the article is the normative legal acts and statistical data such as: Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 1272 as of August 17, 2000 “On the Concept of State Demographic Policy

of the Republic of Kazakhstan”; “On Approval of the Projected Scheme of Territorial and Spatial Development of the Country until 2020. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 118 as of July 21, 2011”; On the Draft Decree of the President of the Republic of Kazakhstan “On Approval of the Projected Scheme of Territorial and Spatial Development of the Country until 2030. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 652 as of August 23, 2019”; the All-Union Population Censuses of 1959 and 1989, the National Population Censuses of Kazakhstan of 1999 and 2009. Current statistics data including regional contexts are available on the website of the Statistical Committee of the Republic of Kazakhstan – www.stat.gov.kz. A considerable amount of statistical information is presented in the Demographic Yearbooks of Kazakhstan of 1996, 1998, 2017, 2019 (the number and composition of the population, birth rates, mortality and natural increase rates, etc.). It should be noted that after the 2009 Population Census, demographic information in the ethnic context actually disappeared from open access, which significantly complicates ethno-demographic research. Nevertheless, the available statistical series allows, in general, to reveal the essence of the problem under study.

For centuries the demographic behavior of the Kazakh ethnic group reflected the socio-economic features of the nomadic society. The situation did not change even after the Kazakh zhuzes became part of Russia, since the demographic system of the Kazakhs in the XVIII-XIX centuries mainly existed outside the context of the political and economic development of the Russian Empire [11]. Therefore, the birth and death rates in this period did not differ much from the earlier, “pre-colonial” time, however, there are no reliable statistical data indicating the level of reproduction. In general, it can be concluded that the high birth rate inherent in the nomadic society was largely neutralized by mortality, so the natural increase was slow [12]. In the late XIX-early XX centuries the average annual growth among Kazakh population was no more than 0.8-1.0% [13, p.138]. It can be assumed that such dynamics was typical for earlier periods as well.

The negative impact on the traditional lifestyle became evident after the attempts of modernization pressure on the indigenous population of Kazakhstan. This was especially painful in the 1930s, at the time of forceful integration of the Kazakh society into the Soviet standards of life. The result was the destruction of the nomadic lifestyle and the subsequent demographic crisis.

The second half of XX century (1950s-80s) is a special period in the demographic history of the Kazakhs. Most of the Kazakh population was outside the industrial vector of the republic's development and concentrated in the agricultural sector of the economy. Although the nomadic culture was destroyed in the 1930s, the demographic subsystem continued to function on a traditional basis. Moreover, it was under such conditions that maximally contributed to the rapid population growth. On the one hand, as a result of free medicine and its better quality the rate of mortality, primarily infant and child, significantly decreased: from 85.9 per mil in 1939 to 15.6 per mil in 1959 (children under 4) [14, p.189]. At the same time, traditional birth rates were preserved due to the state support in terms of material problems (free education, support for large families, etc.). In the late 1950s the total birth rate in Kazakhstan as a whole was 4.5 [15, p.189]. The highest reproductive activity in the 1950s and 60s was peculiar for Kazakh women: on average, in various groups of reproductive age they had 2.2-2.8 times more children than Russian women. Large multi-generational families reached significant sizes, which was "... a step towards strengthening the role of community in the life of the rural population [16, p.34]." Thus, the concentration and "conservation" of the ethnic group in rural areas contributed to the strengthening of traditional demographic attitudes.

In the opinion of the authors, the "traditionalism" of Kazakhs was to a large extent not a feature of national consciousness, but a feature of existence in a certain socio-economic environment. The artificiality of preserving the traditional model is confirmed by the fact that in the 1970s and 1980s, when rural population could have passports, Kazakh youth began actively migrate to the city, thus, increasing the number of urban Kazakh population. In the 1980s (1979-1989) the growth of the number of urban Kazakhs was 5.8 times higher than that of the rural areas [17, p. 9, 11]. The "Soviet" urbanization was characterized by the youth leaving the countryside and quickly adapting to the new conditions. Eventually, an increase in the proportion of the urban population and changes in the socio-economic environment began to affect the processes of reproduction, primarily the birth rate. In the late 1970s the total birth rate of Kazakh women was 4.8, at the end of the 1980s – 3.6 [18, p. 88]. That period was also marked by a transition to the modern type of childbirth.

The evolutionary development of this trend was interrupted in the 1990s. The collapse of the USSR and the formation of sovereignty led to new variants of demographic development, which were not always the result of socio-economic transformations. Political upheavals in the early 1990s became the causes of ethnical migratory movements of the population. According to the

first National Population Census of 1999, the total population of Kazakhstan decreased by 9.2%, while the number of Russians decreased by 27.6%, Ukrainians – by 42.8%, the number of Germans decreased 2.7 times (in comparison with the 1989 Census). The representation of other ethnic groups also decreased (see table 1).

Table 1 - The size and ethnic composition of the population of Kazakhstan according to the population censuses of 1989 and 1999 (thousand people)

Composition	1989		1999		1999 to 1989 (%)
	Size	%	Size	%	
Total	16464,5	100	14953,1	100	90,8
Kazakhs	6534,6	39,7	7985,0	53,4	122,2
Russians	6227,5	37,8	4509,6	30,2	72,4
Ukrainians	956,2	5,8	547,1	3,7	57,2
Germans	957,5	5,8	353,4	2,3	36,9
Others	1788,7	10,9	1558,0	10,4	87,1

References: Statistical Collection of Selected Indicators of the All-Union Population Censuses of 1939, 1959, 1970, 1979 and 1989. Alma-Ata, Respublikanskiy informatsionno-izdatel'skiy tsentr, 1991, p. 9; National Composition of the Population of the Republic of Kazakhstan. Vol. 1. Results of the 1999 Population Census in the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2000, pp. 6-8.

The structure of the population formed during the Soviet era also changed in ethno-demographic terms. It was the Kazakhs who had the greatest influence on demographic processes. As a result, the traditional reproductive attitudes of a significant part of the ethnic group became the essence of the sovereign demographic strategy. High birth rate and large families were increasingly perceived as a cultural heritage, as a generations-binding tradition.

In the opinion of the authors, the fall in the birth rate among Kazakhs in the 1990s (in 1999 in comparison with 1989 it decreased by 40.9%) [19, p.153], was neither a sign of a serious crisis in traditional demographic relations nor a criterion for modernization processes. It was rather a reaction, typical of paternalistic relationships, to changed circumstances, and it could not last for long. The socio-cultural basis of demographic attitudes, with its long history, could not disappear instantly, responding to momentary political and socio-economic upheavals. Demographic crises periodically occurred throughout the history of nomadic society and ended with the restoration of previous relations. The termination of social programs in the 1990s had a

more painful effect on rural residents, who were largely dependent on them. But the resumption of family's state support was supposed to quickly revive the traditional demographic parameters. Moreover, one of the most important tasks of the state development of the Republic of Kazakhstan was considered the overcoming of the demographic failure of the 1990s (see Table 1).

The problem was reflected in the Concept of Demographic Policy of Kazakhstan, adopted in 2000 [20]. The tasks to improve the demographic situation, proposed by the Concept, were reduced to strengthening traditional reproductive attitudes and achieving a regime of expanded reproduction. It also envisaged some measures of moral and material incentives for the birth rate and large families. The main attention was paid to the rural population, since it retained its traditionally high birth rate: "This suggests that it is women living in rural areas who can make the most tangible contribution to the demographic development of Kazakhstan, as well as that in conditions of economic restrictions this population group should be provided with significant state and public support" [21]. To improve the demographic situation, in the 1990s the government initiated the policy of ethnic repatriation, aimed at regulating the organized resettlement of Kazakhs living in other countries to the republic. In order to stimulate migration, the government also provided some material assistance to repatriates.

The tasks of demographic development, set by the Concept, have now been successfully solved. Total population increased by 23.0% in 2009-2019 due to the high growth rate of the number of Kazakhs, who compensated for the decline in emigrated representatives of European ethnic groups. The republic received 1,057,343 ethnic migrants, whose influence on various aspects of the development of Kazakhstani society cannot be ignored [22]. The share of Kazakhs in the population is approaching 70 percent (see table 2).

Table 2 - The size and ethnic composition of the population of Kazakhstan according to the 1999 census and the materials of current statistics of 2019 (thousand people)

Composition	1999		2019		2019 to 1999 (%)
	Size	%	Size	%	
Total	14953.1	100	18395.6	100	123.0
Kazakhs	7985.0	53.4	12587.5	68.4	157.6
Russians	4509.3	30.2	3471.0	18.9	77.0

Continuation of table No.2					
Ukrainians	547.1	3.7	270.9	1.5	49.5
Germans	353.4	2.3	178.6	1.0	50.5
Others	1558.0	10.4	1887.5	10.2	121.1

References: National Composition of the Population of the Republic of Kazakhstan. Vol. 1. Results of the 1999 Population Census in the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2000. pp. 6-8; Population of Kazakhstan by Individual Ethnic Groups at the Beginning of 2019. Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan, 2019

So, the ethno-demographic “distortions” inherited from the Soviet period have been overcome, the demographic problems caused by the crisis of the 1990s are a thing of the past. At present the most important state priority is entering the top thirty most developed countries of the world [23]. This should happen due to accelerated modernization, industrial and innovative development, improving the quality of human capital, etc. The vector of the problem is most clearly reflected in the Strategy of Territorial and Spatial Development of Kazakhstan until 2030 [24], which has been in force since 2011. It is important that territorial and spatial development is aimed at increasing the economic and demographic density due to the concentration of the population in points of growth: “The current settlement structure with a large number of rural population and a network of many dispersed settlements does not meet the requirements for the formation of a competitive economy” [25]. Labor, financial and production resources will be concentrated in “growth points” - agglomerations and large cities. Due to the low socio-economic potential, the construction of infrastructure is not expected in small rural settlements. In this regard, “it is required to stimulate the labor mobility of the population to agglomerations and large cities”, and since successful development takes place in conditions of territorial concentration of production, it is necessary to develop “growth points” through controlled urbanization [26].

Based on the trends of world development, the outlined strategy assumes the changes in birth rates. In any case, this is happening in countries that respect traditions, national culture, and religious values no less than Kazakhstan. Thus, in the UAE, the total birth rate decreased in the period from 1990 to 2019 from 4.41 to 1.42, in Saudi Arabia - from 5.88 to 2.34, Azerbaijan - from 3.06 to 2.08 etc. [27]. In Kazakhstan, the total birth rate increased from 1.86 in 1999 to 2.55 in 2009 and 3.13 in 2020 [28]. The number of births is growing ever faster: 2807.3 thousand children were born in 2000-2009 and 1.5 times more (4321.0 thousand) – in 2010-2020 [29]. The modernization declarations did

not affect the demographic attitudes of Kazakhstanis. This is largely due to the fact that the historically established demographic behavior of the Kazakh ethnos is actually sacralized and is not subject to rational comprehension. The demographic system, with great ideological support from the state, remained homeostatic and did not react very strongly to “external threats”.

The peculiarity is that a significant part of Kazakhs are already urban residents; in 2019, 59.5% of children were born in urban areas [30, p. 94-95]. State programs of “accelerated urbanization” further intensify the movement of people with a rural mentality to cities. In new places yesterday’s villagers actively defend traditional values from “urban cosmopolitanism”. As a result the total birth rate is growing all the faster here. Thus, over five years (2015-2019), it increased in cities from 2.56 to 2.75, in villages - from 3.05 to 3.18 [31, p. 143-145].

The problem becomes more evident in the regions where the proportion of the Kazakh population is greatest. So, in the urban area of Mangistau region, the total birth rate in 2019 was 4.02, in Turkestan - 7.29 [32]. Apparently, there is no need to wait for a quick restructuring of reproductive attitudes according to “city standards”. The authors suggest that there is a process of formation of a “new homeostaticity” capable of effectively functioning in an urban environment. Family ties are of increasing importance and the basis for further horizontal and vertical “social networks”, which determine a completely independent demographic policy [33]. “Agrarian” demographic traditions penetrate the urban space together with their bearers and successfully adapt to it. It is important that a significant part of families who have moved to cities live in detached houses and have subsidiary farms, which are a significant source of income. At the same time, the “new townspeople” are actively in contact not only with their neighbors, but also with their rural relatives, and this contact brings tangible dividends to both. Gradually, the traditional multi-generational family is being restored in the cities; this allows women to work as the older generations are involved in raising children. Many of these women are self-employed and combine work with raising children and domestic problems. The status of the head of a large family is still of great importance, especially for men. For women, in turn, it is safer to give birth in the city, due to the more developed infrastructure. Benefits and allowances paid to large families are of great importance for the family budget. Thus, it can be assumed that the “urban status” has not yet influenced reproductive attitudes; the tendencies of high birth rate may persist for a long time. The problem is more obvious in southern Kazakhstan, where about half of the republic’s population is concentrated.

As a result, there arises a question – whether the state has enough resources

to turn the growing demographic potential into human capital - the driving force of economic and intellectual development? Socio-economic statistics show that there are certain problems. Let's highlight the main ones.

One of the consequences of the birth rate growth is the increase in maternal mortality, e.g. 22.7 per 100 thousand births in 2010. The goal was to reduce it to 14.5 per 100 thousand, but in 2020 it turned 36.5 per 100 thousand births, in the regions – 70 and even 95. As the deputies of the Mazhilis of the Republic of Kazakhstan say, Kazakhstan has dropped to the level of the poorest countries of the world in terms of the quality of medical support for motherhood [34]. One of the important reasons for this problem is the archaization of family and marriage relations. Women who are prohibited from giving birth for health reasons (about 20% of new mothers) give birth under pressure from their relatives and husbands [35]. Attempts of medical workers to talk about hygiene, maternal health, and family planning are faced with accusations of their desire to reduce the number of the Kazakh ethnic group [36].

The high birth rate has exposed the problems not only in the health care system, but also in education. So, in 2020 a record number of children was born in Kazakhstan (almost 427 thousand) and about 80% of births occurred in the southern, mainly Kazakh regions [37]. In 2020 there were 3.400 million students; when those born in the early 2020s go to school, the student population will increase to 4.325 million. This will result in the need of least 6,000 more schools in addition to the existing 7471, which is questionable if take into account the fact that only 43 schools were built in the republic in 2020 [38]. The situation is already acute – in 2020 the deficit of training places amounted to 168 thousand, in 2021 it will grow up to 264.8 thousand. So, according to T. Zhussupbekova, Kazakhstan risks facing a collapse in the education system [39].

Problems can become more serious after students' graduation. The Ministry of Labor and Social Protection assumes that by 2025 the inflow of young people into the labor market will have increased to 256 thousand people per year, and the number of the working-age population – to 12.1 million people [40]. At the same time, the focus on the economy digitalization implies the reduction of tens of thousands of jobs. According to Kazakh economists, in the current economic model, that relies on city jobs, half of the population is not needed [41]. Given that the lowest nominal cash incomes per capita in Kazakhstan are in rural regions with traditionally high birth rates, the movement of young people to cities will become more widespread. The population concentration in large cities is already raising questions. The

President of the Republic of Kazakhstan K-Zh. Tokayev believes that today the large population of cities has become not a pride, but a problem, so the country must strictly control internal migration [42].

In search of work people are migrating to other states, primarily to Russia. So, in 2010-2018 the number of Kazakhs in the Russian Federation increased by 150-200 thousand people, while the share of migrants with higher education amounted to 52.0% [43]. According to the deputy of the Mazhilis of the Republic of Kazakhstan D. Milyutin, the dynamics of the process is growing, e.g. in 2019 the share of highly qualified specialists in the general statistics of emigration amounted to 50.6%, while in 2020 it increased up to 54.3%. In 2020, in comparison with 2019, three times more doctors, four times more teachers, five times more technical specialists left Kazakhstan. The scale of the outflow of young people (with growing proportion of Kazakhs), mainly to Russian universities, looks critical. This allows to say about the problem of “brain drain” [44]. The solution of the task of ethnic strengthening of the North Kazakhstan borderland, which has become topical in recent years, is also facing some problems. A significant part of the population resettled from southern Kazakhstan quickly becomes disillusioned with their new place of residence. The harsh climate, the lack of suitable work and the loss of the opportunity to use all the resources of “social networks” make them return home. The increase in the number of the Kazakh population in the northern region in 2009-2019 by 82.0% mainly was due to the capital - Nur-Sultan. The growth in the number of Kazakhs in the northern border regions, excluding the capital, could not compensate for the decline of other ethnic groups. The total population has decreased here by 1.5% [45, p. 336]. This tendency is inherent in almost all regions of Kazakhstan, i.e., the population is being concentrated in regional centers, “exposing” remote areas.

Thus, the program for the elimination of rural settlements, the growing urbanization and concentration of the population in cities, the tendency of an increase in international labor migration neutralize the thesis of strengthening national security, based on comparing a large territory and a small population by increasing the birth rate. The problem of losing control over the territory, including the border regions, is becoming more evident.

Nowadays, there is an understanding that a demographic policy based on calls for an increase in the birth rate and large families has certain socio-economic consequences. The attitude to demographic processes on the part of the state is becoming somewhat contradictory. On the one hand, the demographic concept adopted in 2000 expired in 2011 [46] and there is still

no new concept reflecting the realities of today. At the same time, with the persisting rhetoric of support for the birth rate and population growth, there is a clear tendency to accuse the population of Kazakhstan of dependence and consumerism [47]. This is largely due to the fact that the growing birth rate has actualized the task of paying benefits to mothers with many children, but at present the amount of benefits have already exceeded the budget of many industries. Non-retirement benefits account for 561 billion tenge (1 billion 320 million dollars) and this is more than all agriculture, water, river, and forestry taken together [48]. State budget expenditures, including due to the deficit, increased from 3.1% of GDP in 2020 to 3.5% in 2021 [49]. As a result, in 2021 the government rejected a proposal of the Mazhilis deputies to introduce maternity capital under the pretext that the birth rate in Kazakhstan does not need increasing (it is already high) and the number of large families is growing rapidly. Currently, 48% of Kazakhstani families have more than three children [50]. Moreover, in 2020 the benefits for large families were reduced from 21 thousand tenge to 11 thousand tenge (about 26 US dollars) per child, and Senator A. Bektayev said that the population is rapidly developing the psychology of consumerism [51]. As a result, rallies of mothers with many children began throughout the country, accusing the state of calling for an increase in the birth rate accompanied by a reduction in the amount of benefits.

Thus, the increasing growth in the birth rate and population is no longer coinciding with the socio-economic capabilities of the state. At the same time, the vector of economic development is extremely pragmatic and does not take into account demographic trends and socio-cultural preferences of the country's residents. This discrepancy increasingly reveals the problems in the health care system, education, socio-economic sphere and other aspects of Kazakhstan's national security. For the first time in history, the demographic system of the Kazakh ethnos must find options for coexistence with the socio-economic challenges of the time. The main socio-demographic risks are formed within the state, and it is their neutralization that is currently the most urgent task.

REFERENCES:

1. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 g. TsGARK. F. 1568. Op. 21. D. 4
2. Statisticheskii sbornik po otdel'nym pokazatelyam Vsesoyuznykh perepisey naseleniya 1939, 1959, 1970, 1979 i 1989 gg. Alma-Ata: Respublikanskiy informatsionno-izdatel'skiy tsentr, 1991. P. 7.
3. Kozhirova S.B. Kitayskaya migratsiya v Kazakhstane: real'nost' i problemy // Vestnik Yevraziyskogo gumanitarnogo instituta, 2006, no. 3, pp. 25-32; Kozhirova S.B.

- Kitayskaya migratsiya i problemy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan // Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "Modernizatsiya sistemy gosudarstvennogo upravleniya v RK: osnovnyye priority i mekhanizmy realizatsii", Astana, 2006. P. 29-38; Kozhirova S.B. Kitayskaya migratsiya kak faktor natsional'noy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan // Materialy respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Nepreryvnoye professional'noye obrazovaniye v usloviyakh distantsionnoy i kreditnoy tekhnologii obucheniya". Karaganda, 2008, vol. 1. P. 124-128; Kozhirova S.B. Migratsionnyye protsessy kazakhstansko-kitayskogo prigranich'ya: istoricheskaya dinamika // Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Mezhdunarodnyye otnosheniya v Tsentral'noy Azii: istoriya i sovremennost'", Barnaul, 2008. P. 329-340.
4. Syroyezhkin K.L. Nuzhno li Kazakhstanu boyat'sya Kitaya: mify i fobii dvustoronnikh otnosheniy: monografiya. Astana – Almaty, 2014, 432 p.
 5. Sadovskaya Ye.Yu. Kitayskaya migratsiya v Respubliku Kazakhstan: traditsii Shelkovo go puti i novyye vektory sotrudnichestva. Almaty, 2014. 444 p.
 6. Sadovskaya Ye.Yu. Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya v Tsentral'noy Azii v nachale XXI veka (na primere Respubliki Kazakhstan). Moscow, 2013, 576 p.
 7. Kyrykbayeva E.O. Demograficheskiye i migratsionnyye ugrozy dlya natsional'noy bezopasnosti Kazakhstana. URL: http://конференция.com.ua/files/image/konf%2010/konf%2010_1_11.pdf (retrieved April 21, 2021).
 8. Korolev A., Mamayev M. Kazakhstan udalos' spravit'sya s demograficheskimi vyzovami. URL: <https://www.zakon.kz/4454358-kazakhstanu-udalos-spravitsja-s.html> (retrieved April 27, 2021).
 9. Grigoriev K.V., Zimovina Ye.P. Bezhtentsy i vyzhdennyye migranty: Mezhdunarodnyye pravovyye dokumenty i zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan. Sbornik dokumentov. Karaganda, Ekozhan, 2004.
 10. Aubakirova Zh.S. Demograficheskoye razvitiye i bezopasnost' Kazakhstana (2000-2015 gg.): SWOT-analiz // Vestnik NAN RK. 2016. No.3, pp. 79-88; Aubakirova Zh.S. Analiz demograficheskoy bezopasnosti Kazakhstana: potentsial, riski i ugrozy // Otan tarikhy, 2016, No. 2 (74). P. 80-88.
 11. Etnopoliticheskiye protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsiy 1917 g.: monografiya /ed. by Yu. A. Lyssenko. Barnaul, 2017, 384 p.
 12. Valikhanov Ch. Ch. O musul'manstve v stepi / Sobr. soch. v pyati tomakh. Tom 4. Almaty, 1985. 461 p.; Rashin A.G. Naseleniye Rossii za 100 let (1811-1913 gg.). Moscow, 1956, 351 p.
 13. Goryushkin L. M. Agrarnyye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1890-1917 gg). Novosibirsk, 1976. P. 138.
 14. Narodnoye khozyaystvo Kazakhstana v 1987 g. Statisticheskii yezhegodnik. Alma-Ata, 1988. P. 189.
 15. Ibid.
 16. Akimbekov S.M. Predisloviye // Sotsial'nyy portret sovremennogo kazakhstanskogo obshchestva: sb. st. 2 vypusk. IMEP / ed. by S.M. Akimbekov, Astana-Almaty, 2016. P. 34.

17. Statisticheskiy sbornik po otdel'nym pokazatelyam Vsesoyuznykh perepisey naseleniya 1939, 1959, 1970, 1979 i 1989 gg. Alma-Ata, 1991. P. 9, 11.
18. Sultanmuratov N. Protsess urbanizatsii v voprose demograficheskogo perekhoda v kazakhskom obshchestve // Sotsial'nyy portret sovremennogo kazakhstanskogo obshchestva: sb. st. 2 vypusk. IMEP / ed. by S.M. Akimbekov, Astana-Almaty, 2016. P. 88.
19. Demograficheskiy yezhegodnik Kazakhstana. Almaty, 1996, pp. 56-58; Etnodemograficheskiy yezhegodnik Kazakhstana. Statisticheskiy sbornik / ed. by Yu.K. Shokamanov, Almaty, 2006. P. 153.
20. Postanovleniye Pravitel'stva RK ot 17 avgusta 2000 goda No. 272 "O kontseptsii gosudarstvennoy demograficheskoy politiki Respubliki Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001272> (retrieved May 19, 2021).
21. Programma demograficheskogo razvitiya RK na 2001-2005 gody // Kazakhstanskaya pravda, 2001, November 8.
22. Akhmet B. Chto zastavlyayet kandasov stanovit'sya oralmanami – zov krovi ili nuzhda? // Qmonitor, 2021, February 5. URL: <https://qmonitor.kz/politics/800> (retrieved May 20, 2021).
23. O kontseptsii po vkhozheniyu Kazakhstana v chislo 30-ti samykh razvitykh gosudarstv mira. Ukaz Prezidenta RK ot 17.01.2014 No.732. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732> (retrieved May 20, 2021).
24. Prognoznaya skhema territorial'no-prostranstvennogo razvitiya strany do 2020 goda. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 21 iyulya 2011 goda No. 118. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000118> (retrieved June 1, 2021); O projekte Ukaza Prezidenta Respubliki Kazakhstan "Ob utverzhdenii prognoznoy skhemy territorial'no-prostranstvennogo razvitiya strany v do 2030 goda". Postanovleniye Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 23 avgusta 2019 goda No. 652. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000625> (retrieved June 1, 2021).
25. Ibid.
26. Ibid.
27. Koeffitsiyent summarnoy rozhdayemosti, 1950-2019 / Demoskop Weekly, 2021, June 15-28, No. 905-906. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world_tfr.php (retrieved June 05, 2021).
28. Demograficheskiy yezhegodnik Kazakhstana. Statisticheskiy sbornik / ed. by Zh.A. Kulekeyeva. Almaty, 1998. P. 43.; Demograficheskiy yezhegodnik Kazakhstana. 2017. St. sbornik. Ministerstvo natsional'noy ekonomiki RK, Komitet po statistike. Astana, 2017. P. 175-181, 189-190; www.stat.gov.kz.
29. Demograficheskiy yezhegodnik 2019. Nur-Sultan, 2020. P. 93; www.stat.gov.kz.
30. Demograficheskiy yezhegodnik Kazakhstana 2019/ ed. by N. S. Aidapkelov. Nur-Sultan, 2020. P. 94-95.
31. Ibid. P. 143, 145.
32. www.stat.gov.kz
33. Yesimova A.B. Semeyno-rodstvennyye svyazi kak sotsial'nyy kapital v realizatsii

- reproduktivnogo povedeniya // Vestnik PGU. Seriya gumanitarnaya. Pavlodar. No.2, 2010. P. 8-14; Yesimova A.B. Sotsial'nyy kapital i generativnoy/reproduktivnoy povedeniye zhenshchin: poisk vzaimosvyazi // Sbornik dokladov aprel'skoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Moscow, 2012. Vol. 2. P. 327-336.
34. Ivanov R. Pochemu materinskaya smertnost' zashkalivayet? // 365 info. 2021. June 29.
35. Mustafina A. "Rodi mne rebenka, rodi mne syna!" - v Kazakhstane rozhayut vopreki zapretam // 365 info. 2019. November 7.
36. Seydakhmetova B. "Beremennaya stoit odnoy nogoy v mogile" - fakty o materinskoj smertnosti v Kazakhstane // 365 info. 2020. February 20.
37. Zhanuzakov A. Rekordnaya rozhdayemost' zafiksirovana v Kazakhstane v 2020 g. // 365 info. 2021. February 21
38. Sarbassova A. Na pyat' mechetey prikhoditsya shest' shkol. Kakoye budushcheye my stroim nashim detyam? // Qmonitor. 2021. June 30.
39. Zhussupbekova T. Defitsit shkol grozit Kazakhstanu posle rekorda po rozhdayemosti // Kazakhstanskaya pravda. 2021. April 15.
40. Kaissar A. Bezrobotitsu sredi molodezhi nel'zya nazvat' nizkoy, i ona budet tol'ko rasti. Naskol'ko vysokaya bezrobotitsa sredi molodezhi, kakovy yeye osobennosti i pochemu ona vyrastet v blizhayshiye 10 let // Vlast'. 2021. March 3.
41. Industrializatsiya po-kazakhstanski: minus 28 protsentov za dvadtsat' let // Exclusive. kz. 2021. February 9; Ivanov R. Polovine naseleniya v nyneshney ekonomicheskoy modeli net mesta // 365 info. 2020. November 19.
42. Vaal' T. Bol'shaya chislennost' naseleniya gorodov ne gordost', a problema – Tokayev // Vlast'. 2019. October 8.
43. Naukhanov D. Bol'shinstvo uyezzhayushchikh v Rossiyu kazakhstantsev yedut rabotat' // 365 info. 2021. February 8.
44. Deputat nazval "kriticheskim" masshtab ottoka molodykh spetsialistov iz Kazakhstana // Exclusive. Kz. 2021
45. Aubakirova Zh.S., Alekseyenko A.N. Kazakhi v kontekste demograficheskoy istorii Kazakhstana. Nur-Sultan, 2020. P. 336.
46. Postanovleniye Pravitel'stva RK ot 30 marta 2011 goda №293 «O priznanii utrativshim silu Postanovleniya Pravitel'stva RK ot 17 avgusta 2000 g. №1272 "O Kontseptsii gosudarstvennoy demograficheskoy politiki RK". URL: https://kodeksy-kz.com/norm_akt/source-Правительство/тип-Постановление/293-30.03.2011.htm (retrieved June 15, 2021).
47. Skiban O. Tokayev: ne dopustit' izhdivenchestva i vospityvat' trudolyubiye // URL: <https://www.zakon.kz/4984647-tokaev-ne-dopuskat-izhdivenstva-i.html> (retrieved June 15, 2021); Naukhanov D. Narod stal izhdiventsem // 365 info. 2021. June 28.
48. Naukhanov D. Narod stal izhdiventsem // 365 info. 2021. June 28.
49. Rysmambetov R. "Sedyye prem'yery, lysyye akimy". O nishchete bliz Almaty, Nur-Sultana i Turkestana vyskazalsya ekspert // 365 info. 2021. June 6.

50. Tastanova L. Vse luchsheye – sem`yam // Vremya. 2021. July 9.
51. Naukhanov D. Narod stal izhdiventsem // 365 info. 2021. June 28.

Алексеевко А.Н., Өмірзақ Т.Е.

ВЫЗОВЫ ИММИГРАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

*(Исследование выполнено в рамках грантового научного проекта
AP08856205 «Оценка уровня демографической безопасности РК»,
финансируемого Комитетом науки Министерства науки
и образования Республики Казахстан)*

Влияние миграции на формирование населения советского Казахстана имело важнейшее значение. Большую часть XX века Казахстан являлся реципиентом, принимая мигрантов в основном из России. Наиболее существенный миграционный наплыв наблюдался в 1930-60-е годы. Затем из республики начинается отток населения, более всего выраженный в первое суверенное десятилетие. В начале XXI в. сальдо внешней миграции вновь становится положительным. Основной причиной иммиграционного притока явились социально-экономические факторы. Следствием экономического роста стало то, что Казахстан был единственной страной в Центральной Азии, принимающей трудовых мигрантов. Республика впервые столкнулась с подобной проблемой, требующей соответствующего правового сопровождения.

Для постсоветских государств Центральной Азии казахстанский рынок труда имел важнейшее значение. Формировалась миграционная система, в функционировании которой были заинтересованы как «отдающие», так и «принимающая» стороны. Особенностью данной системы (характерной для трудовой миграции в целом) является значительное число нелегальных мигрантов. Точные сведения о численности нелегальных мигрантов в Казахстане в этот период отсутствуют. Имеются лишь оценочные данные отдельных ведомств. Большинство оценок уместается в диапазоне 1–1,5 млн. человек. Уточненную цифру с попыткой структурного анализа в 2007 г. представило Министерство внутренних дел РК – более 1200 тыс. человек. В том числе, из Узбекистана – 570–820 тысяч, Кыргызстана – 400–700 тысяч, Таджикистана – 50–100 тысяч [1]. Минимальная оценочная цифра составляла 1020 тысяч человек, максимальная

– 1620 тысяч. В 2006 г. денежные переводы гастарбайтеров через банки составили 1,1 млрд. долларов, а по другим каналам – от 5 до 7 млрд. [2]. Необходимо учесть, что данные представлены только по трем центральноазиатским государствам. В них не учитываются нелегальные мигранты из Китая, России и других стран.

При этом следовало ожидать дальнейшего роста числа потенциальных нелегалов в Казахстане. Во многом это зависело от эволюций возрастной структуры в государствах Центральной Азии. По данным узбекских экспертов, в первое десятилетие XXI в. количество эмигрантов составляло от 600 тысяч до 1,6 млн. человек в год. В основном они ехали на заработки в Казахстан и Россию. Эксперты были уверены, что это только начало процесса, поскольку до 800 тысяч молодых людей в Узбекистане ежегодно выходят на рынок труда [3]. Реальная трудоизбыточность в Центральной Азии оценивалась в 7–8 миллионов человек [4]. При этом миграционный приток в РК мог быть в значительной мере непредсказуемым. Так, по мнению заместителя начальника управления внешней трудовой миграции департамента по миграции и занятости Кыргызской Республики Эмиля Имакеева: «Нормальная миграция протекает под воздействием стимулирующих факторов. Иными словами, человек едет туда, где ему лучше. Мы же на сегодняшний день имеем дело с вынужденной миграцией – люди уезжают от безысходности, от бедности и безработицы, не имея представления о том, что будет в новой стране. Но жить на родине они не могут и уверены лишь в одном – там, куда они уезжают на заработки, в любом случае хуже не будет» [5]. В условиях кризиса данное мнение приобретает еще большую актуальность.

Примерная структура миграционных потоков в Казахстан была следующей:

1. Явно преобладали так называемые нерегулируемые мигранты. Это те, кто на законных основаниях прибывал в Казахстан, оформлял регистрацию по месту пребывания, получал официальный статус иностранных граждан. Но трудоустраивались такие мигранты нелегально, без контрактов и договоров.

2. Незаконные мигранты. Человек пересекает границу с нарушением закона – вне пунктов контроля, подложным паспортом, просроченной визой. Работали они в основном на хлопке в южных регионах страны. В 2006 г. проводилась акция по легализации незаконных мигрантов. Было «узаконено» 164568 иностранцев вместо 100 тысяч прогнозируемых.

3. Иностранцы, прибывающие в Казахстан и трудоустраивающиеся на законном основании с соблюдением всех правовых норм и требова-

ний. Таковых в Казахстане было совсем немного. Динамика привлечения «законной» иностранной рабочей силы была следующей (по квоте): 2002 г. – 12 тысяч иностранцев, 2003 г. – 12,8 тысяч, 2004 г. – 21,1 тысяч, 2005 г. – 24,8 тысяч, 2006 г. – 40,9 тысяч, 2007 г. – 58,8 тысяч, 2008 г. – 132 тысячи (реально привлечено около 60 тысяч), в 2009 г. квота была сокращена в два раза [6].

Фактически, «официально» в Казахстане трудились лишь около 5% иностранцев (если учесть, что наиболее часто встречающаяся цифра иностранных мигрантов – 1200 тысяч, а по квоте максимально – около 60 тысяч). Большинство находило работу через так называемые мигрантские сети – с помощью родственников (22%), знакомых, земляков (31%), самостоятельно (20%). С помощью службы занятости устраивались лишь 5% мигрантов [7].

На рынке труда Казахстана сформировались 4 центра притяжения трудовых мигрантов: Алматинская и Жамбылская области, где гастарбайтеры заняты преимущественно на табачных и овощных плантациях; хлопководческие и овощеводческие комплексы Южно-Казахстанской области; Астана и Алматы; нефтедобывающий запад Казахстана [8].

Прослеживается четкая связь между сферой занятости и страной исхода (при этом необходимо учесть, что страны исхода в подавляющем большинстве представляют их коренные жители). Так, граждане Кыргызстана были преимущественно заняты в табачководческой и овощеводческой отраслях, Узбекистана – на выращивании и уборке хлопка, овощей, бахчевых культур. На нефтяные и газовые месторождения западных регионов трудоустраивались квалифицированные специалисты из России, Украины, Турции. Представители всех центральноазиатских государств были задействованы в строительном секторе и сфере услуг в Астане и Алматы. Вследствие дифференциации мигрантов по сферам занятости в зависимости от страны происхождения, имело место формирование анклавных рынков труда и этнических анклавов [9].

Таким образом, нелегальная миграция являлась одной из проблем национальной безопасности Казахстана. Важной причиной нелегальной миграции было несовершенство отечественного законодательства [10]. Слабая правовая база – объективная проблема государств, недавно столкнувшихся с международной трудовой миграцией. Во время существования СССР данный вид миграции квалифицировался как «внутренняя миграция», регулируемая законом одной страны. В постсоветский период законы стран СНГ существенно расходятся, помимо этого необходимо

соблюдение и норм международного права.

Проблема несоответствия законодательной базы быстро меняющимся социально-экономическим реалиям была поставлена на стыке XX – XXI веков. Отмечалось, что нет единого государственного органа, который бы координировал всю миграционную политику. Например, разрешение на работу давало Министерство труда, контроль за соблюдением правил пребывания и регистрации иностранцев осуществлялся миграционной полицией, квотами иммиграции на оралманов занималось Агентство по миграции и демографии, а вопросами гражданства – Министерство внутренних дел [11, с.17-27].

Преобразование Агентства по миграции и демографии РК в комитет по миграции Министерства труда и социальной защиты населения, сути проблемы не изменило. В 2006 г. «Казахстанская правда» констатирует: процесс нелегальной миграции принял такие масштабы, что требуется специальное правовое регулирование [12]. В 2008 г. проблема осознается шире – речь идет о необходимости создания единого законодательства для стран Центральноазиатского региона [13]. Но реальных подвижек не последовало. В 2009 г. глава центра ОБСЕ в Астане А. Кельчевский заявил: «В 2010 г. Казахстан выступит Председателем в ОБСЕ, где будет представлять принципы, цели и ценности нашей организации. И на сегодня одна из важнейших рекомендаций для вашей страны – это принятие закона о миграции, который должен стать лейтмотивом формирования эффективной политики в этой области не только в Казахстане, но и в регионе» [14].

Проблема заключалась в том, что не было ясно – или упростить легализацию мигрантов, или, напротив, ужесточить, сократить квоты. После того, как присутствие в Казахстане мирового экономического кризиса было признано официально, принимается решение о сокращении в два раза квоты на привлечение иностранной рабочей силы в 2009 г. Предусматривалось запретить привлечение иностранцев по тем специальностям и профессиям, которые в достаточной степени обеспечены местными кадрами [15].

На наш взгляд, ужесточение процедуры регистрации мигрантов, уменьшение квоты способно привести к росту нелегальной миграции. Меры были вызваны экономическим кризисом, защитой казахстанских работников. Но кризис коснулся и экономики стран-доноров. Вследствие этого число потенциальных мигрантов продолжало расти еще более высокими темпами. Причины трудовой миграции никуда не делись. Запре-

чительные меры лишь затрудняли процесс ее реализации. При этом необходимо отметить, процесс реализации именно легальной миграции. На варианты нелегальной трудовой миграции данные меры значительного влияния оказать не могли.

Ужесточение законодательства не могло устраивать и потенциальных казахстанских работодателей. Достаточно взглянуть на механизм регулирования привлечения и использования иностранных специалистов в это время. Работодатели должны персонифицировать разрешение на привлечение работника из-за границы. Вводится балльная оценка работника по следующим критериям: образование; стаж по профессии; наличие спроса на конкретную специальность на рынке. Работодатель должен подтвердить наличие свободных рабочих мест и невозможность удовлетворить спрос за счет внутренних ресурсов. Работодатель обязан проводить мероприятия по подготовке, переподготовке, повышению квалификации казахстанских граждан по специальностям, на которые приглашается иностранная рабочая сила. Обозначен порядок выделения квоты. Работодатель должен подать заявку в местный исполнительный орган о соответствующей потребности на предстоящий год. Затем заявки поступают в Министерство труда и социальной защиты населения. Министерство, с учетом поступивших из регионов данных, в период до 1 декабря вносит проект нормативно-правового акта о выделении квоты. В течение 15 дней после принятия на уровне правительства соответствующего постановления, министерство распределяет квоту между регионами с учетом их потребностей. В пределах установленной квоты исполнительными органами выдается разрешение на привлечение иностранной рабочей силы [16].

Не удивительно, что выгоднее и проще было использовать труд иностранных рабочих нелегально. При этом некоторые «особенности» казахстанского законодательства фактически подталкивают работодателя к использованию труда нелегалов. Так, согласно Конституции, принудительный труд допускается только по приговору суда либо в условиях чрезвычайного или военного положения. Но в одной из статей Трудового кодекса расширяется круг работ, которые могут не относиться к принудительным. И если казахстанца от принуждения к труду защищают профсоюзы, государственные органы, политические партии, суд, то мигранты такой защиты не имели [17]. Поэтому они и необходимы казахстанским предпринимателям.

Таким образом, трудовая миграция (как легальная, так и нелегальная) с социально-экономической точки зрения выгодна как для стран-

доноров, так и стран-реципиентов. В государствах, имеющих высокий уровень безработицы, вывоз рабочей силы за пределы страны формирует важнейшую часть экспорта. В Центральной Азии это, в первую очередь, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан. Немалую выгоду имеет и единственный в регионе реципиент – Казахстан. Во всяком случае, за счет иностранных рабочих в республике существенно выросло число предпринимателей [18]. В большой степени существование малого и среднего бизнеса зависело именно от труда нелегальных мигрантов.

В первое десятилетие XXI в. на развитие миграционных процессов определяющее влияние оказывал мировой экономический кризис. Отразились его веяния и на отношение к международной трудовой миграции. Предусматривался ряд мер по трудоустройству в первую очередь граждан Казахстана. В то же время логика кризиса не коснулась иммиграционной политики. Процесс репатриации этнических казахов находился вне социально-экономического контекста государственной стратегии. Если в 2008 г. в квоту иммиграции включалось 15 тысяч семей этнических казахов, то с 2009 г. она была увеличена до 20 тысяч семей в год. В кратких итогах деятельности правительства РК за 2008 г. подчеркивалось, что в миграционной политике особое место занимает регулирование этнической миграции. Предполагалось, что поток этнической миграции в перспективе может быть увеличен, так как в странах зарубежья проживает от 3,5 до 4,5 миллионов казахов (в основном в Узбекистане, Китае, России) [19].

Наращение этнической миграции происходило на фоне обостряющихся проблем социально-трудовой сферы в РК, четко обозначенных министром труда и социальной защиты населения Б.Сапарбаевым. Выделим основные: высокая чувствительность национального рынка труда к внутренним и внешним факторам движения трудовых ресурсов. Она проявляется в несбалансированности спроса и предложения на рабочую силу как по количеству, так и по качеству; сохранение относительно высокого уровня безработицы; высокая доля занятости в трудоемких и низкопроизводительных отраслях (31,2% из общего числа занятых приходится на сельское хозяйство) и доле самостоятельно занятого населения (34% от численности занятого населения в 2008 г., в том числе 1,3 миллиона человек, занятых на личных подворьях); низкое качество рабочей силы – из общего числа занятых, лишь 26,8% - лица с высшим образованием, 37,7% - со средним специальным, 35,5% - средним общим образованием [20]. Министр выделил следующие виды социальных рисков: потеря (отсутствие) работы; нарушение трудовых прав; неуправляемая миграция

населения [21].

Этническая миграция, если взглянуть на нее через социально-экономическую призму, существенно обостряла вышеперечисленные проблемы. Проблема занятости среди репатриантов стояла наиболее остро - уровень безработицы составлял более 30% [22].

В начале XXI в. государство пытается взять под контроль и стихийный процесс внутренней миграции. Разработана программа «Нурлы Көш», главная задача которой – рациональное расселение населения, проживающего в неблагоприятных районах страны в интересах демографического и социально-экономического развития регионов. Запланировано расселить десятки тысяч семей.

Таким образом, в начале XXI в. в истории отечественной миграции наступил новый этап. Особенность его в том, что миграционные процессы в основном перешли под контроль Республики Казахстан (в меньшей мере это касается нелегальной трудовой миграции). Внешнее влияние на демографические, миграционные процессы постепенно становится вторичным и ситуацию не определяет. Демографическая, миграционная системы стали функционировать преимущественно на эндогенной основе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Казахстанская правда, 2007, 4 мая.
2. Казахстанская правда, 2008, 27 декабря.
3. Казахстанская правда, 2006, 10 июня.
4. Казахстанская правда, 2007, 4 мая.
5. Панорама, 2006, 15 сентября.
6. Панорама, 2006, 15 сентября; Казахстанская правда, 2008, 27 декабря. Казахстанская правда, 2009, 20 января.
7. Панорама, 2006, 15 сентября.
8. Там же.
9. Там же.
10. Казахстанская правда, 2006, 17 марта.
11. см. Алексеев А. Н. Казахстан: некоторые характеристики миграционных процессов // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара/ Под ред. В.И.Дятлова. – М.; Иркутск: Наталис, 2004. – с. 17–27.
12. Казахстанская правда, 2006, 4 февраля.
13. Казахстанская правда, 2008, 9 мая.
14. Казахстанская правда, 2009, 25 июня.
15. Казахстанская правда, 2009, 20 января.

16. Панорама, 2006, 15 сентября.
17. Казахстанская правда, 2008, 27 декабря.
18. Панорама, 2006, 15 сентября.
19. Казахстанская правда, 2009, 9 января.
20. Казахстанская правда, 2009, 20 января.
21. Там же.
22. Там же.

Ғали Д.Ә.

COVID-19 ПАНДЕМИЯ КЕЗЕҢІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАН ХАЛЫҚЫНЫҢ ҰДАЙЫ ӨСУІНІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ (2020-2021 ЖЫЛДЫҢ БІРІНШІ ЖАРТЫЖЫЛДЫҒЫ)

Қазақстан Республикасы Орталық Азиядағы әлемдік демографиялық сын-кәтерлер мен трендтер ерекше жылдамдықпен және әртүрлілікпен қалыптасатын бірегей мемлекет болып табылады. Сонымен қатар, бұл процестер көп ұлтты мемлекетте жалпы қабылданған әлемдік мерзімдермен салыстырғанда анағұрлым қарқынды түрде қалыптасады.

COVID-19 пандемиясы халықтың көші-қон қозғалысына ғана емес, табиғи көбеюге де айтарлықтай әсер етті. Барлық жас топтарында болып жатқан өлім-жітімнің ұлғаю үрдісі барлық әлемде, соның ішінде Қазақстанда да байқалады. Бұл ретте республикада бала туу саны артты, бұл қазіргі жағдайдағы сөзсіз демографиялық феномен болып табылады. Жаңа дельта штаммының пайда болуын ескере отырып, пандемияның демографиялық процестерге әсері айтарлықтай өсті. Осылайша, Қазақстанның 2021 жылдың бірінші жартыжылдығындағы демографиялық дамуы 2020 жылдың осы кезеңімен салыстырғанда шынайы қызығушылық тудырады.

Халықтың көбею процестері ұрпақтардың табиғи өзгеруін қамтамасыз етеді, сонымен қатар халық санының қалыптасуына ғана емес, сонымен бірге оның жыныстық-жас және этникалық құрамына да әсер етеді, бұл өз кезегінде еңбек ресурстарының дамуы мен таралуына ықпал етеді. Нәтижесінде, бұл өзгерістер мемлекеттің әлеуметтік-экономикалық дамуына әсер етеді.

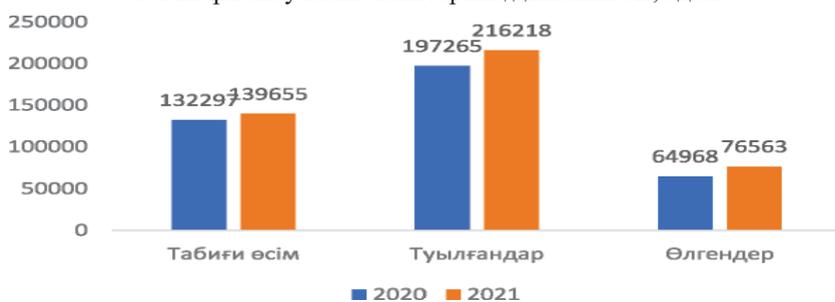
Пандемияға байланысты қалыптасқан жағдайдың күрделілігіне қарамастан, Қазақстанның демографиялық дамуы оң үрдістерге ие. 2021 жылдың бірінші жартыжылдығында халық саны 19 миллион адам

шегіне жетті және жыл басымен салыстырғанда 0,7%-ға, ал 2020 жылдың 1 шілдесімен салыстырғанда 1,3%-ға ұлғайды. Халық санының өсуінің себебі – табиғи өсім. 2021 жылдың бірінші жартыжылдығында жалпы өсім 130,0 мың адамды құрады. Бұл ретте халықтың көші-қонының теріс сальдосы есебінен адам шығыны 9,5 мың адамды құрады.

2021 жылдың 1 бірінші жартыжылдығында халықтың табиғи өсімі өткен жылдың ұқсас кезеңімен салыстырғанда 7,4 мың адамға немесе 5,6%-ға артты (1-суретті қараңыз).

1 - сурет

2020-2021 жылдардағы (1 жартыжылдық) Қазақстан халқының табиғи өсімін ұлғайту компоненттерінің динамикасы, адам

Ақпарат көзі: ҚР СЖЖРА ҰСБ. Стат. бюллетень «Қазақстан Республикасы халқының табиғи қозғалысы. 2021 жылғы қаңтар-маусым».

Табиғи өсімнің ұлғаюы 17 өңірдің 10 өңірінде байқалады, оның ішінде ең жоғары өсім Түркістан облысында (3,7 мың адамға немесе 16%-ға), Шымкент қаласында (2,5 мың адамға немесе 22%-ға), Қызылорда облысында (1,3 мың адамға немесе 16%-ға), Ақтөбе облысында (1,0 мың адамға немесе 15%-ға), сондай-ақ Нұр-Сұлтан қаласында (0,1 мың адамға немесе 1,3%-ға) (1-кестені қараңыз).

1-Кесте. Қазақстан халқының табиғи өсімін ұлғайту көрсеткіштері 2021 және 2020 жылдардың 1 жартыжылдығында (адам)

	Табиғи өсім		Туылғандар		Өлгендер	
	2020	2021	2020	2021	2020	2021
Қазақстан Республикасы	132 297	139 655	197 265	216 218	64 968	76 563
Ақмола	2 347	2 266	5 941	6 423	3 594	4 157

№1 кестенің жалғасы

	<i>Табиғи өсім</i>		<i>Туылғандар</i>		<i>Өлгендер</i>	
	<i>2020</i>	<i>2021</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>
Ақтөбе	6 783	7 819	9 518	11 016	2 735	3 197
Алматы	18 590	19 055	25 361	27 193	6 771	8 138
Атырау	6 678	7 159	8 340	9 166	1 662	2 007
Батыс Қазақстан	3 475	3 603	6 221	7 025	2 746	3 422
Жамбыл	9 930	10 290	13 492	14 748	3 562	4 458
Қарағанды	4 668	4 306	11 143	11 680	6 475	7 374
Қостанай	1 306	360	5 590	5 373	4 284	5 013
Қызылорда	7 703	8 991	10 039	11 364	2 336	2 373
Маңғыстау	8 599	9 564	10 130	11 212	1 531	1 648
Павлодар	1 958	1 318	5 612	5 729	3 654	4 411
Солтүстік Қазақстан	136	-402	3 294	3 193	3 158	3 595
Түркістан	22 233	25 928	27 512	31 387	5 279	5 459
Шығыс Қазақстан	3 825	3 027	10 684	11 139	6 859	8 112
Нұр-Сұлтан қ.	11 859	12 008	14 123	14 804	2 264	2 796
Алматы қ.	10 764	10 431	16 547	18 146	5 783	7 715
Шымкент қ.	11 443	13 932	13 718	16 620	2 275	2 688

Ақпарат көзі: ҚР СЖЖРА ҰСБ. Стат. бюллетень «Қазақстан Республикасы халқының табиғи қозғалысы. 2021 жылғы қаңтар-маусым».

1 жартыжылдықта (бұдан әрі – мәтін бойынша – 1 жарт.) 2021 жылы өткен кезеңмен салыстырғанда табиғи кему 6 өңірде байқалады: Қостанай облысында (0,9 мың адамға немесе 72,4%-ға), Шығыс Қазақстан облысында (0,8 мың адамға немесе 21%-ға), Павлодар облысында (0,6 мың адамға немесе 33%-ға), Қарағанды облысында (0,4 мың адамға немесе 7,8%-ға) және т.б. [1].

Солтүстік Қазақстан облысын қоспағанда, барлық өңірлерде табиғи қозғалыстың оң серпіні байқалады. Солтүстік Қазақстан облысында 2021 жылдың 1 жарт. депопуляция процесі байқалады, яғни өлім-жітімнің туу деңгейінен асып кетуі теріс өсуге әкелді (минус 0,4 мың адам). Облыста табиғи кему қала тұрғындарымен қатар, ауыл тұрғындарының ара-

сында да жүреді. Облыстың қалалық елді мекендерінің арасында табиғи өсім 2021 жылдың 1 жарт. теріс мәнді көрсетті (минус 133 адам), бір жыл бұрын оң болды (плюс 172 адам). Сонымен қатар, 2020-2021 жылдары ауылдық елді мекендерде табиғи қозғалыстың теріс динамикасы байқалады, 2020 жылы минус 36 адам, ал 2021 жылы минус 269 адам.

Бала туудың ең көп саны репродуктивті жастағы тұрғындар санының көп болуына байланысты қала тұрғындарына тиесілі. Зерттелген кезеңде қала тұрғындары арасында табиғи өсім үлесінің төмендеуі, ауыл тұрғындарының көбеюі байқалады. 2020 жылдың 1 жарт. табиғи қозғалыстың жалпы өсімінде қала тұрғындарының үлесі 58%-ды, ауыл тұрғындарының үлесі 42%-ды, ал өткен жылы тиісінше 56%-ды және 44%-ды құрады.

Қалалық және ауылдық елді мекендердегі табиғи өсім келесідей өзгерістерді сипаттайды. Қалалық елді мекендерде табиғи өсімнің жоғары үлес салмағы Нұр-Сұлтан, Шымкент, Алматы қалаларында (16-14%-дан), сондай-ақ Түркістан және Ақтөбе облыстарында (7-8%-дан) және т.б. Ауыл қоныстарында Түркістан (29%), Алматы (26%), Жамбыл (10%) және Маңғыстау (9%) облыстарында байқалды.

Қала халқының табиғи өсімінің оң серпіні бар өңірлерге келесілер жатады: Шымкент қаласы және Түркістан облысы (1,0 мың адамға немесе 2020 жылдың 1 жарт. салыстырғанда 17%-ға өсу), Ақтөбе облысы (0,8 мың адам немесе 16%), Қызылорда облысы (0,4 мың адам немесе 11%), Маңғыстау облысы (0,3 мың адам немесе 9%), Нұр-Сұлтан қаласы және Атырау облысы (0,07 мың адам немесе 1,8%).

Қалалық қоныстарда Шығыс Қазақстан облысында (0,8 мың адам немесе 28,5%-ға), Қостанай облысында (0,6 мың адам немесе 64,4%-ға), Қарағанды облысында (0,4 мың адам немесе 12,3% - ға), Солтүстік Қазақстан облысында (0,3 мың адамға) және Алматы қаласында (3,3 мың адам немесе 3,1%-ға) табиғи өсімнің төмендеуі байқалады.

Ауыл тұрғындары арасында табиғи өсім қарқынының артуы 13 өңірде тіркелді: Түркістан, Қызылорда, Маңғыстау, Алматы облыстары. Өсімнің төмендеуі Қостанай, Павлодар, Солтүстік Қазақстан және Шығыс Қазақстан облыстарында байқалады.

Халықтың табиғи қозғалысы процесіне Түркістан облысы үлкен үлес қосты (2020 жылдың 1 жарт. туу қорытындысына 17%). Алматы облысы (14%), Шымкент және Нұр-Сұлтан қалалары (9%-дан), Жамбыл облысы және Алматы қаласы (8%-дан). Туудың жалпы санындағы ең төменгі үлес салмағы Солтүстік Қазақстан, Павлодар, Шығыс Қазақстан және Батыс Қазақстан облыстарына келеді.

2014-2016 жылдары (15,15-15,45 промилле) байқалған халықтың табиғи қозғалыс коэффициентінің айтарлықтай өсуі 2017-2020 жылдары (14,16-14,63 промилле) аздап төмендеді, содан кейін 2021 жылдың бірінші жартыжылдығында қайтадан өсті (14,82 промилле).

2018 жылдан бастап байқалатын бала туудың өсуі 2021 жылы да жалғасуда. 2021 жылдың бірінші жартысында 2020 жылдың ұқсас кезеңімен салыстырғанда туу саны 9,6%-ға өсті.

Туудың жалпы санындағы үлес салмағы бойынша туудың таралуы республика бойынша айтарлықтай дифференциациясын көрсетеді, ол аймаққа байланысты 1%-дан 15%-ға дейін өзгереді. Туылғандардың ең көп үлес салмағы Түркістан және Алматы облыстарына, ең азы Солтүстік Қазақстан, Қостанай, Батыс Қазақстан және Павлодар облыстарына келеді.

Түркістан облысында (3,9 мың адам немесе 114%-ға), Шымкент қаласында (2,9 мың адам немесе 21,2%), Алматы облысында (1,8 мың адам, 7,2% - ға), Ақтөбе облысында (1,5 мың адам, 15,7%-ға) туу санының өсуі және т.б. байқалады.

Бала туу санының қарқындылығын бағалау үшін туу коэффициенті қолданылады. Туудың жалпы коэффициенті деңгейінің жіктелуіне сәйкес (В.А. Борисов және Б.Ц. Урланис бойынша) [2] 2021 жылдың 1 жарт. 1000 адамға шаққандағы туудың «жоғары үлесіне» (30-40 промилледен) – Шымкент қаласы, Түркістан және Маңғыстау облыстары, «орташадан жоғары» (25- 29 промилледен) – Ақтөбе, Нұр-Сұлтан қаласы, Жамбыл, Алматы, Атырау және Қызылорда облыстары, «орташаға» (16- 24 промилледен) – Шығыс Қазақстан, Қарағанды, Ақмола, Батыс Қазақстан облыстары және Алматы қаласы жатады және «төмен» (16 промилледен кем) Солтүстік Қазақстан, Қостанай және Павлодар облыстары.

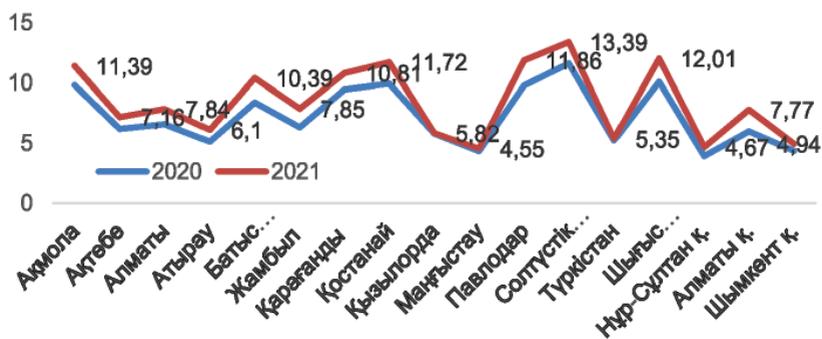
Ауылдық елді мекендерде қалалық елді мекендермен салыстырғанда туудың жалпы коэффициенті қалаға қарағанда үлкен және өсу тенденциясы бар. 2020 жылдың 1 жарт. ауыл тұрғындары арасында туу коэффициенті 21,25 промиллені құрады, өткен жылы ол 23,46 промиллені құрады, яғни 2021 жылы 2,2 мың адамға немесе өткен жылмен салыстырғанда 10%-ға өсті. Қалаларда бала туудың осы коэффициенті тиісінше 21,07 және 22,60 промиллені құрады, өсім тиісінше 7,3%.

2020-2021 жылдардың 1 жарт. республика бойынша өлім-жітім өсуде және сол арқылы бала туудың жоғары өсімін басады. Республика бойынша 2021 жылдың 1 жарт. өлім-жітім өткен жылмен салыстырғанда (65 мың адам) 11,5 мың адамға немесе 17,8%-ға ұлғайып, 76,6 мың адамды құрады.

Қазақстанның барлық облыстарында өлім-жітімнің өсуі байқалады (2- суретті қараңыз). Өлім-жітім саны жоғары өңірлерге (яғни орташа республикалық мәннен жоғары) Алматы қаласы (33,4%-ға), Жамбыл облысы (25,2%-ға), Батыс Қазақстан облысы (24,6%-ға), Нұр-Сұлтан қаласы (23,5%-ға), Атырау облысы (20,8%-ға), Павлодар облысы (20,7%-ға), Алматы қаласы (20,2%-ға), Шығыс Қазақстан облысы (18,3%-ға) және Шымкент (18,2%). 2020-2021 жылдардың 1 жарт. Қызылорда және Түркістан облыстарында өлім-жітімнің төмендеуі байқалады (тиісінше 1,6% және 3,4%-ға өсті).

Өңірлер бойынша өлім-жітім көрсеткішінің өсу себептерінің бірі – бұл өлім санының ұлғаюына себеп болатын егде жастағы халықтың жоғары үлес салмағы.

2 – сурет Өңірлер бөлінісінде Қазақстандағы өлім-жітімнің жалпы коэффициенті 2020 және 2021 ж. ж. 1 жартыжылдығы үшін

бликасы халқының табиғи қозғалысы. 2021 жылғы қаңтар-маусым)».

2020-2021 жж. 1 жарт. қалалық елді мекендерде өлім-жітімнің өсу қарқыны ауылдық жерлерге қарағанда жоғары. 2021 жылдың 1 жарт. Қазақстан өңірлері бойынша өлім-жітім 2020 жылмен салыстырғанда 21,5%-ға ұлғайды.

2021 жылдың 1 жарт. өлім-жітімнің жалпы коэффициенті 1000 адамға шаққанда 8,12 адамды құрады және өткен жылмен салыстырғанда 17%-ға өсті (6,96 промилле).

Өлім себептерінің негізгі кластары бойынша өлгендердің өзгеруі келесідей:

- қан айналымы жүйесінің ауруынан 2020 және 2021 жж. 1 жарт. халық өлімінің жалпы санының үлесі 24% құрады. Бұл жағдайда осы ау-

рудан 2021 жылдың 1 жарт. өткен жылмен салыстырғанда 19%-ға көбірек қайтыс болды;

- жаңа ісіктерден өлім санының үлесі 2021 жылдың 1 жарт. 9,4%, 2020 жылдың 1 жарт. 11,5%-ды құрады. 2021 жылдың 1 жарт. алдыңғы кезеңмен салыстырғанда 3%-ға төмендегені байқалады;

- жазатайым оқиғалардан, уланудан және жарақаттанудан қайтыс болғандар санының үлесі 7,2%-ды құрады және ол 2021 жылдың 1 жарт. Өткен жылға қарағанда 13%-ға ұлғайды;

- тыныс алу органдарының ауруларынан 10% қайтыс болды, ол жылдық салыстыру кезінде 8%-ға артып отыр;

- ас қорыту жүйесінің ауруынан барлық өлімнің шамамен 8%-ы келеді және 2021 жылдың 1 жарт. өткен кезеңімен салыстырғанда 8%-ға ұлғаю үрдісі бар;

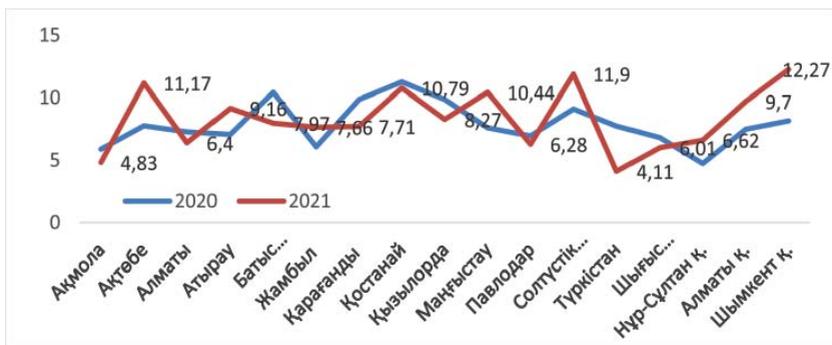
- инфекциялық және паразитарлы аурулардан қайтыс болғандардың жалпы санының шамамен 1%-ы қайтыс болады, 2021 жылдың 1 жарт. өткен жылмен салыстырғанда 18%-ға төмендейді.

Өмір сапасының, жалпы денсаулық жағдайының, денсаулық сақтау жүйесінің даму деңгейінің көрсеткіштерінің бірі нәрестелер өлімінің коэффициенті болып табылады. Коэффициент өткен кезеңмен салыстырғанда 2021 жылдың 1 жарт. әлемде сәби өлімі азайған кезде 2,2%-ға артты. 2018 жылдан бастап Қазақстанда сәби өлімі коэффициентінің артуы Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы ұсынған тірі туудың жаңа өлшемдеріне көшумен байланысты [3].

Қала халқы арасында нәрестелер өлімінің деңгейі артты. 2021 жылдың 1 жарт. 1 жасқа дейін өлім-жітім коэффициенті қалалар бойынша өткен жылмен салыстырғанда 26,3%-ға өсті, ал ауылда ол тиісінше 37%-ға төмендеді. Қалалық қоныстар бойынша нәресте өлімінің өсуі Қарағанды, Батыс Қазақстан және Қостанай облыстарын қоспағанда, барлық дерлік өңірлерде тіркелген. Зерттелген кезеңде айтарлықтай өсім Солтүстік Қазақстан, Жамбыл (2 есе), Маңғыстау, Атырау облыстарында (1,7 есе) және Шымкент қаласында (1,5 есе) байқалды (3-суретті қараңыз).

3 – сурет Өңірлер бөлінісінде Қазақстандағы нәрестелер өлім-жітімінің

коэффициенті 2020 және 2021 жылғы 1 жартыжылдықта 1000 тірі туғандарға

Ақпарат көзі: ҚР СЖЖРА ҰСБ. Стат. бюллетень «Қазақстан Республикасы халқының табиғи қозғалысы. 2021 жылғы қаңтар-маусым».

Бір жасқа дейінгі балалардың өліміне әкелетін аурулардың себептерінің арасында келесі ерекшеліктер бар (2021 жылғы 1 жарт.):

- перинаталдық кезеңде болатын жағдайлардан 1 жасқа дейін барлық қайтыс болғандар санының 55% шетінеді;
- туа біткен ауытқулардан 20%;
- инфекциялық және паразиттік аурулардан 4,3%;
- тыныс алу органдарының ауруларынан 3,9%;
- жазатайым оқиғалардан, уланудан және жарақаттанудан 3%.

2021 жылдың 1 жарт. өткен кезеңмен салыстырғанда 1 жасқа дейін өлім-жітім саны перинаталды кезеңдегі ауруларға байланысты 16%-ға және жұқпалы және паразиттік аурулардан 11%-ға өсті. Басқа аурулар бойынша 1 жасқа дейінгі балалардың өлім санының төмендеуі байқалады.

2020-2021 жж. 1 жарт. қазақтар, өзбектер, әзірбайжандар, дүнгендер, немістер және ұйғырлар арасында оң табиғи өсім байқалады. Халық санының табиғи кемуі орыстар, украиндар, белорустар мен татарлар арасында байқалды (2-кестені қараңыз). Табиғи өсім көрсеткіштерін этностар бойынша аралық салыстыру қазақтар мен өзбектерде оның ұлғайып келе жатқанын көрсетеді. Қазақтарда туудың өлім-жітімнен артуы 12,4 мың адамды құрады немесе 2020 жылдың 1 жарт. шаққанда 9,8%-ға өсті, өзбектерде 1,4 мың немесе 20% өсім болды. Басқа этностарда жылдар аралығында табиғи өсімнің төмендеуі байқалады. Мысалы, орыстар ара-

сында 4,5 мың адамға немесе 83%-ға, украиндар 0,8 мың адамға немесе 38,5%-ға, белорустар 0,1 мың адамға немесе 40%-ға, әзірбайжандар 0,04 мың адамға немесе 4,7%-ға, татарлар 0,3 мың адамға немесе 613%-ға, дүнгендер 0,05 мың адамға немесе 6%-ға, немістер 0,1 мың адамға немесе 33% және ұйғырлар 1 мың адамға, немесе 4,3% кему байқалады.

2-Кесте Қазақстан халқының табиғи өсімі 2020-2021 жылдар бойынша этностар бөлінісінде (1 жартыжылдық) адам

	<i>Туғандар</i>		<i>Өлгендер</i>		<i>Табиғи өсім</i>	
	<i>2020</i>	<i>2021</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>
Барлығы	197 265	216 218	64 968	76 563	132 297	139 655
Орыстар	16 131	15 767	21 657	25 874	-5 526	-10 107
Украиндер	1 735	1 660	3 832	4 564	-2 097	-2 904
Белорустар	385	350	738	843	-353	-493
Өзбектер	8 505	9 908	1 559	1 579	6 946	8 329
Қазақтар	157 288	174 703	30 868	35 852	126 420	138 851
Әзірбайжандар	1 249	1 306	392	489	857	817
Татарлар	1 318	1 384	1 360	1 684	-42	-300
Дүнгендер	1 073	1 108	120	212	953	896
Немістер	1 448	1 469	1 059	1 207	389	262
Ұйғырлар	3 014	3 228	817	1 126	2 197	2 102
Басқа этностар	5 080	5 293	2 536	3 103	2 544	2 190

Ақпарат көзі: ҚР СЖЖРА ҰСБ. Стат. бюллетень «Қазақстан Республикасы халқының табиғи қозғалысы. 2021 жылғы қантар-маусым».

2021 жылғы 1 жарт. республика бойынша туылғандардың жалпы санының 80%-ға жуығы қазақтар, ал 2020 жылғы 1 жарт. 79,7%, орыстар 7,3% және 8,2% (сәйкесінше), украиндар 0,8% және 0,9%, немістер 0,7% және 0,7%, белорустар 0,2% және 0,2%, өзбектер 4,3% және 4,6%, ұйғырлар 1,5% және 1,5%, дүнгендер 0,5% және 0,5%.

Қарастырылып отырған кезеңде өзбектерде туылғандар саны 2020 жылдың 1 жарт. 16%-ға артады. 2020 жылы қазақтарда 11%-ға, ұйғырларда 7%-ға, татарларда 5%-ға, дүнгендерде 3,3%-ға және әзірбайжандарда 4,6%-ға өсті. Жыл аралық салыстыруда туу өсімінің

төмендеуі белорустарда 9,1%-ға және украиндарда 4,3%-ға байқалады.

2021 жылдың 1 жарт. өлім республика бойынша 76,5 мың адамды құрады, бұл 2020 жылға (65,0 мың адам) қарағанда 17,8%-ға немесе 11,6 мың адамға артық. Қазақтарда қайтыс болғандар саны 2020 жылмен салыстырғанда 2021 жылы 16%-ға өсті. Дүнгендерде өлім санының 77%-ға, ұйғырларда 38%-ға, әзірбайжандарда 25%-ға, татарларда 23,8%-ға, орыстар мен украиндарда 19%-ға, белорустар мен немістерде 14%-ға жоғары өсу қарқыны байқалады.

Этностар бойынша өлім-жітімнің республика бойынша қайтыс болғандардың жалпы санына қатынасы 2021 жылдың бірінші жартыжылдығында қайтыс болған қазақтардың үлес салмағы 47%-ды, орыстардың – 34%-ды, украиндардың – 6%-ды, өзбектер мен немістердің – 2%-ды құрағанын көрсетеді.

1 жасқа дейінгі нәрестелерде өлім саны 181 адамға артып, 2021 жылдың бірінші жартыжылдығында олардың саны 1 688 адамға жетті. Сондай-ақ, этностар бөлінісінде нәрестелер өлімінің өсуі байқалады. Ең көп ұлғаю әзірбайжандарда (50,0%-ға), қазақтарда (13,3%-ға), украиндарда (10%-ға) және орыстарда (7,7%-ға) болды. Тәжіктерде 1 жасқа дейін қайтыс болғандар саны 71,4%-ға және күрдтерде 50%-ға төмендеді.

1 жасқа дейінгі шетінеген балалардың этнос бөлінісінде қайтыс болған сәбилердің жалпы санына қатынасы көрсеткендей, қайтыс болған қазақ сәбилерінің үлесі 80%-ды, орыстардың – 9,1%-ын, өзбектердің – 3,3%-ды, ұйғырлардың – 0,8%-ды және украиндықтардың – 0,2%-ды құрағанын көрсетеді.

Қорытындылай келе, 2021 жылдың бірінші жартыжылдығында 2020 жылдың сәйкес кезеңімен салыстырғанда бала туудың өсуіне байланысты халықтың табиғи өсімінің артуы байқалады. Сонымен бірге, осы фактордың арқасында өлімнің өсуі ұлттық деңгейде демографиялық дамуға айтарлықтай зиян тигізбеді, бірақ аймақтық демографиялық дамуда айтарлықтай айырмашылықтар бар. Халықтың табиғи кемуі байқалатын Солтүстік Қазақстан облысын қоспағанда, республиканың барлық өңірлерінде табиғи өсім байқалады. СҚО мен Қостанай облысында бала туудың төмендеуі тіркелген, басқа өңірлерде де өсім байқалды.

Дәстүр бойынша, туудың ең жоғары деңгейі оңтүстік және батыс аймақтарға келеді, онда ауыл тұрғындарының үлесі жоғары және халықтың құрылымы жасырақ. Өлім деңгейі барлық аймақтарда өсті. Әсіресе егде жастағы (65 жас және одан жоғары) халықтың үлесі жоғары өңірлерде немесе басқаша айтқанда, СҚО, ШҚО, Қарағанды, Пав-

лодар облыстары және т.б. сияқты елдің «қартайған» өңірлерінде де республикалық маңызы бар қалаларда өлім-жітімнің өсуі байқалады.

Қарастырылып отырған кезеңде табиғи қозғалыс есебінен халық санының өсуі қазақтарда, өзбектерде, әзірбайжандарда, дүнгендерде, немістерде және ұйғырларда байқалады. Бұл көрсеткіштің жыл сайынғы өсуі тек қазақтар мен өзбектер арасында байқалады. Ал басқа этностарда (орыстар, украиндар, белорустар, әзірбайжандар, татарлар, дүнгендер, немістер мен ұйғырлар) жыларалық көрсеткіштердің төмендеуі байқалады.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Борисов В. А. Б 82 Демография — М.: Издательский дом NOTABENE, 1999, 2001. — 272 с.
2. ҚР СЖЖРА ҰСБ. Стат. бюллетень «Қазақстан Республикасы халқының табиғи қозғалысы. 2021 жылғы қаңтар-маусым», <http://ponjatija.ru/node/16051>
3. Біз, Қазақстан «Қазақстан Республикасының халық қоныстануы саласындағы жағдайды талдау». ҚР Ұлттық экономика министрлігі Статистика бойынша комитеті. Қазақстандағы ЮНФПА. Нұр-Сұлтан. 2019.

Гончаров Ю.М.

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ЗАСТРОЙКА И БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДОВ

Облик пореформенного сибирского города в большей мере соответствовал населенным пунктам доиндустриального общества. Изменения в характере застройки происходили, но довольно медленно. Заметное влияние на коммунальное хозяйство и благоустройство наиболее крупных городов Западной Сибири оказало введение Городового положения 1870 г. и деятельность органов городского самоуправления.

Имеющиеся в статистических источниках данные показывают количественные характеристики застройки городов – число улиц и площадей, количество и виды построек, соотношение деревянных и каменных. Все это дает общее представление о застройке городов. В Приложении 67 приведены сведения о количестве домов в городах Западной Сибири на 1851 г. и подсчеты о среднем числе жителей на один дом. Меньше

всего построек оказалось в маленьком Березове – 178 (население города 916 чел.), больше всего – в самом значительном на тот период городе – Тобольске – 2268 (население 15359 чел.). Немного отставала по количеству построек Тюмень – 2125 (население 9674 чел.), опередив по данному показателю более крупные города – Омск и Томск. Объяснить это можно промышленным и торговым развитием Тюмени. Средний показатель проживающих на один дом в городах региона составил 5,8 чел. Ниже средних показатели оказались в Кургане – 4,0, Бийске – 4,2, Тюмени – 4,5, а выше – в Березове – 8,2, Колывани – 8,3. Эти сведения косвенно свидетельствуют, что в городах Сибири преобладали небольшие жилые дома, занимаемые чаще всего одной семьей, а тип многоэтажного доходного жилого дома тогда не был характерен для региона [1].

В пореформенный период в большинстве городов Западной Сибири росло и население, и количество жилых домов. К 1893 г. население городов Томской губ. выросло более чем в два раза и достигло 119810 чел. Более чем в два раза выросло население в Томске, в два раза – в Барнауле и Кузнецке, более чем в три раза – в Бийске и Колывани. Количество жилых домов в городах губернии достигло 13409, из них в Томске было 4850, в Барнауле – 2619.

В Омске, по данным городской переписи 1877 г., было учтено 3272 жилых дома при населении 24818 чел. [2, с. 264]. На один жилой дом в среднем приходилось 7,6 чел. Жилищные условия горожан значительно различались в разных группах населения. Так, среди дворянства, духовенства и почетных граждан в каждой квартире проживало в среднем 5,2 чел., при этом на одну комнату приходилось 0,9 обитателей. Среди мещанства и казаков на одну квартиру приходилось 7,2 чел., в среднем в одной комнате жило 2,8 чел. Крестьяне, запасные нижние чины с семьями, разночинцы, инородцы и ссыльные жили еще более стесненно: в среднем по 7,5 чел. на квартире, 3,1 чел. в комнате. Наиболее обеспеченными жильем были купцы – на одну квартиру приходилось по 3,5 человека, на каждого человека – по 2 комнаты [3, с. 27].

В конце 70-х гг. XIX в. в Тобольске имелось 1895 жилых домов, в среднем на один дом 10,7 жильцов, в Тюмени соответственно – 2713 и 5,0. По данным за 1903 г., в городах Тобольской губ. проживало 101187 чел., имелось 12744 жилых дома. Показатель количества жильцов на один дом составил 7,9 чел. Меньше всего показатель был в Сургуте, который практически не увеличивал численность населения – 5,3 чел. И максимальные показатели были в Таре – 16,8, Кургане – 9,4, Тюмени – 7,0. Отметим, что

показатели количества жильцов на один дом существенно не отличались в западносибирских и среднерусских городах. В губернской Калуге и уездных городах Ельце Орловской губ. и Ефремове Тульской губ. данный показатель составлял от 6,7 до 7,7 чел. [4, с. 109].

Жилые дома в сибирских городах были преимущественно деревянными и одноэтажными. Впрочем, это было характерно для большинства провинциальных городов Центральной России, где не только в середине XIX в., но и на рубеже XIX–XX вв. города продолжали оставаться преимущественно деревянными.

Усадьбы и отдельные дома отличались в зависимости от сословной и социальной принадлежности их владельцев. Мещанские усадьбы, а они преобладали, во многом сохраняли традиции крестьянской усадьбы – с «передним» и «задним» дворами, в первом помещались жилые помещения, а во втором – флигель и хозяйственные постройки [5, с. 251].

Совсем иным было жилище купеческой семьи. Купеческие особняки и магазины – кирпичные с мощными стенами или деревянные, отделанные богатой резьбой, определяли облик сибирского города, служили его украшением. Купеческий дом часто был одновременно и жильем, и лавкой, и магазином, и конторой, а также складом товаров, заводом, банком, местом проведения праздников. Неудивительно, что купеческие особняки были обычно основательными, просторными, как правило, двухэтажными, с большими окнами, часто с балконами или лоджиями на втором этаже. Излюбленный дом сибирского купца – деревянный двухэтажный, на каменном полуподвале, или комбинированный (первый этаж каменный, второй – деревянный). На втором этаже обычно жил сам купец со своей семьей, на первом располагалась лавка, контора, кухня, жили дальние родственники и прислуга. Само здание было, как правило, крыто железом, богато украшено резьбой по дереву.

Одновременно купцы вкладывали капиталы в недвижимость. Так, крупнейшими владельцами недвижимости в Томске на рубеже XIX–XX вв. были купцы Королевы, Кухтерины, Некрасовы, П. Михайлов, И. Смирнов и др. В Барнауле – купцы Суховы, Морозовы, Мальковы; в Бийске – Морозовы, Бодуновы, Притчины и др.

Отличительной чертой купеческой усадьбы было стремление владельцев сосредоточить в ней помимо жилых помещений склады, торговые заведения, иногда промышленное заведение, конюшню, а с конца XIX в. иногда и собственные электростанции. Купеческие постройки выделялись зачастую внушительными размерами, иногда помпезной архитектурой, так как для купцов их дом должен был свидетельствовать о

богатстве.

Территория городской усадьбы обязательно огораживалась. Усадьбы богатых купцов огораживались мощными заборами, нередко из красного кирпича, которые могли достигать в высоту до 3 м. Сооружались такие ограды прежде всего с целью охраны имущества.

Рабочие районы, свойственные крупным промышленным центрам, в большинстве сибирских городов к концу XIX в. еще не сложились. Нередко казармы или отдельные домики, предназначенные для проживания рабочих, строились рядом с промышленными заведениями. Так, в 1887 г. в Барнауле рабочие жили в «хозяйских квартирах», а проще сказать – в казармах при кирпичных предприятиях купцов Д.Н. Сухова, М. Бодунова, С.Т. Сбитнева, шубно-пимокатном И. Полякова, шубной мастерской С.В. Лапина и др. [6, л. 154, 155, 171, 174].

Более рельефно в пореформенный период обозначились рабочие окраины в Тюмени – самом развитом в промышленном отношении городе Западной Сибири. Источник свидетельствует, что в конце 70-х гг. в Затуменке большинство жителей занимались извозом, а в Заречной части находились все кожевенные заводы [7, с. 16]. В пригородах размещались судостроительные и судоремонтные заводы (и поселки при них). А «Кирпичные сараи» представляли собою целый поселок с числом жителей не менее 2 тыс. чел., который отличала нищета [8].

В Сибири практике деревянного домостроительства способствовало наличие самых больших в империи лесных ресурсов и, разумеется, традиции в строительстве. Но нередко в городах строили, особенно жилищные горожане, жилые дома в 2 и даже 3 этажа, были популярны и комбинированные дома: подвал и первый этаж – кирпичные, второй этаж – деревянный. Нередко деревянные дома строили на каменном фундаменте. Например, жителям Тобольска в 1862 г. Строительным уставом было разрешено возводить двух- и трехэтажные деревянные дома [9, с. 148–149]. В Томске двухэтажные деревянные дома также разрешили строить с 1862 г. [10, с. 173].

Деревянные постройки (и жилые, и другого назначения) преобладали во всех городах Западной Сибири. Исключение составляли культовые сооружения, прежде всего церкви, их стремились строить из кирпича на века.

В Омске в 1877 г. из 5939 построек каменных было только 74, смешанных – 1,7%. Это меньше чем в других губернских городах региона – Тобольске и Томске. Несмотря на относительную доступность лесных материалов, в пореформенное время появилась тенденция роста доли ка-

менных построек, это относится к наиболее крупным городам Западной Сибири, где больше строилось казенных зданий и больше было зажиточных заказчиков, особенно из числа купцов. Наблюдалась тенденция повышения средней этажности построек, особенно в центральных частях городов. В Омске в 1877 г. 33 каменных и 77 деревянных домов были в 2 и 3 этажа [7, с. 264].

Интересны данные однодневной переписи населения Барнаула 26 марта 1895 г., так как они содержат развернутую характеристику построек города, в том числе содержат показатели по этажности, информацию о соотношении жильцов, проживающих в квартирах разных размеров и др. (Таблица 1).

Таблица 1 - Жилой фонд Барнаула по данным переписи 26 марта 1895 г.

Домов с числом жильцов	Количество домов	В них жильцов	В среднем на один дом
1–5	1106	4647	4,2
6–10	1163	8740	7,5
11–20	478	6839	14,3
Более 21	94	2808	29,8
Итого	2841	23034	8,1

Источник: Алтайский сборник. Т. II. Вып. II. Барнаул, 1898. С. 42–43.

В то время городская застройка в Российской империи регулировалась «Уставом строительным» 1857 г. Согласно уставу, заведование строительной и дорожной частью возлагалось на губернские и областные строительные и дорожные комиссии, которым подчинялись соответствующие комиссии в уездах [11, с. 5]. После принятия Городового положения 1870 г. наблюдение за строительством предоставлялось городским общественным управлениям (городским думам и управам) «при содействии полиции». Для сибирских городов строительное законодательство допускало некоторые послабления по сравнению с городами европейской части России. Например, если статья 200 Строительного устава ограничивала высоту деревянных построек от земли до начала крыши 4 саженьями (8,5 м), то на Сибирь это ограничение не распространялось. Кроме того, в уставе говорилось, что «...по недостатку лиц, получивших теоретическое образование в строительном искусстве, дозволено в сем крае производить деревянные постройки знающим строительную часть прак-

тически» [12].

Рядовой городской дом, как правило, не был «авторским» (профессиональным) произведением: проекты разрабатывали специалисты среднего уровня (чертежники, землемеры) и сами хозяева. В обычае был традиционный метод работы по прототипам, и частные видоизменения, вносимые при постройке хозяином, обуславливали максимальное соответствие дома семейному быту, общепринятым в городе нормам застройки (за этим следили городские управы), местным климатическим условиям, культурным традициям.

Распространенным типом обывательской постройки был двухквартирный дом, в котором нижний этаж обычно занимали хозяева, а верхний сдавался внаем. Здания выглядели очень скромно, большинство из них обшивались тесом и красились. Обычно территорию двора обносили оградой, в центре которой ставили большие высокие ворота, за которыми по левую сторону друг за другом располагались два дома, по правую – сараи, хозяйственные постройки; в глубине за домами – конюшни; вокруг домов – огород. Преимущественным был тип отдельно стоящего дома, хотя на главных улицах городов, особенно губернских, к концу XIX в. застройка уплотняется, местами приобретая характер «сплошного фасада».

Железная крыша являлась показателем зажиточности. Так, большинство купеческих домов было крыто железом. В сибирских городах от 30 до 50% жилых зданий имели железную крышу, что было выше, чем в среднем по стране. Железные крыши обычно красились в красный или зеленый цвет. Остальные дома крылись тесом. Другие кровельные материалы (черепица, солома) в регионе практически не применялись [13, с. 1020].

Постепенно в обиходе провинциальных городов появляются такие «столичные» новинки, как эркер, терраса, веранда, но они, как правило, не входят в теплый объем дома. На облик каменных городских домов, безусловно, повлияла многолетняя политика строительства по образцовым проектам, хотя внутреннюю планировку хозяин всегда определял сам.

Развитие в городах промышленности и особенно торговли вело к увеличению количества зданий соответственного функционального назначения. Однако промышленное предприятие могло занимать несколько зданий, а для небольших промышленных заведений зачастую специальных построек не возводили, и они располагались в приспособленных сараях, бывших жилых домах и даже банях. Сказанное особенно относится к пимокатным, овчинно-шубным, кожевенным заведениям. В целом по

промышленным постройкам надежной статистики нет. Лучше представлена информация о торговых постройках, но и она не идеальна.

Основным типом торговых заведений в рассматриваемый период были лавки, но постепенно росло и количество магазинов. Так, в конце 70-х гг. XIX в. в Тобольске имелось 228 частных лавок и 4 магазина, в Тюмени – 31 частная лавка, а кроме того, 200 лавок в гостиных дворах, 18 магазинов [14, с. 119–120].

В городах Томской губ. в 1883 г. количество торговых заведений в городах составляло 837, в том числе в Бийске – 287, Томске – 225, Барнауле – 124, а меньше всего в Нарыме – 9. Из общего количества торговых заведений (837) было учтено 9 каменных казенных складов и магазинов и 12 казенных же деревянных, частных каменных – 77 (более всего в Томске – 57), деревянных – 739 (более всего в Бийске – 262, Томске – 161, Барнауле – 121) [15, с. 32].

К концу 50 – началу 60-х гг. XIX в. для большинства сибирских городов характерно завершение процесса формирования исторического ядра с выделением ряда функциональных зон и закреплением его в генеральных планах [16, с. 156]. Генеральные планы ряда сибирских городов были утверждены еще в XVIII в.: в 1773 г. – Томска, в 1774 г. – Тобольска, в 1785 г. – Барнаула [17, с. 29–31]. В первой половине XIX в. утверждаются планы Омска (1829 г., архитектор Гесте), Колывани (1843 г.), Кузнецка (1846 г.). Как пишет Т.М. Степанская, они являются характерными произведениями градостроительной науки эпохи классицизма [18, с. 38–39].

Уже к концу XIX в. почти все города региона имели предместья и пригороды, планировка и тем более архитектурный облик которых складывались стихийно, а благоустройство сильно уступало центральным кварталам. Так, при проведении Всероссийской переписи населения 1897 г., к городскому населению были причислены в Тобольске 6 пригородов с населением 2345 чел., в Тюмени – 2 (3961 чел.), в их числе Кирпичные сараи – 2139 жителей и Затюменское предместье – 1822 чел., в Кургане – 7, с населением 1650 чел., в том числе – усадьба купца Смолина с 463 жителями (там размещалась паровая мукомольная мельница и другие промышленные предприятия), в Туринске – селение фабричное с 225 жителями, в Томске – 6 предместий с населением 1316 чел., в Колывани – 3 (364 чел.), в Каинске – поселок винокуренного завода (550 чел.), в Мариинске – 4, с населением 1130 чел., в Кузнецке – 2 (838 чел.), в Бийске – 2 (1200 чел.) [19]. Особую планировку имел Омск, состоящий из упраздненной крепости, 7 форштадтов и нескольких поселков.

Для сибирских городов, также, как и для русских вообще, свойственно прибрежное расположение – их практически всегда ставили по берегам рек, либо озер. Со временем города получали иные очертания, городская территория в силу тех или иных причин расширялась или сужалась, менялась компактность расселения, однако привязка к реке или озеру, где было основано поселение, сохранялась. Водоем и прежде, и теперь продолжает быть непременной частью городского пейзажа. Прибрежное расположение, так же как относительно редкая плотность застройки, преобладание деревянных строений, доминанты в виде куполов церквей и колоколен, являются главными чертами традиционного облика русского города [20, с. 238].

В центре каждого города, большого или малого, располагалась площадь, на которой стояли главный кафедральный собор или церковь и дом губернатора или уездного исправника. Неподалеку обычно находились городская дума и управа, гостиный двор или торговые ряды, гимназия или училище и, конечно, полицейское управление, иногда размещенное вместе с пожарной командой под одной каланчей. В каждом городе была главная улица. На ней помещались магазины и лавки. Здесь же гуляли, а на масленицу катались на тройках и санях.

Во многих городах был городской сад. Как правило, в нем был летний театр, в котором выступали заезжие гастролеры или, по крайней мере, беседка-эстрада, где по воскресным и праздничным дням играл духовой оркестр.

Облик городов обязательно дополняли церкви и монастыри – памятники русской архитектуры. Многие сибирские города украшали и другие культовые сооружения – кирхи, костелы, синагоги, мечети.

Обелисками и памятниками сибирские города не были богаты. Наиболее интересны памятник Ермаку в Тобольске (16-метровый обелиск из мрамора), установленный в 30-х гг. XIX в. по распоряжению императора Николая I и обелиск на Демидовской площади Барнаула, установленный в те же годы в ознаменование 100-летия горного дела на Алтае. Оба обелиска соответствуют канонам классицизма.

Классицизм оставил заметный след в архитектурном облике западносибирских городов, особенно административных центров – Омска, Тобольска, Томска и Барнаула. В числе ансамблей и отдельных зданий, которые являлись образцами классицизма высокого художественного уровня, следует назвать в Омске ансамбль Войсковой площади с Никольским казачьим собором и зданием Войсковой канцелярии (позже – Кадет-

ский корпус) [21, с. 20]. В Барнауле – это ансамбли сереброплавильного завода, Демидовской площади, Петропавловской улицы [18, с. 34–66]. В Томске – здания губернского правления, католического костела, дом золотопромышленника И.Д. Асташева, Биржевой корпус и ряд других [22, с. 12–13, 64–65, 76–77].

Архитектура сибирских городов проходила те же этапы, что и русская архитектура в целом. Но смена стилей хронологически все же отставала от столичных городов. Отметим, что уход классицизма был связан не только с художественными поисками, но и со значительным обновлением состава (и вкусов) заказчиков. Пришедшая мода на стилизаторство под ту или иную историческую эпоху или культуру поддерживалась заказами со стороны купечества, которое быстро набирало экономическую силу.

В сибирских городах, может быть, в большей мере, чем в столичных, а также в западных и южных регионах страны, получили распространение русско-византийский, а позже и русский стили. Одновременно здесь меньше увлекались стилизацией под готику, мавританский и прочие экзотические стили. Вкусы сибирских заказчиков в большей мере были связаны с народными представлениями о красоте. Здесь стоит напомнить, что большая часть сибирского купечества имела русские и крестьянские корни.

Русско-византийский стиль наиболее последовательно применялся при строительстве православных церквей. Он нравился духовенству и соответствовал официальной идеологии, особенно в годы правления Александра III. Особую страницу в истории русской архитектуры составили так называемые «тоновские храмы», спроектированные известным русским архитектором Константином Тоном. В их числе был и знаменитый храм Христа Спасителя в Москве. Троицкий кафедральный собор в Томске также был спроектирован К. Тоном. Он очень напоминал московский храм.

К крупным культовым сооружениям этого периода в русско-византийском стиле можно также отнести кафедральный собор в Омске (1891–1898 гг., архитектор Э.Ф. Виррих), Знаменскую церковь (50-е гг. XIX в.) и Покровский собор (рубеж XIX–XX вв.) в Барнауле, церковь Александра Невского в г. Кольвани (1887 г.) и др.

И все же большинство каменных построек (жилых, торговых и др.), возводимых в городах Западной Сибири в рассматриваемый период, были эклектичны. В ряде построек пореформенного времени еще сохранились черты классицизма. Наиболее значимой постройкой в этом ряду был главный корпус Томского университета (1880–1885 гг., архитектор

академик А.К. Бруни) [23, с. 122]. Для большинства каменных зданий этого периода свойственно смешение стилевых форм, что было характерно и для сибирских городов, и для городов Центральной России.

Каменное строительство, как правило, шло в центральных частях городов, особенно это заметно проявлялось в более крупных городах региона – Томске, Омске, Тюмени, Барнауле. Но основная масса построек, как уже отмечалось выше, строилась из дерева. Зачастую деревянные дома возводили и достаточно состоятельные горожане, в том числе и купцы. Об этом, например, наглядно свидетельствуют многие особняки Томска. Нередко в Сибири из дерева строили и общественные здания – театры, учебные заведения. Лучшие деревянные здания Томска, Тюмени, Тобольска, Барнаула, Бийска, Кольвани и других городов представляют несомненно художественную ценность.

Особенно интересна деревянная архитектура Томска – это явление общероссийского масштаба. Вместе с тем, видимо, нельзя связывать деревянное зодчество только с народными традициями. Очевидно, что в Томске, как и в других городах Сибири и России в целом, многие деревянные здания возводились по проектам профессиональных архитекторов. Смена стилей и направлений не могла не сказаться и на деревянном зодчестве, к тому же дерево очень благодатный материал для архитектурных исканий. Так, на деревянную архитектуру, несомненно, повлиял «русский стиль».

Рассмотрим, какое впечатление производили города Западной Сибири на современников. Города региона не представлялись похожими друг на друга. Каждый из них имел свое собственное лицо, сформированное историей города, и многие из современников пытались это лицо описать. Ипполит Завалишин дал емкие и точные характеристики западносибирских городов середины XIX столетия: «Курган – житница Тобольской губернии», «шумная торговая и богатая Тюмень», «драматический Березов», «суетливый Каинск, этот «Иерусалим» сибирских евреев», «богатый, торговый и шумный Томск», «пустынный Нарым», «Барнаул – похожий на саксонский Фрайбург, город цивилизации и прогресса» [24, с. 134–135].

Пожалуй, наибольшее количество отзывов современников касается Тюмени. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, Тюмень была «воротами Сибири» и именно в этом городе все посещавшие Сибирь, набирались первых впечатлений. Во-вторых, в городе сложился многочисленный и экономически сильный отряд купечества региона.

Тюмень, действительно, была, прежде всего, городом купеческим. Как писал Н.М. Ядринцев: «Тюмень – это тип сибирского купеческого города. Тюменская денежная аристократия занимает самое важное положение в городе и, по своему влиянию, первенствует. Она носит староверческий отпечаток и боится светской жизни» [25, с. 73].

В отличие от Тюмени, губернский центр – Тобольск во второй половине XIX в. не имел многочисленного и богатого купечества, поскольку торговые пути в это время оставили город в стороне. Практически все авторы, писавшие о старой столице Сибири, отмечали ее упадок: «Тобольск видимо падает... он превратился в будничный захолустный городок. Улицы содержатся неопрятно, площади изображают собой болотные пустыри. По главной улице, где стоит губернаторский дом, имеется 5–6 купеческих каменных домов приличной наружности, остальные постройки маленькие, деревянные. Замечательно, что стены многих каменных строений дали большие трещины» [26, с. 117].

Другой крупный административный центр Западной Сибири – Омск в XIX в. не производил впечатления. Советский дипломат И.М. Майский в своих воспоминаниях о детских годах, проведенных в Омске, дает образную характеристику городу: «Самый город, насчитывающий в описываемое время (т.е. – 1890-е гг.) не более 35–40 тыс. жителей, имел жалкий и унылый вид. Дома в городе были деревянные, одноэтажные, с подслеповатыми окошками, с тесовыми или соломенными крышами. Улицы пыльные, немощеные, весной и осенью утопавшие в непролазной грязи» [27, с. 41].

Однако, если о Тюмени и Тобольске мнение многих авторов в основных чертах сходно, то об Омске этого не скажешь: «Многие называют Омск уголком Петербурга: до некоторой степени это справедливо, если вспомнить Тюмень и Тобольск, не говоря уже о других соседних городах вроде Тюкалинска. Город хотя и разбросан, но здесь встречаются великолепные здания как, например, генерал-губернаторский дом и кадетский корпус, да и помимо внешности, Омск оставляет далеко за собой многие города по количеству полезных учреждений, школ, гимназий, больниц и прочего» [28, с. 134–135], – писал путешественник.

О небольших уездных городах Тобольской губ. современники писали реже. Тем не менее, сохранилось немало достаточно интересных и познавательных описаний облика малых сибирских городов. Так, например, Ялуторовск был местом ссылки и вот как он выглядел глазами ссыльного: «Когда я въезжал в него, в мае 1906 г., то видел перед собой на равнине, среди березовых рощ и болот, ровное пространство с версту в длину и с

полверсты в ширину, застроенное трехконными, серыми, бревенчатыми домиками. Они стояли по краям трех широких пустынных улиц, из которых состоял весь этот, так называемый город. В середине красовалось роскошное, по Ялуторовску, здание полиции, раскрашенное по фантазии местного исправника под национальный флаг: корпус был белый, крыша красная, каланча синяя... Первое впечатление от этого города я получил совсем безнадежное...» [29, с. 6–7].

Уездные города южных районов Тобольской губ. были аграрными как по занятиям жителей, так и по облику. Несколько более городской вид имел Курган: «Сам по себе Курган, раскинувшийся на большом пространстве, хотя и не выделяется особенным благоустройством, но своим местоположением и оживлением производит хорошее впечатление. Главная улица его, Троицкая, можно сказать, заполнена торговыми заведениями и по своему внешнему виду напоминает лучшие улицы больших городов» [30, с. 368].

Ишим современник описывал так: «Город вообще невелик, но чист и порядочен. На главной площади стоит хорошее двухэтажное здание, где помещается банк и городская управа, а над ними возвышается серая деревянная каланча, на противоположной стороне площади – церковь и кладбище. Хорошо также здание духовного училища, и недурен по внешности собор, построенный более 100 лет назад» [28, с. 167]. Однако, как отметил И. Завалишин: «Ишим в сущности можно назвать большим торговым селом, как Курган и Ялуторовск, физиономия и быт их одинаковы» [24, с. 171].

По-иному, чем у южных городов региона, становившимися центрами сельскохозяйственной колонизации и торговли, складывались судьбы северных, пик развития которых находился в прошлом. Характерным в этом отношении был Туринск (ныне – районный центр в Свердловской области): «вид его носит до сих пор печать старины, какой не встретишь уже ни в одном городе Тобольской губ. Он живо напоминает старинные города пермские, забайкальские, поморские. Высокие крыши, почерневшие от времени дома, мертвая тишина на улицах, много церквей (6 и все каменные), монастырь, среди города никакого торгового движения» [24, с. 228].

Березов и Сургут, лежащее севернее, производили на современников еще более мрачное впечатление: «Как у всякого русского городка, лучшим украшением вида Березова служат его две церкви, расположенные как раз у береговой окраины. За ними обрисовываются красивым рядом дома, небольшие, деревянные, но с реки кажущиеся более солидными

и чистыми. В довольно значительном отдалении от собора, на одной из береговых окраин площади, находится беседка, здесь летом, по вечерам собирается местная аристократия. Этот город – просто русская деревня» [31, с. 165–166].

Подобное же впечатление производил на современников и самый северный город Томской губ. – Нарым: «Издали Нарым представляется убогим селом. В нем две церкви, из них одна каменная, дома все деревянные. Жителей считается около тысячи душ» [26, с. 140].

Естественно, сохранилось очень много описаний, касавшихся Томска – одного из крупнейших административных и торговых центров региона. Среди современников, оставивших свои впечатления о губернском центре, достаточно характерным можно признать мнение В.М. Флоринского, заведовавшего постройкой Томского университета, который писал: «Выехав на Большую или т.н. Миллионную улицу, мы увидели Томск во всей его красе. Здесь открылись нашему взору с десятков каменных домов довольно приличной архитектуры, напоминающих губернский город средней руки. Односторонка (т.е. улица с односторонним движением – авт.) набережной речки Ушайки могла даже претендовать на красоту, если бы не убийственная грязь, покрывавшая улицы и площади и портившая впечатление. Томская грязь представляет собою нечто своеобразное. Во всю длину улицы и ширину площадей вы видите сплошное море жидкого черного киселя, по которому приходится ехать вброд... Томск... стоит не многим выше богатого села: уличного освещения в нем не полагается, за исключением десятка тусклых фонарей на одной Миллионной улице. Не существует не только мостовых, но на второстепенных улицах нет даже мостков через болотники и овраги. Улицы – это проселочные грунтовые дороги, проезд по которым в ненастное время представляется находчивости и изворотливости обывателя» [26, с. 143–144].

Особое место среди городов Сибири занимал Барнаул – центр Алтайского горного округа. В отличие от большинства городов региона, Барнаул XIX – начала XX в. производил положительное впечатление на современников. Сохранилось значительное число описаний облика города: «Вдали от гор, на реке Барнаулке, недалеко от Оби расположен главный центр Алтая, чисто горный город Барнаул со своим старинным заводом, при котором заводской пруд с густой растительностью немало красит безжизненные окрестности города... Вообще город построен довольно правильно: улицы широкие, прямые с прекрасными зданиями, между которыми немало каменных больших домов и несколько церквей. Барнаул действительно имеет первостатейное значение между сибирски-

ми городами; еще Паллас заметил, что он по внешним удобствам отличается и стоит выше многих захолустных городов Сибири» [31, с. 233].

В отличие от большинства сибирских городов, практически не имевших зелени, центр Алтайского округа имел много зеленых насаждений: «У подножья горы, на берегу лежит весьма красивый город, с заводскими постройками, прудом и плотиною осененную деревьями, городские постройки перемежаются садами и скрываются под конец в зелени окрестностей, из которых возвышаются миловидные дачи» [32, с. 50]. Известный ученый А. Брем, посетивший столицу Алтая в 1876 г. отмечал: «Самое прекрасное в домах более состоятельных горожан – это их разнообразно устроенные и заботливо ухоженные сады. Неудивительно, что Барнаул производит очень приятное впечатление и, хотя это только уездный город, не уступает многим губернским городам не только Сибири, но и Европейской России» [33, с. 213]. Подобных описаний можно привести очень много.

Совсем другой облик имел второй по величине город Алтайского округа – Бийск: «Постройки в нем почти исключительно деревянные, в последнее время, однако город начал украшаться: выстроен новый каменный собор, городское каменное училище и больница. Городское училище, впрочем, своей архитектурой скорее напоминает мучной лабаз, чем храм просвещения, и тем как бы свидетельствует, что верхний слой городского общества, преимущественно состоящий из купцов, исключительно погружен в торгашеские дела» [31, с. 208].

В середине XIX в. практически все сибирские города не отличались хорошим благоустройством. Очевидец высказывал свои наблюдения: «Сибирские города имеют жалкий вид. Вдоль узких, немощеных улиц, с гнилыми деревянными тротуарами, тянутся покосившиеся дощатые заборы вперемешку с низкими деревянными домами; переулки покрыты иногда на 8–10 вершков свежим или неперепревшим навозом. Города малолюдны; наступившая ночь загоняет всех жителей в комнаты; закрываются ставни и жизнь замирает над пустынным, почти не освещенным городом; только уныло перекачивается по дворам вой и лай многочисленных собак... Чем дальше к северу, тем грязнее и беднее города» [34, с. 75].

Непосредственно вопросы городского хозяйства в то время находились в ведении городской полиции. В большинстве городов региона до середины XIX в. благоустройство ограничивалась по большей части примитивными дренажными работами, устройством простейших мостов и перевозов, укреплением берегов рек [35, с. 36].

Современник писал о Тюмени – одном из богатых городов региона: «Сам по себе город вообще грязный и неряшливый, улицы немощеные, изрытые ямами, и не в диковинку встретить дом, пред которым... расстилается громаднейшая лужа, а в нее, свесив голые ноги, сидит на крыльечке мальчишка и беззаботно насвистывает песню» [28, с. 79–80].

В 1850–1860-х гг. в этой сфере наметились изменения. В городах появляются новые здания присутственных мест, общественные здания, дома частных лиц, совершенствуется система планировки, ведется обустройство улиц, площадей, набережных. Однако касалось все это, главным образом губернских центров.

Активно способствовал обустройству Тобольска губернатор В.А. Арцимович. В 1854 г., после одного из самых значительных наводнений, по его инициативе в губернском центре был создан комитет для устройства города. В результате за два года было исправлено все, что разрушилось наводнением, был реконструирован Никольский взвоз. Рядом с памятником Ермаку был разбит городской сад. Тем не менее, в целом город оставался неблагоустроенным. «Тобольские губернские ведомости» в 1861 г. призывали к сознательности горожан: «Что касается нечистоты города, то, не оправдывая местной полиции, которой, конечно, следовало бы приложить больше старания по присмотру, чтобы не валили навоз посреди города в речки, на площади, в канавы и на берега Иртыша и не выбрасывали всякую нечистоту на улицу, надо сказать, что мы уже не дети и не требуем для своей пользы постоянного бдительного и строгого за собой надзора» [36].

В середине XIX в. Тобольск был единственным городом в Западной Сибири, где началось мощение улиц. По сведениям Гагемейстера, в городе имелось 12 мощеных улиц и 10 переулков. Мостили деревянными плахами, которые укладывали на грунт вдоль, но они быстро изнашивались и требовали частого ремонта [37, с. 135].

Один из источников свидетельствует, что на рубеже 70–80-х гг. XIX в. тобольские мостовые были в безобразном состоянии: плахи сгнили, от чего летом в городе стоял душливый воздух [7, с. 6]. Этот же источник свидетельствует, что мощеные улицы появились и в Томске. Здесь общая протяженность улиц и переулков составляла более 50 верст, а за мощенных – около одной седьмой части, в том числе 3 версты – «шоссированных», а 5 – уложенных мелкой галькой [7, с. 161]. В 60-х гг. некоторые улицы Нарыма мостили тесом и плахами, но делали это неумело и небрежно [1, с. 11–12].

В Тюмени к 1890-м гг. появились улицы, мощенные камнем. Одна

улица мощеная деревом появилась и в подгорной части Тары [38, с. 317]. В других городах Западной Сибири мощеных улиц не было. В Барнауле долгие годы на улицы вывозили шлак с серебряноплавильного завода, в Бийске проезжие части улиц засыпали песком, глиной и хворостом. В ряде городов немощеные улицы содержались в относительно удовлетворительном порядке (Курган, Тара, Сургут, Ялуторовск), в других же они отличались непролазной грязью, особенно в дождливый период (Березов, отдельные районы Бийска, Ишим, Каинск) [38, с. 315–320].

Воду жители брали из рек, озер и колодцев, только в Тюмени (начало 80-х гг.) имелся водопровод с 7 резервуарами. Вода из открытых водоемов была, как правило, лучше зимой и значительно хуже летом (Томск, Тобольск, Тара, Барнаул, Бийск), в Кузнецке вода из Томи была чистой и в зимний, и в летний периоды. Не всегда была качественной и вообще пригодной для питья вода из колодцев. Показательны сведения по Барнаулу за 1895 г. Здесь из 1007 колодцев с годной водой было лишь 155, т.е. 15,4% [39].

Следует обратить внимание и на обеспеченность населения баями. Учитывая преобладание частного сектора, можно предположить, что большинство домов имели частные бани. Так, в Барнауле однодневная перепись населения 1895 г. зафиксировала, что при 1514 жилых домах имелись бани, в том числе: топились «по-белому» – 1252, «по-черному» – 262, т.е. 53,3% домов имели бани [39].

В то же время общественные бани имелись не во всех городах. Так, в Омске первая общественная баня появилась еще в 20-е гг. XIX в. В середине века было две бани – «благородная» Колмогорова и общенародная Коробейникова, в последней мылись и арестанты из острога [40, с. 105]. К середине 90-х гг. XIX в. общественные бани имелись в Томске (14), Тюмени (3), Кургане, Ишиме, Таре, Каинске. Но в ряде городов их не было в тот период: в Березове, Сургуте, Тюкалинске, Туринске, Ялуторовске, Мариинске, Кузнецке [38, с. 315–320].

Врач А. Недзвецкий связывал возникновение и быстрое развитие холерной эпидемии в Барнауле в 1892 г. прежде всего с нехваткой хорошей питьевой воды, антисанитарией, плохим питанием части населения [41, с. 182–184].

На санитарное состояние городов, несомненно, влияло и большое количество домашнего скота у жителей. В летний период скот гнали по улицам на пастбища. Навоз весьма часто перемещали жители на проезжие части улиц, что усугубляло общую антисанитарию. Так поступали

жители ряда районов Тюмени, Бийска, Каинска и других городов. Прimitивно устроенные туалеты во дворах домов и учреждений дополняли эту не очень радостную картину благоустройства.

Положение медленно, но все же стало улучшаться после введения нового Городового положения 1870 г. Городские думы имели полномочия издавать для населения обязательные постановления, касающиеся городского благоустройства. Так, Тюменская дума 8 января 1874 г. приняла постановление о санитарном состоянии города и правилах содержания домов, дворов, тротуаров, свалок; 14 мая 1881 г. – обязательное постановление о правилах торговли на базарах; 25 августа 1883 г. – о санитарном состоянии города и мерах по предотвращению инфекционных заболеваний; 7 июня 1890 г. – о содержании в чистоте и исправности улиц и тротуаров; 20 января 1894 г. – о мощении улиц и т.д. [42, с. 127, 131, 139, 159, 178]. Бийская дума 11 апреля 1878 г. – о противопожарных мерах [43, с. 382–383]. Барнаульская дума в 1878 г. утвердила постановление, запрещающее держать в усадьбах склады дегтя, смолы, рогож, спичек, конопли в противопожарных целях. В центре города было запрещено держать кузницы и бани «по-черному».

В бюджетах городов расходы на благоустройство занимали незначительную долю, в среднем по России – 6,7%. Приблизительно такой же процент – 6,0% был заложен на нужды благоустройства Омским городским самоуправлением на четырехлетие, с 1873 г. Это составило 1,5 тыс. руб., они предназначались на содержание улиц, площадей, мостов, дорог, садов, на освещение, на санитарные мероприятия [44, с. 85].

Секретарь Барнаульской городской управы Г.Б. Байтов подсчитал, что за 25 лет, с 1877 по 1902 г. в бюджете Барнаула расходы на благоустройство составляли 3,6%, или 43582 руб. [45, с. 30–31].

В городских думах создавались постоянные (Томск) и временные (Барнаул) санитарные комиссии, все городские думы принимали постановления по вопросам благоустройства. Они, в частности, обязывали жителей содержать в порядке собственные дворы, улицы, не выносить на улицы мусор и т.д. Городские самоуправления создавали артели рабочих, которые и занимались работами по благоустройству. Подобные артели могли состоять из вольнонаемных (Барнаул), из заключенных (Томск), нарушителей общественного порядка (Бийск) и даже – из «праздношатающихся лиц» (Каинск) [46, с. 110].

В пореформенный период, особенно в последней четверти XIX в. растет роль купечества в благоустройстве городов. Многие гласные дум

из числа купцов и городские головы жертвовали деньги на нужды благоустройства. Здесь можно назвать бийских купцов А.Ф. Морозова, Фирсова, колыванских – Е.А. Жернакова, Г.И. Пастухова, Хромова [46, с. 11–112].

Во всех городах региона, кроме Березова и Сургута, были выстроенные бойни, содержавшиеся на муниципальные средства, что, безусловно, было важной санитарной мерой [38, с. 315–320].

Весьма плохо было налажено освещение улиц, в большинстве городов Западной Сибири его не было вовсе, а в тех, которых имелось, освещались главным образом центральные улицы. В Томске уличное освещение появилось в 1832 г. 89 керосиновых фонарей освещали улицы, идущие от шлагбаума на въезде в Томск с запада и до выезда из него по Иркутскому тракту [10, с. 88]. В Омске улицы стали освещаться с 40-х гг. XIX в. с помощью спиртово-скипидарных фонарей (100 фонарей на эспланаде крепости). Позже стали использовать керосиновые фонари [44, с. 88].

К 80-м гг. XIX в. освещение имелось только в 4 городах Западной Сибири, из которых 3 были административными центрами губерний и области – Томск, Тобольск, Омск и лишь один город (Курган) – окружным центром. В Томске имелось 200, Тобольске – 120, Омске – 80–90, Кургане – 20 фонарей [7, с. 6, 41, 82, 161].

В 1890-х гг. уже во многих городах региона и даже некоторых сельских предприятиях (мельницах, винокуренных заводах) купцы начинают устраивать небольшие электростанции. В этом отношении в Западной Сибири лидером стал Томск. В 1893 г. электростанция появилась в университете, частные электростанции у купцов А.Е. Кухтерина (для спичечной фабрики), П.И. Макушина (для типографии и книжного магазина), И.Л. Фуксмана (для мукомольной мельницы). Городская электростанция общего пользования, устроенная Томским технико-промышленным бюро, была открыта в 1895 г. Электроэнергия шла в 1500 квартир и для 25 уличных фонарей [44, с. 88].

В ряде городов, особенно более крупных, уделялось внимание озеленению. Возможно, эта проблема не казалась актуальной в ряде случаев, так как в окрестностях ряда городов были прекрасные леса и живописные окрестности с водоемами (Томск, Барнаул, Бийск и др.) [47, с. 79]. Но иная ситуация была, например, в степном Омске, не случайно здесь проблема озеленения стояла острее. В Омске впервые посадки стали проводить с 50-х гг. XIX в. Была устроена Любина роща, просуществовавшая

до начала XX в. Ее вырубili, когда земля в центре города понадобилась под новое строительство. Кроме нее существовали сады Артиллерийский, Кадетский и Казачий [40, с. 104–105].

К началу XX в. общественные сады и бульвары существовали практически во всех городах Тобольской губ., в Тобольске, Кургане и Березове имелось по два сада, в Тюмени и Кургане – по два бульвара [48, с. I–VII].

Раньше, чем в прочих городах Западной Сибири стали озеленять Барнаул. Здесь еще в XVIII в. был заложен аптекарский сад. Побывавший в городе 1826 г. профессор Дерптского университета Карл Ледебур отмечал, что на Московской улице был бульвар с двумя рядами тополей. Кроме того, деревья были высажены на плотине заводского пруда, сад имелся также при лазарете [49, с. 146–147]. Еще в одном городе Томской губ. – Бийске, судя по заявлению от 15 мая 1885 г. в городскую думу коллежского секретаря Клевакина, не было ни бульвара, ни парка. Автор заявления писал, что в городе нет такого места, где бы жители могли отдохнуть под тенью деревьев, предлагал устроить аллею на берегу реки Бии [50, с. 33].

В целом же состояние улиц, площадей городов во многом определялось рельефом местности и структурой почвы в том или ином городе. Негативно влияло наличие низинных, прибрежных и периодически затопляемых районов (Тобольск, Тара, Тюмень, Томск, Бийск и др.).

Антисанитарии способствовали фактически деревенские традиции значительной части жителей городов, которые проявляли полное безразличие в данном вопросе. Они вываливали на улицы навоз и нечистоты, не подметали улицы летом и не убирали снег зимой, не испытывали особенной потребности заниматься озеленением и т.д. Свидетельств современников по этому поводу довольно много. Так, о безобразном санитарном состоянии Каинска и Нарыма в 60-е гг. XIX в. писал Н. Костров [1, с. 11–12, 59–60], Бийска в 80-е гг. – Клевакин [50, с. 33], Барнаула в начале 90-х гг. – врач А. Недзвецкий [41, с. 186]. Об ужасающем санитарном состоянии Тюмени и безразличии горожан в этом вопросе говорилось в постановлении городской думы от 8 января 1874 г.: «...многие из жителей не содержат в должной исправности и чистоте улицы, дозволяют себе сваливать против своих домов назем, мусор и выливать всякие нечистоты; устроенные по обеим сторонам улиц водосточные канавы решительно не очищаются, а напротив также завалены нечистотами, вследствие такой небрежности на содержание канав, на улицах в ненастное время образуется непроходимая грязь, существующие же тротуары допущены у многих жителей до совершенного разрушения... некоторые из жителей

дозволяют себе, вывозимые из дворов своих навоз и другие разные нечистоты, сваливать все это или в середине города, или на берегах реки Туры, а некоторые прямо сваливают на торговых и городских площадях» [42, с. 117–118].

В то же время усилия губернских администраций и особенно городских самоуправлений позитивно влияли на благоустройство городов (Омск, Тобольск, Томск, Тюмень, Барнаул), хотя констатировать удовлетворительное положение в этой сфере было еще рано.

В целом процесс урбанизации влиял на характер застройки: увеличение доли каменных домов, некоторое повышение этажности, уплотнение застройки, рост количества зданий, спроектированных профессиональными архитекторами, позитивные сдвиги в благоустройстве. Хотя малые города (Сургут, Березов, Нарым и др.) больше по внешнему облику и благоустройству соответствовали большим селам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Костров Н.А. Историко-статистическое описание городов Томской губ. Томск, 1872. 117 с.
2. Алисов Д.А. Социально-культурный облик столичных центров Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 60–73.
3. Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска // Труды Акмолинского статистического комитета. Омск, 1880. Ч. 1. 433 с.
4. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем на примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977. 359 с.
5. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). Красноярск, 1990. 304 с.
6. Государственный архив Томской области Ф. 234. Оп. 1. Д. 77.
7. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. 310 с.
8. Сибирская торговая газета. 1897. 11 июля.
9. Городские поселения в Российской империи. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1865. 428 с.
10. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. 284 с.
11. Устав строительный, измененный и дополненный узаконениями, обнародованными по 1 апреля 1893 г. (Св. Зак. Т. 12, ч. 1, изд. 1857 г.). Санкт-Петербург, 1893. 247 с.
12. Устав строительный. СПб., 1911. 427 с.
13. Города России в 1910 году. СПб., 1914. 1200 с.

14. Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1882. 181 с.
15. Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томск, 1884. 408 с.
16. Ивонин А.Р. Формирование городского ядра в городах Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Ученые записки Алт. гос. ин-та искусств и культуры. Барнаул, 2002. С. 153–158.
17. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л., 1980. 272 с.
18. Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII – начала XX вв. Барнаул, 1995. 179 с.
19. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. СПб., 1905. Приложение, Т. 79. СПб., 1904. Приложение.
20. Русские. М.: Наука, 1999. 827 с.
21. Гуменюк А.Н. Архитектура дореволюционного Омска // Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. 320 с.
22. Прогулка по старому Томску. Томск, 1992. 102 с.
23. Томск. История города от основания до наших дней. / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1999. 430 с.
24. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 1. М., 1862. 414 с.
25. [Ядринцев Н.М.] Семилужский Н. Письма о сибирской жизни // Дело. 1868. № 5. С. 72–110.
26. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. № 4. С. 109–156.
27. Майский И.М. Воспоминания советского посла. Кн. 1: Путешествие в прошлое. М., 1964. 462 с.
28. Телешов Н.Д. За Урал: Из скитаний по Западной Сибири. М., 1897. 214 с.
29. Анисимов С. Исторический город Ялуторовск. М., 1930. 68 с.
30. Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб., 1908. 582 с.
31. Живописная Россия. Т. 11: Западная Сибирь. СПб.; М., 1884. 370 с.
32. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. 1880. Кн. 2. С. 1–147.
33. А. Брем о Барнауле // История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991. 352 с.
34. Петров М. Западная Сибирь: Губернии Тобольская и Томская. М., 1908. 207 с.
35. Ивонин А.Р. Из истории благоустройства в городах Западной Сибири в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Вып. 1. Барнаул, 2001. С. 32–39.
36. Тобольские губернские ведомости. 1861. № 34.
37. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему е.и.в. повелению, при Сибирском комитете действительным статским советником Гаге-мейстером. Ч. II. СПб., 1854. 697 с.
38. Санитарное состояние городов Российской империи в 1895 году. СПб., 1899.

- 340 с.
39. Алтайский сборник. Т. II. Вып. II. Барнаул, 1898. 101 с.
40. Очерки истории города Омска. Т. 1: Дореволюционный Омск. Омск, 1997. 291 с.
41. Недзвецкий А. Краткий очерк холерной эпидемии в Барнауле в 1892 г. // Алтайский сборник. Т. I. Томск, 1894. С. 182–240.
42. Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тюмень, 1995. 371 с.
43. Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919: Сб. док-ов. Барнаул, 2003. 691 с.
44. Алисов Д.А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.). Омск, 2002. 195 с.
45. Байтов Г.Б. Очерки муниципального Барнаула (1877–1902 г.). Томск, 1906. 152 с.
46. Лен К.В. Деятельность общественных управлений городов Алтайского округа по развитию благоустройства и санитарно-эпидемиологическому контролю в 70–90-е гг. XIX в. // Алтайский сборник. Вып. XX. Барнаул, 2000. С. 108–115.
47. Зиновьев В.П. Горный инженер В.С. Реутовский // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 2 (XVIII в. – 1920-е гг.). Барнаул, 1997. С. 75–81.
48. Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1904. 341 с.
49. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. 416 с.
50. Судьбы: Воспоминания, дневники, письма, стихи, путевые заметки, протоколы допросов. Барнаул, 1996. 198 с.

Еремин А.А.

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ
АЗИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ХАРАКТЕРИСТИК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО ДАННЫМ
ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 ГОДА)**

*(Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №19-18-00180)).*

Перепись населения Российской Империи 1897 года (далее – ВПН-1897) стала первой переписью, охватившей всю огромную территорию империи, и при этом проведенной по четко установленным правилам и процедурам. Она стала единственным статистическим мероприятием в

истории дореволюционной России, подпадающим под строгое определение всеобщей переписи населения, закрепленное в мировой статистической практике, поскольку в основном отвечала требованиям всеобщности, одномоментности, поименности, самоопределения, наличия единой программы и строгой централизации управления. В этой связи опубликованные итоги данной переписи нередко называют единственным источником достоверных данных о численности и составе населения России в конце XIX века [2].

Перепись учитывала все три основные категории населения – личное, постоянное и юридическое (приписное), однако разработка ее материалов велась преимущественно по наличному населению. Использовались три формы переписных листов и списочные формуляры, при этом программа переписи включала 14 признаков, что позволило собрать огромный массив разнообразных статистических данных [1]. В результате опубликованные материалы переписи показали не только общую численность и размещение жителей страны по ее территории, но и явили структуру населения государства по широкому кругу характеристик: полу и возрасту, брачному и семейному положению, грамотности и родному языку, вероисповеданию, сословиям, занятиям и т.д.

В данной работе на материалах переписи 1897 года предпринята попытка выявления территориальных и структурных особенностей населения Центральноазиатского макрорегиона в контексте общей социально-демографической картины Российской империи. Территория исследования, называемая в материалах ВПН-1897 Средней Азией, включает пространства Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в составе девяти областей: Акмолинской, Закаспийской, Самаркандской, Семипалатинской, Семиреченской, Сырдарьинской, Тургайской, Уральской и Ферганской. Указанные области в этот период времени были административно поделены на 43 уезда и 1 отдел.

В публикации итогов переписи все данные сгруппированы по следующим макрорегионам Российской империи:

- Европейская Россия,
- Привислиньские губернии,
- Кавказ,
- Сибирь,
- Средняя Азия.

Общая площадь территории Империи составляла 18,9 млн верст, при этом на Сибирь приходилось более половины территории страны (58,1%), далее с большим отрывом следовала Европейская Россия (22,4%), а Сред-

няя Азия замыкала тройку (16,7%). На оставшиеся территории (Привислиньские губернии и Кавказ) приходилось менее 3%. Таким образом, Центральноазиатские национальные окраины занимали 1/6 площади государства, т.е. представляли довольно крупную часть страны.

В то же время с точки зрения численности населения среди всех макрорегионов резко выделялась Европейская Россия, концентрировавшая почти $\frac{3}{4}$ всего населения Империи – 93,4 из 125,6 млн человек. Остальные макрорегионы по числу жителей были в целом вполне сопоставимы: Привислиньские губернии (9,4 млн) и Кавказ (9,3 млн) имели примерно по 7,5% населения каждый, далее шла Средняя Азия (7,7 млн) с 6,2%, а меньше всего людей проживало на территории огромной Сибири – менее 6 млн чел. или 4,6% населения (см. рис. 1).

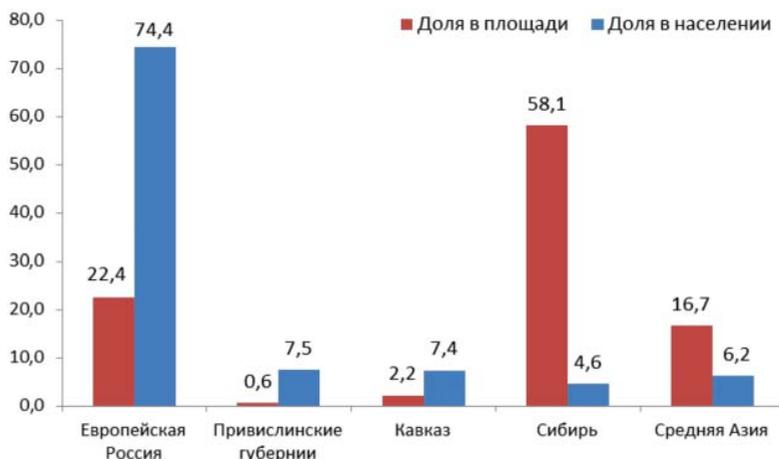

Рисунок 1. Удельный вес макрорегионов Российской империи в ее общей площади и численности населения по данным ВПН-1897, % (составлено автором по [3])

Учитывая вышесказанное, вполне закономерно, что Сибирский макрорегион, имевший наименьшее население при наибольшей площади, отличался рекордно низкими значениями плотности населения – около 0,5 чел. на 1 кв.версту. Средняя Азия, хотя и имела показатель в 5 раз больший, чем Сибирь, тем не менее несомненно относилась к слабоза-

селенным территориям (2,5 чел./кв.версту). Европейская Россия и Кавказ, очень близкие друг к другу по этому параметру, характеризовались на порядок большей плотностью населения – около 22-23 чел./кв.версту. Наиболее густонаселенной территорией были Привислинские губернии с показателем плотности более 84 чел./кв.версту. Таким образом, разрыв в плотности населения между макрорегионами Империи составил 160 раз!

Городские жители в Российской империи в конце XIX века составляли подавляющее меньшинство населения во всех макрорегионах, однако и этот показатель заметно варьировал: при среднем по стране значении в 13,4%, наименьшая доля горожан была в Сибири (8,4%), а наибольшая – в Привислинских губерниях (23%). При этом интересно, что удельный вес городских жителей в Средней Азии (12,1%) был практически таким же, как в Европейской России (12,9%) и на Кавказе (12,9%). Доля сельского населения, соответственно, колебалась в макрорегионах от 77 до 92%.

С точки зрения структурных показателей населения, данные переписи 1897 года позволяют нам рассмотреть целый ряд демографических и социальных характеристик жителей Российской империи.

В первую очередь обратимся к половому составу населения. Перепись показала, что женщин в Империи было немного больше, чем мужчин: 63,2 и 62,5 млн человек, соответственно. Иными словами, доля мужчин составляла 49,7%, а доля женщин – 50,3%, при этом соотношение полов было 989 мужчин на 1000 женщин. Наиболее сбалансированным с точки зрения полового состава макрорегионом были Привислинские губернии (50,1 и 49,9%, или 1005 мужчин на 1000 женщин). А вот в Средней Азии была зафиксирована наиболее деформированная половая структура, характеризующаяся большим перевесом мужского населения: доля мужчин 53,8%, доля женщин 46,2%, соотношение полов 1163 мужчины на 1000 женщин.

С точки зрения возрастного состава населения, в конце XIX века Российская империя представляла собой очень молодое государство: существенную долю среди жителей занимали дети, подростки и молодежь, а пожилых и старых людей было совсем немного. Конкретные количественные границы указанных возрастных групп имеют условный характер, поэтому воспользуемся десятилетней возрастной группировкой, которая применялась при разработке итогов переписи. В таком случае дети и молодежь образуют группу в возрасте до 20 лет, население рабочих возрастов – от 20 до 60, а пожилые и старые – 60 лет и старше (см. рис. 2).

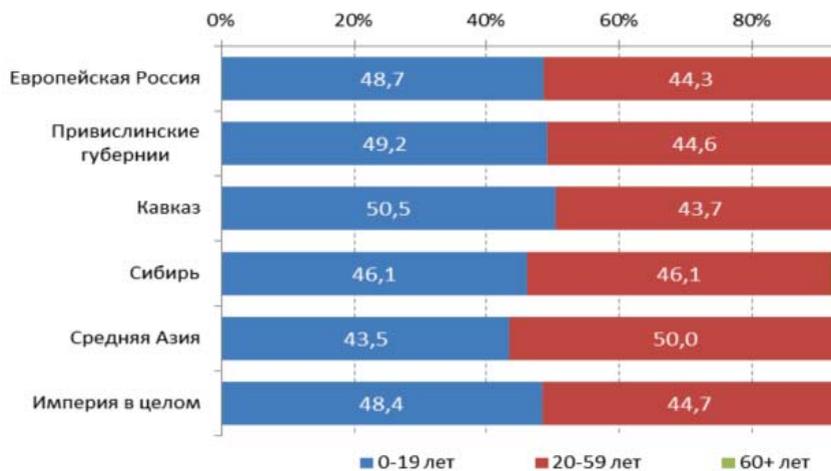

Рисунок 2. Возрастной состав населения Российской империи по макрорегионам по данным ВПН-1897, % (составлено автором по [4])

В Империи самая молодая группа составляла практически половину всего населения (48,4%), чуть менее половины – средняя группа (44,7%), а старшая группа – около 7%. Интересна макрорегиональная дифференциация: самой молодой территорией был Кавказ, где на младшую группу приходилось 50,5% жителей, а доля пожилых не достигала 6%, однако наибольшим удельным весом лиц трудоспособных возрастов отличалась именно Средняя Азия – ровно половина населения приходилась на эту группу, при этом доля молодого населения была здесь наименьшей среди всех макрорегионов страны.

Половозрастная пирамида Центральноазиатских окраин России в 1897 году (см. рис. 3) представляла собой типичную картину молодого быстрорастущего населения, в котором наблюдаются очень высокие уровни рождаемости и смертности. Эта демографическая пирамида, сформированная прогрессивным типом возрастной структуры населения, демонстрирует, что на изучаемой территории преобладает расширенное воспроизводство населения, когда новые поколения численно превосходят предыдущие. Подобная конфигурация пирамиды позволяет констатировать, что эта территория находится лишь в самом начале демографического перехода, в самом начале процесса демографической модернизации

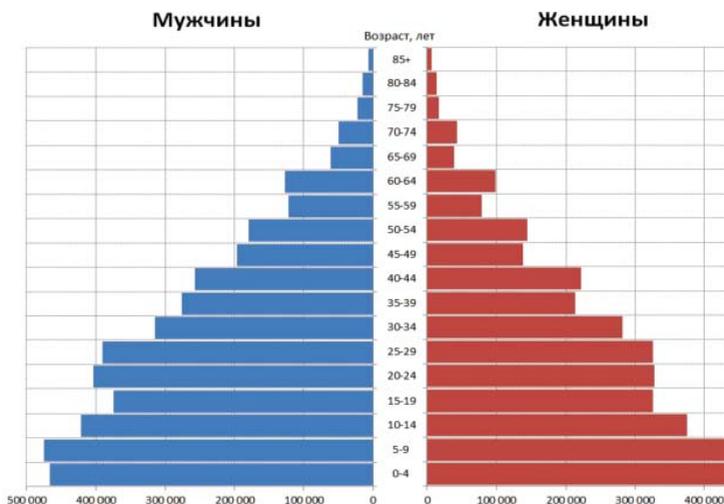

Рисунок 3. Половозрастная пирамида населения Средней Азии по данным ВПН-1897, человек (составлено автором по [4])

В материалах переписи распределение населения по семейному состоянию предлагало деление на следующие категории: холостые и девицы, состоящие в браке, вдовы и разведенные; при этом сведения публиковались дифференцированно по полу. Следствием очень молодого возрастного состава населения было то, что более половины населения Империи попадали в первую группу – не состоящих в браке (для мужчин 57%, для женщин 52%). Состоящие же в браке составляли в обоих случаях около 40%, а вот вдовцов было лишь 3,3%, в то время как вдов – 8,3%. Разведенные составляли лишь около 0,1% населения, такая же доля населения не указали семейного состояния. Особенности брачного состава населения в Средней Азии на фоне описанных среднеимперских значений были следующие моменты: существенно более высокая доля замужних женщин (49%) при, соответственно, заметно меньшей доле девиц (42%), сниженный удельный вес вдовцов (2,5%) и немного повышенный (8,7%) у вдов.

Перепись 1897 года дала уникальные сведения об уровне грамотности населения Российской империи. В соответствии с ними, лишь каждый пятый житель страны был грамотным, при этом грамотность среди мужчин встречалась более чем в два раза чаще, чем среди женщин – 29% против 13%. Вместе с тем для разных частей страны были характерны

очень разные уровни грамотности (см. рис. 4).

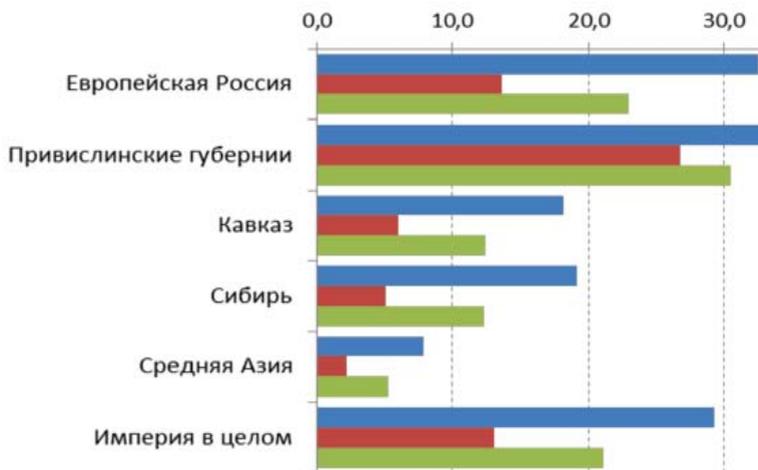

Рисунок 4. Доля грамотного населения Российской империи по макрорегионам по данным ВПН-1897, % (составлено автором по [6])

Наибольшая доля грамотных была зафиксирована в Привислинских губерниях, где для всего населения она превышала 30%, а разрыв между грамотностью мужчин и женщин был минимальный: каждый третий мужчина и каждая четвертая женщина здесь были грамотны. Разительно отличается от этой картины ситуация в Центральноазиатских окраинах Империи, здесь грамотность была минимальной среди всех макрорегионов страны: грамотными оказывались лишь один мужчина из 13 и одна женщина из 48.

Российская империя была многоконфессиональной страной, при этом религия играла в жизни общества огромную роль, а потому вопрос о религиозной принадлежности также был поставлен в переписном листе. Почти 70% жителей Империи отнесли себя к православным и единоверцам, вторым по распространенности вероисповеданием был ислам (11%), на третьем месте – католичество (9%). Заметную долю в стране имели также иудеи (4%), лютеране и старообрядцы. Все остальные конфессии имели менее 1% приверженцев и не играли значимой роли в обществе. Вместе с тем в разных частях страны религиозный состав населения варьировал в широких пределах. Ключевой конфессиональной особенностью Центральноазиатских национальных окраин было подавляющее

преобладание мусульманского населения. Так, если в Империи в целом лишь каждый десятый исповедовал ислам, то в Средней Азии 9 из 10 жителей были мусульманами. Православным был каждый двенадцатый человек, прочие же вероисповедания не получили хоть сколь-нибудь значимого распространения в этом макрорегионе (см. рис. 5).

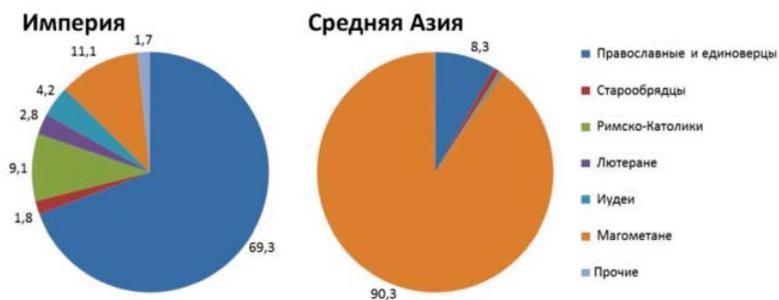

Рисунок 5. Вероисповедный состав населения Российской империи и Средней Азии по данным ВПН-1897, % (составлено автором по [5])

Большое значение в конце XIX века в России имело деление населения по сословиям – особым социальным группам, имевшим разное правовое положение, определенные привилегии и обязанности, определяемые законами государства. Перепись населения представила данные по большому числу различных сословных групп, однако основная масса населения приходилась лишь на несколько основных сословий. Подавляющее большинство жителей Империи были крестьянами (77%), второе место с огромным отрывом (в 7 раз) занимали мещане (11%), третьей группой по численности и доле населения были инородцы, составлявшие менее 7% населения. Далее следовали войсковые казаки (2,3%), дворяне и чиновники (1,5%). Все же остальные сословия были крайне малочисленны и не достигали даже 1% населения, например, духовенство и иностранные подданные составляли по 0,5%, почетные граждане – 0,3%, купцы – 0,2%.

Для разных макрорегионов были характерны свои особенности распределения жителей по сословиям. К примеру, в Привислинских губерниях почти четверть населения относилась к мещанам, на Кавказе наибольшую долю среди всех макрорегионов занимали войсковые казаки – более 10% населения, Сибирь отличалась повышенной долей инородцев – около 15% жителей. И тем не менее, во всех названных территории-

як общим было то, что на крестьянство приходилась львиная доля всего населения – от 71% в Сибири до 84% в Европейской России. На этом фоне сословный состав населения Средней Азии разительно отличается от прочих территорий: почти 90% жителей были отнесены к инородцам, на крестьян приходилось 5%, войсковых казаков 3% и мещан 2%, а все остальные сословия имели лишь считанные доли процента.

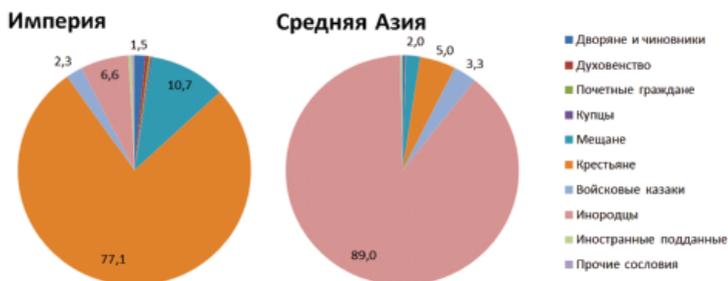
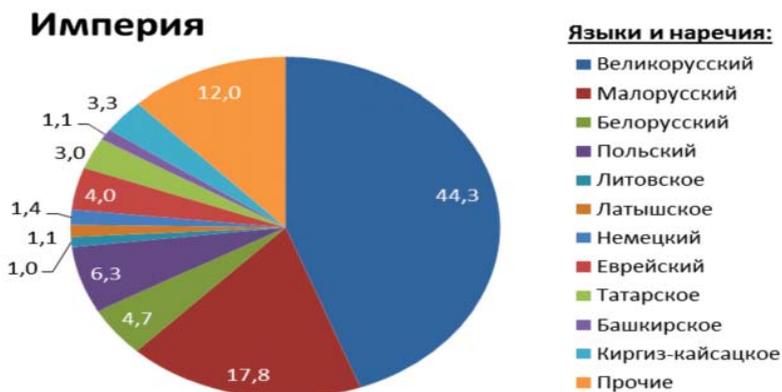

Рисунок 6. Сословный состав населения Российской империи и Средней Азии по данным ВПН-1897, % (составлено автором по [9])

Последний структурный срез населения, на котором мы остановимся в данном обзоре, – это распределение населения по родному языку. На графике (см. рис. 7) представлен состав населения Российской империи и Средней Азии по родному языку или наречию, причем количественной границей для генерализации выбран 1%. Соответственно, все языки и наречия, занимающие менее процента, объединены в группу «прочие».

Средняя Азия

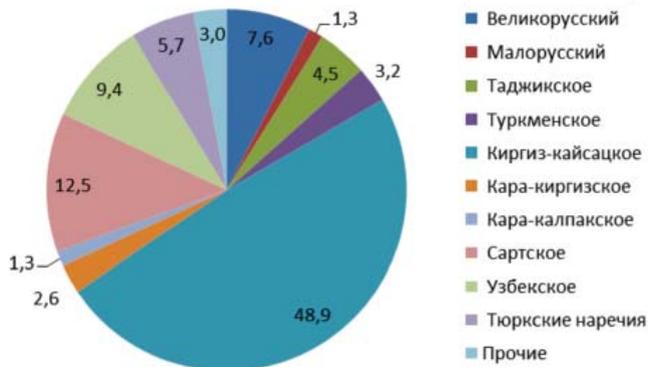

Рисунок 7. Состав населения Российской империи и Средней Азии по родному языку по данным ВПН-1897, % (составлено автором по [7])

Наиболее распространенным языком на территории Российской империи был великорусский, являвшийся родным для 44% населения, следом за ним шел малорусский – около 18%. Вместе с белорусским языком (около 5%) они объединялись в общую группу и назывались русским языком. В таком случае суммарно русский язык называли родным 2/3 населения государства. Значительную долю занимали жители с родным польским (6%) и еврейским (4%), а также киргиз-кайсацким и татарским наречиями (примерно по 3% каждое). По 1% населения страны считали своим родным языком или наречием литовское, латышское, башкирское и немецкий. Таким образом, на славянские и прочие восточно-европейские, а также балтийские языки приходится около 75% населения Империи.

Учитывая широту географии Российской империи, неудивительно, что отдельные ее макрорегионы обладали существенной лингвистической спецификой. По материалам переписи видно, что чуть менее половины населения Центральноазиатских окраин называло родным киргиз-кайсацкое наречие, а в целом к укрупненной группе «турецко-татарских наречий» относилось около 85% всех жителей Средней Азии. Среди них наиболее весомыми были: туркменское, кара-киргизское, кара-калпакское, сартское и узбекское, а также прочие тюркские наречия без распределения.

Итак, подводя итог проведенному обзору отметим, что Российская

империя в конце XIX века занимала огромную территорию, обладала значительным населением и большим пространственным разнообразием социально-демографических характеристик. Центральноазиатские национальные окраины представляли собой уникальный этнокультурный и хозяйственный макрорегион, специфика которого трансформировалась в ходе процесса заселения пришлым (преимущественно русским) населением и в результате взаимодействия его с коренным «инородческим» населением. Средняя Азия обладала почти 17% территории и 6% населения, что означало низкую плотность населения. Уровень урбанизированности был немного ниже среднего по Империи. При этом вследствие колонизационного характера освоения территории в половом составе здесь наблюдался наибольший мужской перевес, а в возрастном составе – наименьшая доля детей и подростков при рекордно высоком удельном весе лиц средних работоспособных возрастов. Прогрессивная половозрастная структура населения выступала одновременно и причиной, и следствием расширенного воспроизводства населения и его активного демографического роста. Подавляющее большинство жителей макрорегиона, сохраняя традиционный уклад жизни, были неграмотными. Около 90% населения были в сословном отношении инородцами, 9 из 10 исповедовали ислам и говорили на тюркских языках или наречиях. В то же время стоит помнить, что и сам Центральноазиатский макрорегион был далеко неоднороден. Имея в своем составе девять областей, делившихся на более чем четыре десятка уездов и несколько десятков городов, данная территориальная дифференциация также нуждается в тщательном изучении. Эту работу еще предстоит осуществить в ходе дальнейших исследований. К счастью, материалы переписи населения 1897 года содержат данные в разрезе областей, уездов и городов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архивные фонды Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. – URL: <http://arch1897.histcensus.asu.ru/>
2. История российской государственной статистики: 1811-2011: / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России»; 2013. – 143 с.
3. Пространство, число наличного населения и плотность. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Приложение Демоскопа Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php
4. Распределение населения губерний, уездов, городов Российской Империи (кроме 50 губерний Европейской России) по однолетним возрастным группам.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Приложение Демоскопа Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_age1_gub_97.php

5. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Приложение Демоскопа Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php

6. Распределение населения по полу, возрасту и грамотности. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Приложение Демоскопа Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_97.php

7. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Приложение Демоскопа Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php

8. Распределение населения по семейному состоянию и возрастным группам. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Приложение Демоскопа Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_97.php

9. Распределение населения по сословиям и состояниям. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Приложение Демоскопа Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_sos_97.php

10. Число наличного населения в городах. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Приложение Демоскопа Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_02.php

Есимова А.Б., Валитова З.Х.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ НА ЮГЕ КАЗАХСТАНА

Демографическая компонента является важной составляющей развития современного социума. Одним из главных показателей демографического развития страны является численность населения. Ретроспективный обзор численности населения независимого Казахстана демонстрирует постепенное снижение численности его населения с 1991 года, продлившееся до 2002 года. С 2002 года численность населения Казахстана начала постепенно расти и к 1 июля 2021 года достигла 19 млн. человек [1].

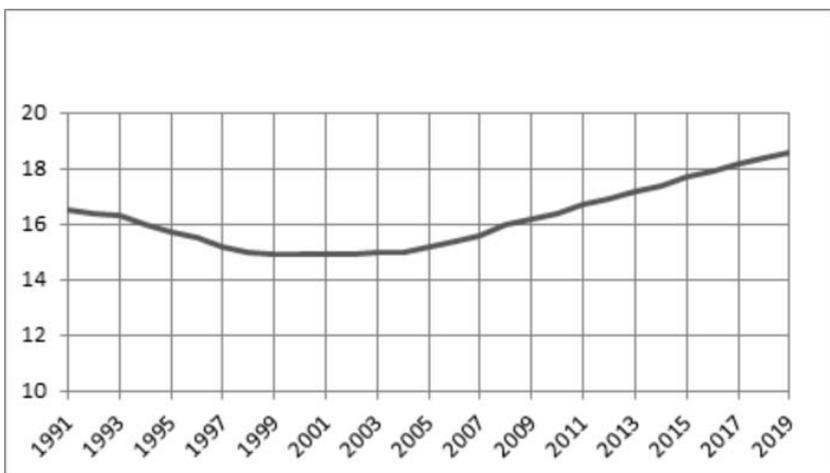

Диаграмма 1. Численность населения на конец года (по текущему учету), млн. чел. [2, с. 5-6; 3, с.5].

Сокращение численности населения происходило как следствие таких демографических процессов как миграционный отток населения из страны и снижения уровня рождаемости, повышения смертности. Феномен рождаемости зависит от многих факторов развития общества. Известно, что рождаемость обусловлена определенной направленностью и характером репродуктивного поведения женщин, мужчин, семей, которые, в свою очередь, весьма чувствительны к политическим, социальным, культурным и иным изменениям.

Причинами снижения рождаемости в Казахстане явились преимущественно социально-экономические причины. В начале 90-х годов XX века к активному репродуктивному возрасту подошло многочисленное поколение (дети бейби-бумеров), родившихся в 70-е годы. С таким потенциалом не должно было произойти снижения рождаемости. Но из-за кардинальных преобразований общества, смены политической системы, экономического коллапса, ослабления материальной и моральной поддержки семьи со стороны государства, изменения условий социализации разных поколений, усиливающаяся неуверенность в будущем – этот потенциал во многом не был реализован, что привело к стремительному сокращению рождаемости, которое продолжалось до 2002 года. Именно с этого года по статистическим данным мы наблюдаем постепенное повышение уровня рождаемости в Казахстане.

С 2002 года во всех регионах страны происходит рост рождаемости, причем наиболее высокий его показатель фиксируется в Туркестанской области и в г.Шымкент.

Таблица 1 - Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) [3, с. 150-152]

2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Туркестанская область, городское население					
3,61	3,74	5,97	6,63	7,27	7,29
Туркестанская область, сельское население					
3,76	3,68	3,48	3,57	3,72	4,24
г. Шымкент					
-	-	3,22	3,24	3,32	3,66

Из таблицы 1 видно, что в Туркестанской области значительно вырос суммарный коэффициент рождаемости, особенно в городской местности. Согласно статистическим данным в 2020 г. в городском населении Туркестанской области суммарный коэффициент рождаемости достиг 7,29. Данный коэффициент – небывалый «артефакт» в истории советского и постсоветского Казахстана. Этот факт вызывает множество вопросов, как к статистическим службам, так и к специалистам-демографам. В данном контексте интерес представляет повышение рождаемости не в сельской, а в городской местности Туркестанской области. Как известно, город исторически демонстрирует более низкие показатели рождаемости в сравнении с селом. По своей структурной природе (форма занятости, жилищные условия, ослабление индивидуальных связей, ценностные установки горожан и т.д.) город «противопоказан» многодетности. Вероятно, такой высокий суммарный коэффициент рождаемости в городской местности Туркестанской области отчасти объясняется значительными территориально-административными изменениями в данном регионе. В 2018 году Южно-Казахстанская область была преобразована в Туркестанскую. Следует отметить, что г. Шымкент (ранее являвшийся областным центром Южно-Казахстанской области) стал городом республиканского значения (2018 г.), а областным центром теперь уже Туркестанской области является г. Туркестан.

Административно-территориальные изменения на юге страны происходили и в 2014 году, что отразилось на общей численности населения

региона. Согласно статистическим данным, сельское население Туркестанской области за последние 6 лет неуклонно растет. А численность городского населения с 2017 года значительно сократилась вследствие этих территориальных преобразований (таблица 2).

Таблица 2 - Население Туркестанской области [3, с.52-54]

2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
все население, чел.					
2787906	2840871	1966336	1977028	1983969	2016037
городское население					
1247244	1277777	389740	388845	389401	405545
сельское население					
1540662	1563094	1576596	1588183	1594568	1610492

По статистическим данным городское население Туркестанской области в 2020 году составила чуть более 405 тыс. чел. При этом численность женщин-горожан в возрасте от 15 до 49 лет составила всего 79 646 чел. [3, с.53]. Если к тому же вычесть группу женщин не фертильного возраста, то остается менее ста тысяч женщин, у которых СКР составил более 7. Не сработал ли здесь «закон малых чисел»?

Если посмотреть на коэффициенты рождаемости по возрастным группам сельского населения Туркестанской области, то мы видим, что наблюдается незначительное снижение данного показателя с 2017 года (таблица 3). Но каких-либо кардинальных изменений за последние 6 лет не произошло.

Таблица 3 - Коэффициенты рождаемости по возрастным группам, сельское население Туркестанской области (число родившихся по возрастным группам) [3, с.145]

	15-49	Возрастные группы матерей						
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
2015	118,64	35,39	246,04	226,51	146,79	76,73	17,80	0,83
2016	115,49	31,80	233,32	229,74	142,40	78,48	17,22	0,71
2017	108,34	29,29	220,13	221,34	135,37	73,33	15,87	0,67

Продолжение таблицы №3								
2018	109,69	29,23	230,99	221,76	141,14	74,56	16,74	0,51
2019	111,48	28,85	242,32	224,33	147,30	78,94	19,80	0,69

Напротив, статистические данные по коэффициенту рождаемости по возрастным группам городского населения Туркестанской области показывают резкий рост данного показателя с 2017 года (таблица 4). По всем возрастным группам матерей произошло увеличение этого коэффициента в 2 раза.

Таблица 4 - Коэффициенты рождаемости по возрастным группам, городское население Туркестанской области (число родившихся по возрастным группам) [3, с.143]

	15-49	Возрастные группы матерей						
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
2015	117,13	34,51	238,34	207,31	147,98	78,88	18,62	0,78
2016	120,16	31,83	252,46	210,09	154,50	82,09	19,83	0,66
2017	165,58	38,51	394,69	374,52	240,19	120,48	24,44	1,04
2018	181,61	37,99	439,96	414,28	274,68	131,99	26,95	0,95
2019	197,21	45,85	447,88	463,72	301,23	150,07	31,91	1,33

С начала нулевых во многих областях Казахстана время от времени происходит превышение рождаемости в городской местности в сравнении с сельской. Эту тенденцию стабильно сохраняют Акмолинская, Алматинская, Кызылординская области (таблица 5). Причем в последние годы разрыв между показателями рождаемости СКР между городом и селом все больше усиливается.

Таблица 5 - Суммарный коэффициент рождаемости, 2003-2020 гг. [1]

Годы	Акмолинская		Алматинская		Кызылординская	
	гор	сел	гор	сел	гор	сел
2003	1,93	1,86	2,23	2,06	2,63	2,56
2005	2,07	1,71	2,29	2,12	3,03	2,63

Продолжение таблицы №5						
2007	2,22	1,77	2,71	2,53	3,76	3,13
2009	2,46	2,12	2,81	2,72	3,58	3,42
2011	2,34	2,16	2,97	2,77	3,71	3,53
2013	2,40	2,23	3,16	2,85	3,54	3,35
2015	2,46	2,17	3,45	3,09	3,56	3,26
2017	2,54	2,19	3,81	3,28	3,50	3,13
2019	2,66	2,26	4,48	3,45	3,85	3,15
2020	2,76	2,37	4,74	3,85	4,25	3,71

«Классическую» модель соотношения рождаемости в разрезе город/ село (характерная для урбанизированных обществ, где в городе рождаемость ниже, чем в селе) сохраняют лишь следующие области – Карагандинская, Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская.

В целом, мы видим явную тенденцию повышения рождаемости в городах. Этот факт вызывает много вопросов, так как урбанизированность по своей социальной природе не способствует повышению рождаемости, напротив, она ее снижает. «Те, кто живет на городской территории, как правило, весьма мобильны, связь между этими людьми довольно слаба. Люди ежедневно заняты различными делами и вовлекаются в разные ситуации – «темп жизни» в городе быстрее, чем в сельской местности. Конкуренция доминирует над взаимодействием» [4, с.500]. В таких условиях, как правило, репродуктивный потенциал семей сублимируется во внесемейную сферу. Однако, в большинстве городов Казахстана этого не происходит. Конечно, чтобы объяснить такой феномен необходимо комплексное количественное и качественное исследование. Для начала мы можем лишь предположить причины тенденции повышения рождаемости в городах, а не в селах. Рассмотрение принципов расчета демографических показателей, в частности, рождаемости (рождения фиксируются по месту рождения или по прописке матери), позволяет нам предположить, что в условиях слабой медицинской оснащенности сельских районов и наличия патологий у большого числа рожениц, большинство родов сельских матерей происходит в городах и, соответственно факт рождения фиксируется в городе. Таким образом, увеличивается рождаемость в городе благодаря сельским детям. Кроме того, темпы урбанизации, происходившие с 90-х гг. XX в. в Казахстане, далеки от темпов классической урбанизации западных стран, где рост численности городского

населения сопровождался распространением городского стиля жизни и образа мышления. Быстрые темпы казахстанской урбанизации стали приводить к эффекту рурализации. Большие потоки сельских жителей в сторону города не позволяют ему (городу) успевать «растворить» в себе ценности сельской традиционно-направленной культуры. К тому же этот процесс усиливается управленческими решениями включения сельской местности в границы городов. К примеру, по Южно-Казахстанской области мы видим следующие решения: «Изменить административные границы города Туркестана и сельских округов Карашикского, Урангайского, Чагинского, Иасы с включением части земель указанных сельских округов общей площадью 14168,0 гектаров в границу (черту) города согласно приложению (совместное решение Маслихата Южно-Казахстанской области от 19 июля 2007 года N 34/387-III и постановление Акимата Южно-Казахстанской области N 224 от 23 июля 2007 года)» [5]. Причем подобные принимаются периодически. Также в Туркестанской области было принято решение: «Изменить границы городов Туркестан и Кентау путем включения в границу города Кентау земель сельских округов города Туркестан Шага, Жана-Икан, Ески Икан, Ушкайык, Иассы, Орангай, Карашык, Жуйнек, Бабайкорган, Шорнак, Жибек жолы, Майдантал и земель, расположенных вокруг территории села Ачисай, общей площадью 721745,0 гектаров согласно приложению к настоящему совместному постановлению акимата Туркестанской области и решению Туркестанского маслихата. (совместное постановление акимата Туркестанской области от 27 июля 2018 года № 221 и решению Туркестанского областного маслихата от 27 июля 2018 года № 28-309-VI)» [6].

Выявленный тренд показывает роль городов в современном демографическом развитии Казахстана и ставит новые исследовательские вопросы – каковы факторы повышения городской рождаемости, как долго продлится данная тенденция, соответствуют ли такие тенденции универсальным законам демографического перехода, насколько локален или глобален такой поворот в репродуктивном поведении населения.

Сегодня демографические процессы в мире демонстрируют тенденции, которые подчас идут в разрез с логикой универсальных демографических законов. Смена фаз демографической модернизации, в частности, в контексте рождаемости, подразумевало движение от ее высокого уровня к низкой. Длительное время мы наблюдали непреложность такой закономерности демографической модернизации. В таком ключе почти не подвергался сомнению тот факт, что Казахстан, вставший также на

путь модернизации, будет продолжать демонстрировать известную схему естественного движения населения. Однако, мы наблюдаем новые тенденции, требующие комплексного анализа сложившейся демографической ситуации, в частности, области рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Министерство национальной экономики Республики Казахстан Комитет по статистике // <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Демографический ежегодник Казахстана. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Главный ред. Смаилов А.А. Астана, 2015.
3. Демографический ежегодник Казахстана. Министерство национальной экономики Республики Казахстан Комитет по статистике. Главный ред. Айдапкелов Н.С. Нур-Султан, 2020.
4. Гидденс Э. Социология / При участии К.Бердсолл: пер.с англ. Изд.2-е. М.: Едиториал УРСС, 2005.
5. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан// <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V07U0001961/history> (дата обращения: 12.09.2021).
6. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V18U0004707/links> (дата обращения: 12.09.2021).

Климова О.Г.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В последние три десятилетия было опубликовано большое количество работ на тему «этнического меньшинства» в Сибири второй половины XIX – начала XX в., в которых авторы изучали историю «национальных мигрантов» в русле как общих проблем, так и этнического предпринимательства. Исследователи пришли к выводу, что представители «этнического меньшинства» осваивали неразвитые или слабо развитые ниши в экономике Сибири, а оторвавшись от привычного уклада и ритма жизни, приобретали такие личные и профессиональные качества,

как подвижность, динамизм, предприимчивость, адаптивность, умение ориентироваться в новых и меняющихся обстоятельствах.

По мнению В.Н. Шайдурова, в дореволюционной Сибири «продолжался процесс складывания многонационального состава населения», и «в силу реализации различных внутривластных мероприятий в регионе сформировались некоренные этнические общности» [1, с. 193]. Томский исследователь Е.В. Карих отмечала, что между различными этносами «были преимущественно отношения сотрудничества и взаимообогащения, способствовавшими аграрному и индустриальному освоению региона» [2, с. 188]. Л.В. Кальмина, рассматривая этнические особенности предпринимательства в Западном Забайкалье, обращает внимание на то, что «В области, ввиду более слабого ее, по сравнению с западными губерниями Сибири, развития, экономическое пространство было достаточно широким для желающих заняться предпринимательством», а в «сложившейся системе разделения труда каждый этнос определил для себя достаточно четкие границы, и в случае пересечения экономических интересов конкуренция не приобретала жестких форм» [3, с. 49]. По мнению омского историка И.И. Кротта, «Этнические предпринимательские меньшинства (евреи, поляки, татары и др.) во второй половине XIX – начале XX в. выступали в качестве „рыночного фермента“, меняющего сибирское общество, они были „агентами“ социально-экономической модернизации и в то же время сами испытывали мощнейшее воздействие со стороны принимающего социума» [4, с. 10]. К предпринимательской деятельности «этнического меньшинства» обращались В.А. Скубневский [4; 5], Л.К. Островский [7], Л.В. Кальмина [3; 8], В.Н. Шайдуров [1; 9], Ю.М. Гончаров [10; 11; 45], А.Г. Киселев [12; 52], И.И. Кротт [4; 13], П.П. Вибе [14], Е.В. Карих [2] и многие др. Учеными рассмотрены различные историографические сюжеты об этническом предпринимательстве: коммерческие интересы «этнического меньшинства», сферы и формы экономической деятельности, персоналии предпринимателей-мигрантов, участие в общественной жизни города, в благотворительности и др.

Накопившиеся публикации постсоветского периода дают возможность приступить не только к историографическому обзору работ, но и к анализу методологических подходов, принципов и методов, используемых исследователями при изучении предпринимательской деятельности «этнического меньшинства» дореволюционной Сибири.

Целью настоящей статьи является попытка дать предварительный анализ методологических подходов, которые используются при изучении

истории этнического предпринимательства в контексте общей методологической ситуации в современной отечественной историографии.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. с изменением политического строя происходит отказ от единственной идеологии – марксизма как одного допустимого метода исторических исследований. Рассуждая о науке и идеологии, известный социолог А.А. Зиновьев заметил: «Задача науки – познавать мир. Задача идеологии – не открытие новых истин о природе, обществе и человеке, а организация общественного сознания, приведение сознания людей к некоторому общему стандарту, управление людьми путем воздействия на их сознание» [15, с. 155].

Очевидно, что методология науки – «это совокупность общих идей, подходов, принципов» [16, с. 3], а «в прикладном значении – это система принципов и подходов исследовательской деятельности», которые используют авторы в ходе получения и разработки знаний в рамках своего научного труда [17, с. 31]. И сейчас ученые достаточно свободны в выборе направлений и методов исследования. Основная часть исследователей выбирает существующие направления и использует проверенные методологические приёмы для обоснования результатов своих научных поисков.

Важную роль в исследованиях истории предпринимательства имеет определение подхода к решению проблемы. *Методологический подход* как система знаний, методов, понятийно-методическая база исследования, характеризующаяся определенным аспектом рассмотрения проблем, имеет одну и ту же концептуальную основу исследования или концепцию – систему взглядов, «определенный угол зрения на те или иные явления, способ их трактовки, возникающий на базе научного исследования» [18, с. 98]. Суть методологического подхода определяется задачами: «В каком ракурсе исследовать объект, с позиций каких представлений об объекте вести исследование, каких установок и принципов придерживаться, какие методы и приемы использовать. <...> Результат исследования зависит от того, насколько избранный исследователем подход окажется адекватным, т. е. способствующим успешной научной деятельности, достижение ее целей» [19, с. 20].

Разумеется, ни одна методологическая концепция не может быть универсальной. В отечественной историографии сосуществуют различные методологические подходы, и прежде всего формационный, цивилизационный, модернизационный.

Формационный подход, который рассматривает закономерности смены исторических типов государств с точки зрения качественных из-

менений в экономическом базисе общества, его производственных отношениях и классовой структуре. Он активно использовался советскими историками, был в середине XIX в. сформулирован немецким философом и экономистом К. Марксом, который синтезировал рационалистическую логику философии истории Гегеля и натуралистические концепции истории. К. Маркс рассматривал историю через эволюцию видов взаимодействия человека и природы в трудовой деятельности и считал, что производительные силы и производственные отношения являются главными в каждой формации, а движущей силой общества, по его мнению, является классовая борьба.

Плюралистическая (цивилизационная) концепция получила свое развитие в конце XIX – начале XX в. в трудах М. Вебера [20; 21], А. Тойнби [22; 23], О. Шпенглера [24; 25] в зарубежной историографии и в работах Н.Я. Данилевского [26] и П.А. Сорокина [27; 28] в российской исторической науке. Цивилизационный подход к познанию истории, в отличие от формационного подхода, представляет собой собирательное понятие, обозначающее ряд связанных между собой и вместе с тем относительно самостоятельных цивилизационных парадигм, он ставит в центр исторического анализа человека, личность с ее ментальностью, а не способ производства. Согласно цивилизационному подходу, исторический процесс рассматривается как постоянно сменяющие друг друга цивилизации, то есть сообщества людей, объединённых основополагающими духовными и материальными ценностями, имеющие устойчивые особенные черты в социально-политической организации, культуре, экономике и психологическое чувство принадлежности к этому сообществу.

Одной из ведущих социогуманитарных познавательных стратегий современности является модернизационный подход, призванный объяснить процесс обновления в обществах. Предпосылки становления теории модернизации были заложены в XIX в. в рамках эволюционизма, функционализма и учения М. Вебера, а также работами Э. Дюркгейма [29] и Г. Спенсера [30]. Оперируя термином «модернизация», многие современные авторы интерпретируют его как продолжающееся линейное изменение, «движение к определенной цели и очертанию целей в контексте реформаторской деятельности, проводимой в условиях международной взаимозависимости и соперничества» [31, с. 90]. Так, А.А. Бронников отмечает, что «Идея прогрессивного развития общества от традиционной до постиндустриальной стадии» дает сибирским исследователям большую возможность для изучения истории региона. В частности, предпринимаются успешные попытки адаптации положений теории для исследования

особенностей экономической модернизации Сибири и региональных историко-демографических процессов [32, с. 14].

Основным отличием современного этапа развития исторической науки в России от предыдущего является использование в практике исследовательского труда различных методологических концепций. По мнению Б.Г. Могильницкого, распространялся этот «российский феномен» в исторической науке не эволюционным путем, а стремительно, путем замены тоталитарной методологии (марксизма) «концептуальной анархией» [с. 9].

Подтверждают это мнение подсчеты историографов, которые отмечают, что «современное историографическое пространство представлено не менее чем двадцатью разнообразными концептуальными подходами, объясняющими смысл, ход, особенности российской истории» [33, с. 13]. Например, В.В. Согрин называет: ортодоксально формационный подход советского образца, реформистский формационный подход, либерально-западнический подход радикального толка, цивилизационный подход, который, в свою очередь, делится на два направления – либеральное и консервативное [35]. Г.И. Зверева в рамках цивилизационного подхода выделяет такие направления, как неолибералы, неоконсерваторы, неоевразийцы, традиционалисты-почвенники [36].

Рассмотреть использование тех или иных подходов, используемых авторами на рубеже XX–XXI вв., можно на основе анализа соответствующих фрагментов монографий и научно-квалификационных сочинений.

В советский период, как известно, опубликованных монографий, защищенных диссертаций, посвященных истории предпринимательства, было немного [37; 38; 39; 40; 41; 42]. Методологической базой в них обычно провозглашались либо в целом марксистско-ленинское учение о развитии общества, общественно-экономических формациях, либо конкретные положения, содержащиеся в трудах классиков марксизма-ленинизма. Как отмечает М.А. Демин, «приводились высказывания В.И. Ленина об отдельных сторонах капиталистического развития России, империалистических противоречиях, формах эксплуатации, самодержавии, освободительном движении и пр.» [43, с. 90]. К примеру, А.Н. Боханов в своей монографии «Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX – 1914 г.» называет «принципиальным положением» важнейшую методологическую посылку о том, что «класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с теми средствами духовного производства» [44, с. 3].

В конце 1980-х - начале 1990-х гг., марксистская идеология смени-

лась на либеральную. Как справедливо заметил Ю.М. Гончаров, «Вопрос о методологической базе современного исторического исследования не может решаться так однозначно, как это было в предыдущий период развития отечественной историографии» [45, с. 9]. Одни исследователи заявляли о множестве теорий и подходов, которые в тексте отслеживались слабо, при этом упоминали о необходимости учитывать теоретические положения классиков марксизма. Другие фактически отказывались от использования методологических и теоретических основ, вообще опускали раздел введения или, наоборот, декларативно заявляли об обновлении исторической науки, обращаясь только к западной методологии. Все это привело к методологическому кризису. Справедливо мнение Л.Н. Мартюшова и И.Л. Мартюшовой о том, что «некритически заимствовались идеологические штампы из работ западных историков. Исторический путь развития Западной Европы и США рассматривался как единственно правильный путь развития мировой цивилизации. Многие историки восприняли новые идеологические штампы, как руководство к действию, стали переписывать историю с либеральных позиций» [45, с. 99]. Аналогичного мнения придерживается и А.В. Старцев, он пишет, что в 1990-е гг. в исторических исследованиях «вопрос о методологической базе вообще не ставится, наблюдается <...> ввод в научный оборот все новых и новых фактов без сколько-нибудь серьезного теоретического осмысления», происходит по-прежнему «использование в качестве методологической основы произведений основоположников марксизма-ленинизма, которые, несмотря на „отдельные недостатки“, все же являются верным ориентиром в изучении проблем социально-экономической истории», «в качестве методологической основы исследования выдвигаются общенаучные методы», «методологической основой исторических трудов выступают причудливые сочетания экономического детерминизма с отдельными ссылками на работы наиболее известных „модных“ западных социологов и экономистов, таких как М. Вебер, В. Зомбарт, А. Тойнби, Ф. Бродель и т.д.» [47, с. 8, 9].

Авторы избегали полемики по поводу универсальных теорий и комплексно использовали отдельные положения различных методологических подходов. К примеру, А.М. Мариупольский в автореферате кандидатской диссертации указывает, что сложилась новая методологическая ситуация, «которая характеризуется плюрализмом концепций и подходов при изучении исторического прошлого», указывает на общенаучные принципы исследования – принцип системности, принцип историзма,

сравнительный подход, при этом диссертант обращается и к трудам К. Маркса, В. Ленина, и к концепциям М. Вебера, С.Н. Булгакова, Ф. Броделя, Г. Гинса [48]. В.П. Бойко в докторской диссертации, выражая свой взгляд на историческое исследование, признает варианты исторического процесса, приоритета фактов и документальных свидетельств, отказ от догм и стереотипов, продиктованных политическими, идеологическими или материальными обстоятельствами [49].

Заслуживает понимания стремление некоторых историков обойти условности общепринятых методологических схем и опереться на теоретические положения, важные для проблематики исследования. Так, В.Ю. Рабинович в своей диссертации «Евреи дореволюционного Иркутска как предпринимательское меньшинство» заявляет о попытке «рассмотреть положение иркутских евреев как представителей типичного предпринимательского меньшинства», отмечая, что «данный подход к проблеме является для нашей и мировой историографии сравнительно новым», так как «поможет глубже понять сложные модернизационные процессы конца XIX – начала XX века, ту роль, которую играли в этих глобальных изменениях евреи и другие торговые народы» [50].

Таким образом, исследователи сибирского предпринимательства по-разному преодолевали методологический кризис 1990-х гг.

В 2000-е – 2010-е гг. в историографии наблюдается более осознанное отношение исследователей к методологии. Авторы пытаются правильно соотносить принципы и методы исторического исследования, уделяя повышенное внимание принципу историзма. Так, например, А.А. Жиров в автореферате кандидатской диссертации пишет, что «Методологической основой диссертации является принцип историзма, дополняемый принципом комплексного (системного) подхода», и далее «Под историзмом понимается подход, требующий рассмотрения всех явлений и событий изучаемого периода конкретно, с позиций всестороннего анализа той эпохи, в которой они происходили» [51, с. 4].

В современной отечественной историографии история предпринимательства XIX – начала XX в. обычно рассматривается в рамках теории модернизации. Наряду с общими работами, к ней, как к отправной точке своих исследований, обращались крупнейшие специалисты по истории предпринимательства, городов и городского населения Сибири: В.А. Скубневский, А.В. Старцев, Ю.М. Гончаров, В.П. Зиновьев, В.Н. Разгон, Д.Я. Резун, А.Р. Ивонин, В.П. Зиновьев, В.П. Шахеров, Е.В. Комлева и др.

В указанный период в отечественной историографии были опубли-

кованы как исследования частных сюжетов, основанные на концепции модернизации, так и обобщающие работы, целью которых является истории предпринимательства, в том числе предпринимательства этнического меньшинства, с позиций модернизационных преобразований. Данные работы отличает высокий уровень теоретизации.

Среди таких работ следует отметить монографию историка А.Г. Киселева. Автор обращается одновременно к «формационной, модернизационной концепциям, социальной истории». А.Г. Киселев поясняет применение обеих концепций: «Формационную теорию характеризует внимание к внутренним противоречиям, движущим и отдельные исторические явления, и историю в целом то непрерывным образом от одной ступени развития к другой», «Теория модернизации акцентирует сам момент, механизм обновления, перехода общества к индустриальной стадии, нацеливает на изучение процесса распада старых и возникновения новых общественных структур и представлений, их взаимодействия друг с другом» [52, С. 12].

Представляет интерес методологическая основа работ Т.К. Щегловой, посвященных истории ярмарок Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Автор в двух монографиях использует «наряду с традиционными для отечественной истории методами» достижения последних десятилетий российской и зарубежной методологии [53, с. 11] и рассматривает частный аспект концепции модернизации – развитие форм товарообмена и организации структуры рынка [52; 54]. Позднее в одной из своих статей, Т.К. Щеглова решала новаторскую задачу выявления связи между уровнем развития форм торговли и темпами модернизационных процессов в Сибири [55, с. 231].

Эти и многие другие работы исследователей указывают на широту историографических сюжетов в изучении истории этнического предпринимательства, многообразия мировоззренческих позиций.

Таким образом, методологический подход определяет оценку в изложении прошлого, а принципы и методы исследования авторы определяют уже согласно мировоззренческой цели, которая имеет свою оценочную логику прошлого: периодизацию истории, понятийный аппарат, подбор факторов исторического процесса, интерпретацию событий.

Изучение методологических подходов стимулирует научные изыскания в данном направлении, которое является чрезвычайно важным и актуальным. Отрадным представляется, что тематика исследований по этническому предпринимательству и их география постоянно расширя-

ются. Исследование национального предпринимательства способствует более глубокому пониманию формирования и развития хозяйственных, социально-экономических и общественно-политических процессов в Сибири и государстве.

Современная ситуация в методологии историографии Сибири характеризуется постепенным отходом от формационного подхода, развитием идей цивилизационной концепции и использованием модернизационной теории для изучения ряда социально-экономических сюжетов. Борьба различных теоретических направлений – это общее явление, характерное для любой науки. Старые положения и выводы устаревают, на их основе создаются новые. Исследователи истории этнического предпринимательства на основе анализа фактов корректируют свои взгляды, учитывают аргументы коллег и, в конечном итоге, их позиции сближаются, хотя борьба мнений будет существовать всегда, без чего невозможно развитие науки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шайдунов В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры. 2013. 260 с.
2. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
3. Кальмина Л.В. Предпринимательство в Западном Забайкалье во второй половине XIX – начале XX века: этнические особенности // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX – начало XX века): межвузовский сборник научных статей. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом ГПУ, 2009. С. 39–51.
4. Крот И.И. «Чужаки» в сибирском социуме конца XIX – начала XX века: современные подходы в изучении социально-экономического поведения мигрантов // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX – начало XX века): межвузовский сборник научных статей. Вып. 9. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 4–11.
5. Скубневский В.А. Немецкое предпринимательство на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. 2010. № 3–4. С. 198–202.
6. Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной науч.-практической конференции (Томск, 20–23 мая 1999 г.). Томск, 1999. С. 79–81.
7. Островский Л.К. Польские предприниматели в Сибири на рубеже XIX и XX

- веков // Государство и общество Сибири XVII-XX веков: сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 121–127.
8. Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX в.: элита сословия // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 21–40.
9. Шайдуров В.Н. К вопросу об особенностях формирования и адаптации украинской общины в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: сборник научных трудов. СПб.: Медиапайр, 2020. С. 135–146.
10. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2013. 174 с.
11. Гончаров Ю.М. Еврейская диаспора в Сибири XIX – начала XX в.: специфика формирования и процессы адаптации // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: сборник научных трудов. СПб.: Медиапайр, 2020. С. 126–134.
12. Киселёв А. Г., Nielsen, P. Søren Refsgaard Randrup: Датчане в западной Сибири на рубеже XIX–XX веков. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. 116 с.
13. Кротт И. И. Омский конный завод немецкого коммерсанта Ф.Ф. Штумпфа // Немцы Сибири: история и культура. Материалы третьей международной научно-практической конференции. Омск, 2002. С. 114–118.
14. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 367 с.
15. Зиновьев А.А. Планируемая история. М.: Изд-во: АСТ, 2009. 302 с.
16. Мартюшов Л.Н. Методы исторического исследования. Учебное пособие. Екатеринбург, 2016. 91 с.
17. Аверьянов О.В. Методологические концепции исторических исследований // Научный вестник МГТУГА. 2014. № 203. С. 31–35.
18. Мартюшов Л.Н., Мартюшова И.Л. К вопросу о методологии исторического исследования // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Материалы XII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 4-5 декабря 2014 г.). в 2-х т. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 97–103.
19. Едронova В.Н., Овчаров А.О. Методологические подходы в научной исследовательской деятельности. Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 11 (314). С. 20–31.
20. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Право. / Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 336 с.
21. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Общности. / Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 432 с.
22. Тойнби А. Постигание истории: избранное / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.:

Айрис-Пресс, 2008. 521 с.

23. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ. 2011. 318 с.

24. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск: Попурри, 2019. 656 с.

25. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Минск: Попурри, 2021. 704 с.

26. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.

27. Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1003 с.

28. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений (Social & Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships) / Пер. с англ. В. В. Сапова. СПб: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.

29. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / перевод с французского А. Б. Гофмана. Москва: Канон, 1996. 430 с.

30. Спенсер Г. Личность и государство / пер. с англ. Челябинск: Социум, 2007. 207 с.

31. Бронников А.А. Теория модернизации в постсоветской историографии Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 90-93.

32. Бронников А.А. Современные методологические подходы в постсоветской историографии Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1. С. 11–16.

33. Могилиничский Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 9–20.

34. Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Россия: образы прошлого и смыслы настоящего. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 544 с.

35. Согрин В.В. Двадцать лет российской трансформации. 1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20–34.

36. Зверева Г.И. Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историософии» // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 88–99.

37. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1949. 604 с.

38. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1957. 636 с.

39. Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостной России. М: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. 204 с.

40. Коваленко О. М. Купечество Иркутской губернии первой четверти XIX в. (К истории развития сибирской буржуазии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1950. 11 с.

41. Бойко В.П. Крупная буржуазия Западной Сибири во второй половине XIX в., 1861 – середина 1890-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. 18 с.
42. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск, 1975. 327 с.
43. Демин М.А. К вопросу о методологии научных исследований по истории Сибири в 1990-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2. С. 90–93.
44. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.
45. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999. 240 с.
46. Мартюшов Л.Н., Мартюшова И.Л. К вопросу о методологии исторического исследования // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Материалы XII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.). в 2-х т. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 97–103.
47. Старцев А.В. История российского предпринимательства: проблемы теории и методологии // Предприниматели и предпринимательство в Сибири: сборник научных статей. Вып. 3. Барнаул: изд-во АлтГУ, 2001. С. 5–21.
48. Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля в Западной Сибири в период действия акцизной системы: 1863–1902 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 22 с.
49. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999. 41 с.
50. Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска как предпринимательское меньшинство: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. 24 с.
51. Жиров А. А. Провинциальное купечество Сибири (на материалах тарского купечества XVIII – начала XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. 26 с.
52. Киселев А. Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: монография. Ханты-Мансийск: изд-во ЮГУ, 2008. 243 с.
53. Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в конце XIX - начале XX в.: Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2001. 504 с.
54. Щеглова Т. К. Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX в.: Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2002. 234 с.
55. Щеглова Т.К. Территориальное развитие торговой инфраструктуры Западной Сибири и Степного края в период капиталистической модернизации XIX–XX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сборник материалов всероссийской. Конференции (г. Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г.). Новосибирск: ИИ, 2003. С. 231–233.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА ПО ДАННЫМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 ГОДА

Демографическая картина расселения и национального состава населения Казахстана отражает политические и экономические изменения конца XIX века.

В эпоху господства Российской империи, царская администрация пыталась в своей политике в регионе опираться на дифференцированный подход по отношению к населению края. В основу деления народов Центральной Азии был положен, в первую очередь, конфессиональный признак, затем хозяйственно-культурный и, наконец, этнический. Это отражало реальный уровень этнического и исторического развития региона в тот период.

На формирование численного и национального состава населения Казахстана оказали влияние целый ряд событий. Так, после реформ 1867-1868 года земля стала передаваться в собственность государства, а с началом строительства железных дорог начинается массовый прилив русских крестьян в Казахстан. Реформы дают толчок развитию капитализма в России, а это способствовало мощному росту переселений из центральных губерний империи.

Главными источниками по истории населения того периода стали не только исторические документы, но и статистическая информация, собираемая путем проведения периодических учетов русскими чиновниками, переписи населения в городах и уездах, собираемые статкомитетами.

Важное значение сохраняет в этом отношении Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Она охватывает наличное, постоянное и приписное население с учетом каждого хозяйства в сельской местности и каждой квартиры в городах.

Вместе с тем материалы переписи не лишены и отдельных недостатков. В ее программе не было вопросов о национальности, из-за чего ее итоги формировались не по этническим, а по лингвистическим признакам, то есть в ее основу положена идентификация по языку. Объединение в переписном листе вопросов об образовании и обучении не позволили выяснить подлинный уровень образования взрослого населения.

Сложность работы с материалами переписи состоит и в том, что

следует учитывать и территориальные особенности того времени. Так, Уральская область включает Букеевскую орду, Семипалатинская область включает Павлодарский уезд, из Сырдарьинской области следует исключить Пишпекский и Пржевальский уезды, Мангышлакский уезд включен в Закаспийскую область, а Тургайская область берется вместе с Кустанайским и Актюбинскими уездами [1].

Несмотря на все указанные недостатки, перепись населения 1897 года остается единственным достоверным источником о численности и составе населения Российской империи, а также входивших в ее состав национальных регионов в конце XIX века.

По материалам Всероссийской Переписи 1897 года численность населения Казахстана составила 4 млн. 931 тыс. человек, расселенных на пространстве 2428111 кв. верст (по измерениям А.А. Тилло и Ю.М. Шокальского) [2].

По объему площади территорий первое место в Казахстане занимает северный регион (37,0%), в котором наибольшее пространство охватывали Атбасарский (44,1%) и Акмолинские (21,8%) уезды. (Таблица 1)

Таблица 1 - Территория и плотность населения по регионам Казахстана по данным Переписи 1897 года [3-4].

Регион Губерния	Пространство		Население На 1 версту	Все население	
	В верстах	%		Абс.	%
Север	897640	37,0	1,26	1136024	23,0
Акмолинская	497860	20,5	1,37	682608	13,8
Тургайская	399780	16,5	1,1	453416	9,2
Юг	800750	33,0	3,08	2466261	50,0
Сырдарьинская	452840	18,7	3,3	1478398	30,0
Семиреченская	347910	14,3	2,84	987863	20,0
Восток	445310	18,3	1,54	684590	13,9
Семипалатинская	445310	18,3	1,54	684590	13,9
Запад	284411	11,7	2,27	645121	13,1

Продолжение таблицы № 1					
Уральская	284411	11,7	2,27	645121	13,1
Казахстан	2428111	100	2,03	4931996	100

По данным Переписи 1897 года, на севере Казахстана наличное население составляло 1136024 человек, из них мужчин 52,1% и 47,8% женщин. Наиболее заселенными были Семиреченская и Сырдарьинская губернии (2,84 и 3,3 человека на кв. версту). Наименее заселенными на Севере Казахстана были Омский, Петропавловский уезды, в Атбасарском плотность населения составила менее одного человека на кв.версту [5].

В северном регионе 9 городов (Омск, Акмолинск, Атбасар, Кокчетав, Петропавловск и др.) Городское население составляло 8,3%, основная масса проживала в сельской местности. При этом по отдельным областям и уездам это соотношение меняется, так, в Акмолинской области городское население составляло 11,0%.

Южный регион, представленный двумя крупными областями - Сыр-Дарьинской и Семиреченской, охватывает 33,0% территории Казахстана, где наибольшее пространство занимали Чимкенский и Лепсинский уезды. На плотно заселенном юге проживало 50,0% населения Казахстана, здесь на кв.версту приходилось, например, в Ташкенском уезде – 11,54 человека, Джаркенском – 23,77 человека.

В административном отношении регион разделен на 12 уездов. Наличное население составляло 2466261 человек, из них мужчин 1332626 и 1133635 женщин. В Сыр-Дарьинской области проживало 60% населения региона.

В регионе 12 городов, на их долю приходится 10,9% всего населения, а на долю сельского населения, соответственно - 89,1%. Из городов самым населенным является Ташкент, имеющий население 155673 человек, Аулиеата – 11722, Туркестан – 11253, Чимкент – 11194, Верный – 22744, Джаркент - 16094. Остальные города имели численность населения менее 10 тысяч человек.

Таблица 2 - Состав наличного населения Казахстана (обоего пола) по данным Переписи 1897 года [6].

Регион Губерния	Городское		Сельское		Все население	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Север	94282	19,9	1041742	23,4	1136024	23,0
Акмолинская	74752	15,8	607856	13,6	682608	13,8
Тургайская	19530	4,13	433886	9,7	453416	9,2
Юг	268570	56,8	2197691	49,3	2466261	50,0
Сырдарьинская	205596	43,5	1272802	28,5	1478398	30,0
Семиреченская	62974	13,3	924889	20,7	987863	20,0
Восток	54488	11,5	630102	14,1	684590	13,9
Семипалатинская	54488	11,5	630102	14,1	684590	13,9
Запад	55482	11,7	589639	13,2	645121	13,1
Уральская	55482	11,7	589639	13,2	645121	13,1
Казахстан	472822	100	4459174	100	4931996	100

Семипалатинская область представляет Восток Казахстана. Территориально наибольшее пространство в нем занимал Каркаралинский уезд (41,8%), этот же уезд является наименее заселенным, плотность населения составляет 0,92 человека на кв.версту. Сравнительно равномерно были заселены Семипалатинский и Зайсанские уезды (2,24 и 2,72).

Наличное население Востока Казахстана составляло 684590 человек, из них мужчин 53,3% и 46,7% женщин. В регионе 6 городов (Усть-Каменогорск, Павлодар, Каркаралы, Зайсан, Кокпекты, Семипалатинск) в которых проживало 7,96% населения, в сельской местности - 92,1%. Из городов самым населенным являлся Семипалатинск - 26246 человек, что составляет 3,83% всей численности населения области и в нем же сосредоточена половина всего городского населения (48,17%).

Уральская область, представляющая западный регион, занимала 11,7% от общей территории Казахстана. Наибольшая территория приходилась на Темирский уезд (41,4%). По плотности населения на первом

месте Гурьевский уезд (14,9 человека на версту), менее заселенным был Темирский уезд (0,81). Всего в регионе проживало 645 121 человек (мужчин 335972 и 309149 женщин).

В области 5 городов (Уральск, Илецк, Гурьев, Калмыков, Темир) на их долю приходилось 8,6% всего населения, на долю сельского - 91,4%. Из городов наиболее крупным являлся Уральск (36466 человек), в нем находится 65,7% городского населения области [7].

В целом можно отметить, что за рассматриваемый период, границы областей не испытывали на себе значительных изменений, поэтому общий характер расселения по территории Казахстана можно считать стабильным до 1917 года. Наиболее заселенным был Юг Казахстана, наименее Север и Восток. Основная часть населения проживала в сельской местности (90,4%), в городах находилось 9,6% жителей Казахстана.

Перепись 1897 года свидетельствует о многонациональном населении Казахстана. При проведении переписи учитывались сведения о родном языке. В связи с чем, основные показатели национальной принадлежности отдельных групп населения будут иметь относительный характер.

На территории Казахстана проживали два наиболее крупных этноса: казахи, составлявшие 74,1% населения, русские - 13% [8].

Таблица 3 - Национальный состав областей по данным Переписи 1897 года (по родному языку, в %) [8].

Области / родной язык	Акмолинская	Тургайская	Сыр-Дарьинская	Семиреченская	Семипалатинская	Уральская
Русский язык	33,1%	7,7%	3,0%	9,6%	9,9%	25,4%
Казахский	62,6%	90,6%	64,4%	80,5%	88,3%	71,3%

Казахское население проживало во всех областях Казахстана. В региональном аспекте особо можно выделить южный регион, где численность казахского населения была наиболее высокой - 47,9% от числа этноса, на Севере проживало 22,9% этноса, на Востоке и Западе – 16,6% и 12,6%.

Наиболее высокий удельный вес казахов был отмечен в Тургайской – 90,6% и Семипалатинской областях – 88,3%. От 52,1 до 62,2% всего населения приходилось на долю казахов в Семиреченской и Сырдарьин-

ской областях, от 62,6 до 71,3% - в Акмолинской и Уральской областях.

В разрезе уездов ситуация выглядит следующим образом: казахи составляют абсолютное большинство в Темирском (99,0%), Тургайском (99,1%), Каркаралинском (98,8%), Перовском (97,5%), Казалинском (96,7%) уездах.

Таблица 4 - Состав населения Казахстана по народностям, данные Переписи 1897 года (признаком народности служил родной язык) [8].

Н а р о д - ность	Север		Юг		Восток		Запад		Всего	
	Об. пола	%	Об. пола	%	Об. пола	%	Об. пола	%	Об. пола	%
Русские	260669	22,9	140299	5,68	68433	10,0	163910	25,4	633311	13,0
Поляки	1243	0,11	3010	0,12	195	0,03	250	0,03	4698	0,1
Немцы	4851	0,43	1927	0,07	100	0,01	161	0,02	7039	0,14
Персы	-	-	1679	0,07	3	0,0	-	-	1682	0,03
Туркмены	-	-	5609	0,23	-	-	-	-	5609	0,11
Евреи	1671	0,15	2249	0,09	287	0,04	115	0,02	4322	0,1
Таджики	-	-	264	0,0	-	-	-	-	264	0
М о р д . Финны	11359	1,1	1389	0,42	392	0,06	797	0,12	13937	0,3
Татары	14016	1,23	13610	0,55	9940	1,5	17805	2,76	55371	1,12
Казахи	838293	73,8	1746876	70,8	604564	88,3	460173	71,3	3649906	74,1
Кара-кал- паки	-	-	93215	3,78	-	-	-	-	93215	2,0
Сарты	130	0,01	159170	6,45	495	0,07	-	-	159795	3,23
Узбеки	-	-	64261	2,61	-	-	-	-	64261	1,4
Тюрки	-	-	158675	6,43	-	-	-	-	158675	3,22
Китайцы	-	-	14639	0,59	2	0,0	713	0,11	15354	0,31
Башкиры	1598	0,14	169	0,0	-	-	-	-	1767	0,03
Калмыки	-	-	1738	0,07	-	-	968	0,15	2706	0,02
Арабы	-	-	636	0,0	-	-	-	-	636	0,01
Таранчи			55999	2,3					55999	1,13
Прочие	2194	0,19	847	0,04	179	0,19	229	0,36	3449	0,1
Всего	1136024	100	2466261	100	684590	100	645121	100	4931996	100

В абсолютном отношении больше всего казахов было в Чимкенском и Аулие-Атинском уездах, соответственно 224,7 и 218,0 тыс. человек [9].

Во всех регионах Казахстана, кроме Петропавловского и Омского уездов Акмолинской области, казахи численно превосходили другие народы. (Таблица 4)

Наряду с казахами-кочевниками, территории Казахстана начинают с XVIII-XIX века осваивать переселенцы. Строительство крепостей и редутов положило начало процессу формирования постоянного населения. Тогда же были образованы первые русские крестьянские поселки.

Численность русского населения, благодаря притоку переселенцев, в 1897 году составляла 633311 человек, или 13 % от общей численности населения Казахстана.

До последней четверти XIX века русское население Казахстана было представлено в основном казаками (Уральское, Сибирское и Семиреченские казачьи войска). Переселение крестьян в Казахстан привело к значительным сдвигам в численности и структуре населения. В конце XIX века на Западе Казахстана удельный вес русского населения достиг 25,4%. По национальному составу Уральская область являлась второй, после Акмолинской, по численности русского населения. На Севере Казахстана русские составили – 22,9%, в Акмолинской области они достигли трети населения (33,1%), тогда как в Тургайской 7,7%. (Таблица 3-4)

Русское население распространялось по областям неравномерно. В Южном регионе, в частности в Сыр-Дарьинской области, доля русскоязычных была незначительна (5,68%). Русское население преобладало в городах, а так же в селениях Аулиеатинского, Чимкенского, Ташкенского, Верненского и Лепсинского уезда.

В Восточном Казахстане (Семипалатинская область) численность русских достигла 10,0%. Они довольно равномерно распределились как в уездах, так и в городах.

Следующей многочисленной группой населения в Казахстане были узбеки, их численность по переписи 1897 года составляла 64261 человек. В общей численности населения Казахстана их удельный вес составлял - 1,4 %. Причем, большая часть узбеков проживала в Южном Казахстане (33,3 %), а на территории остальных регионов Казахстана их численность не превышала 0,06%.

Другие национальности, проживавшие в Казахстане, распределялись следующим образом: татары – 55 тыс. человек (1,12 %); мордва – 13,9 тыс. человек (0,32 %); немцы – 7 тыс. человек (0,14 %); евреи – 5 тыс. человек (0,1 %); прочие – 3 тыс. человек (0,1%) (Таблица 4).

Отличительной чертой Западного региона Казахстана является высокий удельный вес татарского населения. В Уральской области, напри-

мер, они составляли 2,8 %. Татары были третьими по численности на Севере Казахстана и составляли 1,23% от населения области. В составе населения юга Казахстана процент татар достигал – 0,55.

Относительно равномерно распределялось население еврейской и узбекской национальностей по городам северного региона. Мордовское и немецкое население сосредоточилось в Акмолинской области, башкиры в Тургайской. В южном регионе отмечен большой процент китайцев (0,59%), по отношению к другим территориям Казахстана.

Сарты переехали из внутренних областей Туркестана, проживали в основе своей в Ташкенте и его окрестностях, их процент в составе населения других областей был невысок. Таджики заселяли горную часть Ташкентского уезда. Кара-Киргизы проживали в Аулиеатинском уезде.

Городское население Казахстана было представлено в основном русскими и казахами, в некоторых регионах – татарами, узбеками. При этом следует отметить, что численность городского населения в данный период постоянно росла как в целом по Казахстану, так и в каждой области.

Таблица 5 - Национальный состав городского населения Казахстана (по данным переписи 1897 года) [10].

Область	Численность населения	Народность					
		казахи	%	русские	%	другие	%
Семиреченская	62974	6649	10,6	28730	45,6	27595	43,8
Сыр-Дарьинская	205596	10038	4,9	25789	12,5	169769	82,6
Акмолинская	74752	6758	9,0	54133	72,4	13861	18,6
Семипалатинская	54488	16030	29,4	29384	53,9	9074	16,7
Тургайская	19530	1352	6,9	14885	76,2	3293	16,9
Уральская	55482	3014	5,4	45946	82,8	6522	11,8
Всего	472822	43841	9,3	198867	42,1	230114	48,6

В итоге следует отметить, что территория Казахстана к 1897 году заселена неравномерно. Наибольшая плотность населения была в Семиреченской и Сыр-Дарьинской области. Наименьшая плотность - в Тургайской области. В результате политики переселений на территории Казахстана сложился многонациональный состав, в котором казахи составляли абсолютное большинство.

По данным переписи увеличилась численность городского насе-

ления Казахстана. Так, по расчетам Н.В. Алексеенко, она составила в Степном Казахстане 274,7 тыс. человек, а в городах Южного Казахстана - 163,3 тыс. человек. Наиболее высокие темпы прироста городского населения были в Тургайской - 1224%, Семиреченской - 330%, Уральской - 214%, Акмолинской - 205% областях [11].

Таким образом, в дореволюционный период в значительной мере оформилась этнодемографическая структура населения Казахстана, которая нашла свое отражение в материалах переписи 1897 года.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 2000. С.13.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., Т. 1-2, СПб., 1905.
3. Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т.81. СПб., 1904. С.1-2; Т.87.СПб., 1904. С.1; Т.84. СПб., 1905. С.1; Т.85. СПб.,1905. С.1-2; Т.86. СПб.,1905. С.1; Т. 88. СПб., 1905.С.1.
4. Для рассмотрения качественного состояния территории размещения населения Казахстана, области были сгруппированы следующим образом:
 - Северный регион (центральный Казахстан во время проведения Всероссийской переписи 1897 года входил в состав Акмолинской области, в последующем центральный регион Казахстана будет выделен в другие административные единицы (Карагандинскую и Джезказганскую области), Акмолинская область, состоящая из пяти уездов (Омский, Петропавловский, Акмолинский, Кокчетавский, Атбасарский) и Тургайская область, включавшая четыре уезда (Актюбинский, Николаевский, Иргизский, Тургайский);
 - Южный регион – СырДарьинская область, состоящая из пяти уездов (Ташкентский, Аулие-Атинский, Чимкентский, Петропавловский, Амударьинский) и Семиреченская область, образованная в 1867 году и включавшая пять уездов (Верненский, Копальский, Сергиопольский, Иссык-Кульский, Токмакский);
 - Восточный регион – Семипалатинская область, территориально оформленная к 1869 году, состояла из пяти уездов (Семипалатинский, Зайсанский, Каркаралинский, Павлодарский, Усть-Каменогорский);
 - Западный регион – Уральская область делилась на четыре уезда (Уральский, Калмыковский, Гурьевский и Темирский).
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. Т.81. Акмолинская область, СПб., 1904. С.1-2; Т.87.Тургайская область, СПб., 1904. С.1; Т.84. Семипалатинская область, СПб., 1905. С.1; Т.85. Семиреченская область, Санкт-Петербург, 1905. С.1; Т.86. Сыр-Дарьинская область, СПб., 1905. С.1-2; Т.

88. Уральская область. СПб., 1905. С.1.
6. Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. Т.81. Акмолинская область, СПб., 1904. С.1-2; Т.87.Тургайская область, СПб., 1904. С.1; Т.84. Семипалатинская область, СПб., 1905. С.1; Т.85. Семиреченская область, СПб., 1905. С.1; Т.86. Сыр-Дарьинская область, Санкт-Петербург, 1905. С.1-2; Т. 88. Уральская область. СПб., 1905. С.1.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г., Уральская область, Т. 88, СПб., 1904, таблица XV, С. 1.
8. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г., Акмолинская область, Т.81, СПб., 1904, таблица XVI, С.74-75.; Сыр-Дарьинская область, Т.86, СПб., 1905, таблица XVI, С. 104-105.; Семипалатинская область, Т.84, СПб., 1905, Л. VII; Семиреченская область, Т.85, СПб., 1905, Л. VI; Тургайская область, Т.87, СПб., 1904, Л. IX.; Уральская область, Т. 88, СПб., 1904, таблица XV, С. 61.
9. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М.: Наука, 1986. Табл.24. С.142-144.
10. Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г., Т.81, СПб., 1904, таблица XVI, С.74-75.; Т.86, СПб., 1905, таблица XVI, С. 104-105.; Т.84, СПб., 1905, л. VII; Т.85, СПб., 1905, л. VI; Т.87, СПб., 1904, л. IX.; Т. 88, СПб., 1904, таблица XV, С. 61.
11. Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). Алма-Ата: Наука, 1981. С. 37.

Лысенко Ю.А.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НИЗКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПРАВОСЛАВНЫХ КИРГИЗСКИХ МИССИЙ СТЕПНОГО КРАЯ (80-ЕЕ. XIX – НАЧАЛО XX В.)

(Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»).

В 80-е гг. XIX в. на территории областей Степного края была организована работа Киргизских православных миссий для прозелитизма среди казахского кочевого населения. В западных областях функционировала Миссия, структур входившая в состав Оренбургской епархии, в Акмолинской и Семипалатинской областях действовала Миссия, подчинявшаяся

яся Омской епархии. К этому периоду Русской православной церковью был накоплен огромный опыт проведения миссионерской работы среди многочисленных народов Поволжья, Сибири и Крайнего Севера. Поиски механизмов преодоления препятствий на пути антиязыческого и антиисламского миссионерства, их реализация, разработка методики проведения православной пропаганды применительно к конкретным этнорегионам, вызвали необходимость создания в конечном итоге универсальной системы, позволяющей оценивать эффективность их деятельности.

Данная оценочная система определялась количественными и качественными критериями. Количественные показатели позволяли в численном соотношении выяснить эффективность деятельности православных миссий, общее состояние их инфраструктуры. К их числу относились: количество станов миссий и церквей при них, миссионерских монастырей, система церковно-миссионерского образования (количество миссионерских школ, катехизаторских училищ), кадровый состав миссий, наличие организаций просветительского, образовательного, культурного, благотворительного типов, а также вспомогательных структур – епархиальных комитетов Православного миссионерского общества, миссионерских братств, попечительств, переводческих комиссий, количество переведенных ими трудов и т.д.

Крайне важным количественным критерием в оценке эффективности религиозной пропаганды миссий являлось общее количество обращений в православие за определенный промежуток времени. Оно, как правило, фиксировалось в ежегодных «Отчетах о деятельности» православных миссий, что позволяло отслеживать процесс их развития и на этой основе делать вывод об их результативности.

Измерялась эффективность практической деятельности православных миссий и качественными критериями. Они определялись одной из важнейших задач православной пропаганды, а именно необходимостью интеграции многочисленных азиатских народов в общеимперское пространство посредством приобщения их, в том числе, к русскому языку и православной русской культуре. Таким образом, в основе качественных критериев выступала прежде всего степень трансформации исламского или языческого сознания азиатских инородцев, эволюции их хозяйственно-культурных типов в сторону заимствований русской традиционности, проникновения русского языка в их повседневный быт в результате религиозно-культурного воздействия православных миссионеров.

На общем фоне основных итогов развития православного миссионерства среди многочисленных азиатских народов Российской империи,

деятельность Киргизских антиисламских миссий Омской и Оренбургской епархий можно оценить как позитивную. Так, на рубеже XIX–XX вв., за двадцатилетний период своего существования они имели в общей сложности 14 станов: девять – в Омской епархии, четыре – в Оренбургской епархии. Деятельность станов была обеспечена необходимой инфраструктурой. В каждом из них имелись церковь, миссионерская школа, располагавшаяся в специально построенном или арендованном помещении, станы миссий были на 100% укомплектованы причтами, состоявшими из миссионера-священника, псаломщика, учителя, переводчика. Определенную помощь миссионерам Киргизских миссий оказывали епархиальные комитеты Православного миссионерского общества, Богодуховский мужской монастырь Оренбурга, женская Ключевская община Семипалатинска и Иссык-Кульский миссионерский мужской монастырь.

Кроме того, миссионеры Киргизских миссий провели огромную организационную работу, позволившую им превратить миссионерские церкви и школы в центры культурно-просветительной и духовно-нравственной работы. Так, во внеурочное время во многих из них проводили свои занятия общества трезвости, попечительские общества, образовательные курсы для взрослого населения. Огромное внимание миссионеры уделяли формированию библиотечного фонда миссионерских школ, причем акцент делался, в том числе, на светскую тематику этих фондов.

Количество крещений казахов-мусульман в условиях кардинального изменения форм и методов проведения православной пропаганды в рамках системы Н.И. Ильминского не должно было, по мнению служащих Киргизских миссий, выступать важным критерием их деятельности. Особенно это обстоятельство подчеркивали миссионеры антиисламской миссии Оренбургской епархии, считавшие своей главной задачей ограждение от исламского влияния и пропаганды местного казахского и русского переселенческого населения. Поэтому в своих ежегодных «Отчетах о деятельности» они иногда вообще не помещали информацию о количестве крещений, даже если они имели место. Тем не менее, архивные данные позволяют нам с некоторыми пробелами определить количество совершенных крещений, а также степень вовлеченности детей школьного возраста в процесс обучения в миссионерских школах Степного края. В частности, динамика численности обращенных в православие казахов Алтайской и Киргизской миссий Томской епархии выглядела следующим образом: в 1885 г. крещение приняло 11, в 1888 г. – 638, в 1892 г. – 25, в 1893 г. – 21, в 1894 г. – 86 казахов. Если исходить из того, что к 1901 г. численность казахского населения, проживающего в Алтайском горном

округе, составляла 27953 человека [1], количество принявших православие не превысило, таким образом, 2,8%. Анализ данных таблиц 1–2 в контексте сравнения с показателями других антиязыческих и антиисламских миссий азиатской России также свидетельствует о крайне низком уровне перехода казахов-мусульман Омской и Оренбургской епархий в православие.

Таблица 1- Численность новокрещенных антимусульманской миссии Оренбургской епархии [2]

Годы	Количество новокрещенных						
	казахи	татары	башкиры	чуваши	калмыки	евреи	Всего
1893	16	2	–	–	–	–	18
1898	4	1	–	–	–	–	5
1901	12	18	38	–	–	–	68
1903	21	34	16	–	–	–	68
1906	2	2	16	–	–	–	27
1910	1	1	19	–	–	–	29
1913	?	?	?	?	?	?	31
1914	?	?	?	?	?	?	27
1915	7	8	–	1	2	1	19

Таблица 2 - Станы и школы Киргизской миссии Омской епархии в 1898–1913 гг. [3]

Годы	Кол-во станов	Штат миссии, чел.	Количество крещеных казахов		Кол-во церквей	Кол-во школ	Количество учащихся			
			м.п.	ж.п.			казахи		русские	
						м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	
1898	9	20	38	21	9	6	24		245	
1899	9	28	38	–	9	8	–	–	–	–
1900	9	28	43	15	9	–	–	–	–	–
1901	9	26	–	–	9	–	51		306	
1902	9	21	42	24	9	9	19	–	173	101
1903	9	25	24	8	9	9	–	–	264	

Продложение таблицы №2										
1904	9	25	21	9	9	9	–	–	284	
1905	9	25	18	4	9	9	–	–	345	
1906	8	22	6	2	9	10	–	–	462	
1907	7	22	1	–	9	7	17		187	
1908	7	22	5	3	9	8	27		234	
1909	7	22	6	–	9	10	10	7	328	
1910	8	23	5	–	9	16	30	5	436	208
1911	8	26	6	4	9	17	15	17	482	218
1913	8	–	3	–	9	18	52	11	360	252

Архивные данные позволяют нам реконструировать и качественные результаты деятельности служащих Киргизских миссий Степного края, а также получить ответ на вопрос: насколько эффективным оказался процесс религиозного воздействия миссионеров на менталитет и религиозное сознание казахов-мусульман, перешедших в православие? Большинство миссионеров Киргизской миссии были склонны утверждать, что принявшие православие казахи, как правило, весьма охотно перенимали внешнюю сторону жизни русского крестьянина-переселенца. [4].

В то же время многие служащие Киргизских миссий фиксировали лишь поверхностную сторону процесса русификации и считали, что крещеных казахов нельзя назвать «истинными христианами и строго убежденными в правоте Христовой веры», так как они, «особенно новокрещенные первого поколения, не могут вполне освободиться от прежних обычаев и привычек и воззрений мухамеданов» [5].

Ими подчеркивалось, что процесс «русификации» глубоко затронул лишь ту часть казахов, которые «до крещения своего жили у русских по нескольку лет» [6]. Например, принявшие православие казахи Черноануйского стана продолжали показывать «...сильное расположение к мусульманству», соблюдали мусульманские посты и праздники, устраивали поминки по мусульманской традиции. «...вследствие этого крестное знамение и молитву некоторые совсем забросили, иконы содержат непристойно или совсем не имеют, приходят на исповедь, но от причащения отказываются или же приходят в грязных разорванных одеяниях, тогда как мусульманский праздник проводят разряженные» [7].

Новокрещенные казахи Макарьевского стана Оренбургской епархии, прошедшие процесс социокультурной адаптации и владевшие рус-

ским языком, между собой продолжали говорить по-казахски [8]. Таким образом, наиболее яркий маркер успешной ассимиляции – исчезновение из употребления родного языка – не был характерен для новокрещенных казахов, что позволяет сделать вывод о недостаточно глубоком воздействии православных миссионеров на их религиозное сознание.

Кроме того, фиксировались случаи, когда межэтнический брак крещенных казахов и русских приводил к аккультурации русских казахами. Например, миссионер Черно-Ануйского стана Алтайской миссии Ф. Синьковский, работающий среди казахов, в 1877 г. писал: «В Черном Ануе есть в замужестве за новокрещенными киргизами несколько русских сибирячек, которые в семейную жизнь не только не принесли, по крайне мере, русского бытового, но и сами достаточно окиргизились. Дети русской и отца хотя и киргиза, но весьма хорошо говорящего по-русски, не знают ни слова русского» [9].

Низкая степень воздействия православной пропаганды на религиозное сознание казахов-кочевников не может, на наш взгляд, являться объективным критерием оценки эффективности работы Киргизских миссий хотя бы потому, что для его качественного изменения необходимо продолжительное по времени воздействие. Например, на некоторую часть предков современных алтайских народов, и сейчас считающих себя православными, Алтайская духовная миссия действовала убеждением на протяжении 87 лет, с момента образования в 1830 г. и до 1917 г. История же православного миссионерства среди казахов насчитывает не более 35 лет.

К тому же незначительная трансформация языческого или мусульманского религиозного сознания у народов, попавших под влияние православной пропаганды, фиксировалась во многих миссиях Поволжья, Сибири и Крайнего Севера. Например, численный успех Новокрещенской конторы в Поволжском крае, созданной для крещения татар в XVIII в., «...был чисто внешним, количественным и выражался в самом факте крещения. Причем внутреннего убеждения и тем более ясного представления истинно христианской веры новокрещенным не давалось. При массе обращающихся в погоне за чисто внешним успехом, было даже физически невозможно всех наставить и просветить в истинах веры» [10].

Проживающие в XVIII в. в Нагайбацкой крепости Оренбургского края крещенные инородцы, по свидетельству современников, «были в невежестве и незнании христианского благочиния, почти никто из них русского языка не имел, а различались от прочих инородцев одним только званием новокрещенским, и что в избах у них у всех были святые образа,

а церквей нигде в жителях их не было» [11].

Аналогичная ситуация имела место и на Камчатке. В результате религиозного воздействия православных миссионеров на местное население «русский быт, как ²плод русского православия², имел неотразимое влияние на образ жизни аборигенов. ...Однако новая вера для ительменов не стала в XVIII в. чем-то большим, чем их собственное язычество» [12]. А в одном из отчетов Православного миссионерского общества подчеркивалось, что «особенно неотзывчивыми на проповедь Евангелия являются приленские буряты ... что обуславливается промышленно-торговым характером их жизни и деятельности. ...Приленский бурят во всем видит предметы наживы и все переводит на деньги... Совершенно иначе относятся к христианству буряты Балаганского края. Окруженные густым русским населением буряты давно принялись здесь за хлебопашество, и в настоящее время оно составляет здесь почти единственное их занятие» [13].

Ситуацию не удалось переломить и на протяжении XIX в. Это обстоятельство, на наш взгляд, требует перенести дискуссию о причинах низкой степени воздействия православной пропаганды на религиозное сознание языческих и мусульманских народов в плоскость их этнопсихологии, детерминированной географически и экономически.

Наиболее же важным критерием эффективности Киргизских миссий является степень реализации задач их деятельности, которая, как указывалось выше, должна была способствовать сокращению в Степном крае мусульманской религиозной пропаганды и влияния ислама на казахское и русское население края, изъятию казахов-мусульман из общероссийского мусульманского интеграционного движения. Именно эти задачи, как свидетельствуют архивные данные, оказались невыполнимыми, на протяжении всего периода функционирования Киргизских миссий в степи происходил неизменный рост влияния ислама и закрепление его позиций среди казахского населения.

Подтверждением данного тезиса являются, прежде всего, свидетельства служащих Киргизских миссий, которые имели возможность непосредственно отслеживать ситуацию и фиксировать результаты мусульманской пропаганды в казахской степи. Так, например, на организационном этапе деятельности Киргизской миссии на территории Алтайского горного округа (1882–1895 гг.) ее служащие подчеркивали мысль о том, что пока не произошло глубокой трансформации языческого религиозного сознания казахов-кочевников под влиянием ислама. Для под-

тверждения этой мысли часто приводились описания языческих обрядов и культов жизненного и календарного циклов, особенно поминок и связанных с ними конно-спортивных скачек (байги) у той части казахов, которая идентифицировала себя носителем исламской религиозной традиции.

Миссионер Большенарымского стана С. Борисов в 1891 г. в этой связи писал: «...киргизы очень скудны сведениями о магометанстве, а те сведения, которыми большинство их владеет – не более как круг обрядовых предписаний Корана. ...Мусульманству преданы киргизы настолько, насколько может быть предан человек своей вере, а фанатизма в них вовсе нет. По свойствам характера киргизы фанатиками быть не могут, и это – счастье наше! ...нет в них характерной стойкости и решительности, которыми отличаются татары, турки и прочие фанатичные мусульмане. Впрочем, ислам способен перевоспитать и киргизов, если только допустить его в степь во всей силе» [14].

В последующие десятилетия, продвигая станы вглубь казахской степи, миссионеры вынуждены были признать, что ислам имел здесь более прочные позиции. Ярким свидетельством может служить фрагмент «Отчета о деятельности» Киргизской миссии Омской епархии за 1892 г., в котором отмечалось: «...двадцать лет тому назад можно было встретить на 1000 только одного киргиза, который бы умел молиться и соблюдать посты. Киргизы смеялись тогда над татарами, когда последние молились: им были непонятны и смешны припадания к земле, раскачивания и движения головой вверх и вниз. Теперь, наоборот, на ту же 1000 человек можно встретить одного киргизца, который не молился бы и не соблюдал постов ислама» [15].

На рубеже XIX–XX вв. служащие миссий вынуждены были признать и факт роста «мусульманского фанатизма» у казахов, проникновения исламских религиозных традиций во все сферы их жизнедеятельности [16]. Политика Российской империи, связанная с практикой назначения мулл из местной этнической среды, привела к формированию социальной прослойки казахских мулл. Миссионер Татарского стана в 1909 г. писал в этой связи: «В каждом киргизском ауле есть свой мулла, который обучает детей мусульманской грамоте и предстоит в общественных намазах. Муллы эти – по большей части самые обыкновенные киргизы, умеющие читать Коран и вообще до некой степени знающие мусульманскую грамоту...» [17]. По сообщению А.Н. Седельникова, «для их подготовки существуют медресе (школы при мечетях в Петропавловске и Семипала-

тинске), где получают первоначальное образование; затем для пополнения образования ездят в научные центры мусульманства – Бухару, Хиву, Ташкент, Самарканд» [18].

Миссионер Шульбинского стана на рубеже XIX–XX вв. сообщал, что даже женщины-казашки, преимущественно старые, совершают намаз. Если же приходится ехать с проводником-киргизом, то он, не стесняясь, в урочный час просит позволения остановиться на несколько минут для того, чтобы ему совершить намаз, сообщая, что этого требует их вера» [19].

Солидарны с миссионерами в определении степени закрепления ислама в казахской среде и ученые-путешественники, посетившие степь в XIX в. Так, например, Б. Юзефо, изучавший быт казахского населения Тургайской области, писал: «...каждый почти зажиточный киргиз имеет в числе своих домочадцев муллу для молитв и обучения детей татарской грамоте и Корану. Муллою у них считает всякий грамотный и знающий Коран. Муллы эти иногда получают жалование от хозяина, в ауле которого они проживают» [20].

Несмотря на запрет татарским и среднеазиатским муллам вести религиозную пропаганду, их влияние на казахское население было огромным и постоянно росло. Служащие Киргизской миссии констатировали, что «...татары сильно парализуют только зарождающееся еще слабое влияние миссии. Кроме того, по соседству всех миссионеров, по степи путешествуют фанатики-бухарцы и даже турки. ...эксплуатируя религиозное невежество киргиз, в то же время распространяют среди них устно и через печатания и рукописные тетради полные понятия о султанах, как о могущественнейшем во всем мире государе, при этом восхваляют турки и другие мусульманские народы, умаляется значение русского народа. Прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометан над «неверными». «Когда наш правоверный калиф, – говорят они киргизам, – поднимется войною на презренных кяфиров, то и вы здесь не отставайте от нас» [21]. «...влияние татар стало обнаруживаться еще и в том, что прежде киргизы на могилах ставили только срубы, а теперь к срубам стали приваливать еще и камни с арабскими надписями, как это неукоснительно делается у татар, а на срубках ставятся стропила, а сверху их по углам сруба стали приделывать серповидные месяцы» [22].

Аналогичная ситуация имела место в Уральской и Тургайской областях. «Противомусульманский» миссионер Оренбургской епархии священник Ф. Соколов отмечал в этой связи: «Татары всюду распространились по степи. Влияние татар стало сильно проникать в степь: песни

киргизы стали петь на татарский лад» [23]. Благодаря близости региона к мусульманским центрам России – Казани, Уфе и Оренбургу – среди казахского населения ислам проникал и закреплялся здесь более быстрыми темпами. В каждом казахском ауле в качестве муллы проживал «татарин-шакирд», а в некоторых аулах их насчитывалось по несколько человек. Так, например, в ауле №5 Батбактинской волости муллой состоял молодой татарин Бергалим Шагри Муратов – родом из д. Сабай Белебеевского уезда Уфимской губернии; муллой в ауле №6 – Шатратдин Байчурин с паспортом чернорабочего; муллы аулов №8 и 10 Бестамакской волости также являлись выходцами из татар – «первый из д. Дюсметово, Оренбургского уезда, а второй из Мензелинского уезда Уфимской губернии. Зимой эти муллы обучались в Оренбургском и Уфимском медресе, а летом занимались пропагандой ислама в казахской степи».

Самым влиятельным муллой в Тургайской области являлся Сафа Курфайсов, «ревностный и деятельный проповедник ислама». Почти во всех аулах им были учреждены школы-мектебы, учителями в которых работали его ученики, во многих аулах проживали суфы. Лидером религиозной мусульманской жизни казахов Актюбинской волости являлся Надыр Галлий Бахсылдаков, у которого при молитвенном доме имелось медресе и обучалось около 40 человек. В Буртинской волости духовным лидером мусульман-казахов выступал хазрет Жумабек и его сын Ахун Нагим Жумабеков; в Каратугайской волости – ахун Бермухамед Мухаметгалиев; в Тереклинской волости – хазрет на р. Кыс, имя которого не удалось восстановить [24].

В Кустанае активно действовала группа исламских активистов из категории «новых исламистов», которые выступали за обновление ислама в духе идеологии И. Гаспринского. При их участии в 1909 г. в городе было образовано благотворительное общество «прогрессистов», а также учреждена должность вероучителя с назначением ему жалования из городских бюджетных средств в размере 100 рублей. По настоянию общества городские власти выделили деньги на «содержание мектебов и медресе, находящихся в г. Кустанае». Этот факт вызвал волну возмущения со стороны православных миссионеров, поскольку в этот период шло сокращение сумм на содержание школ области, подчиненных Министерству народного просвещения [25].

Показателями роста влияния ислама в Степном крае являлись интенсивное строительство на территории региона сети мусульманских культурных и религиозно-образовательных учреждений, увеличение контактов местного населения с исламскими центрами Российской империи – По-

волжьем, Средней Азии, Кавказом – и зарубежья. Так, например, в период с 1910 по 1915 г. только в Тургайской области с просьбой о разрешении строительства мечетей обратилось 51 аульное общество и их прошения были удовлетворены [26].

Немаловажным признаком усиления позиций ислама в регионе стал рост переходов православных жителей – крестьян-переселенцев, казаков, разночинцев и даже самих священнослужителей – в эту религиозную систему [27].

Генерал-губернатор Степного края так оценивал ситуацию, сложившуюся в казахской степи к 1903 г.: «С прискорбием должен отметить печальный факт успехов в крае мусульманства: влияние татар и их мулл усиливается; в народных судах вскореняется суждение дела не по обычаю, а по шариату; участились ходатайства о постройке мечетей; паломничество в Мекку и Медину приняло большие размеры, стали появляться одиночки – киргизские интеллигенты, которые по примеру прочих инородцев, получив на казенный счет в наших учебных заведениях образование, становятся в ряды супротив России» [28].

Таким образом, за непродолжительный период своего существования с 1882 по 1917 г. Киргизские православные миссии добились определенных количественных успехов в деле институционального оформления и создания собственных инфраструктур. В то же время качественные успехи, прежде всего сокращение сферы влияния ислама в казахской степи и распространение православия среди ее населения, были менее значимыми. Это обстоятельство позволяет определить в целом деятельность Киргизских миссий как малоэффективную.

Объективности ради отметим, что неуспешность православного миссионерства в Степном крае являлась скорее общей тенденцией, чем исключением из правил – в отечественной и зарубежной историографии детально представлены сюжеты о низкой результативности обращения в христианство мусульманских народов Российской империи, компактно проживающих в Поволжье, Южном Урале, Западной Сибири [29]. Важной причиной низкой эффективности православного миссионерства, безусловно, является комплекс проблем, с которыми столкнулись Киргизские миссии в ходе своей работы. Среди них: первичность распространения православия среди казахов по сравнению с исламом и, отсутствие, таким образом, объективных предпосылок для его успешного внедрения; слабое развитие церковно-приходской системы в Казахстане и низкое финансирование государством миссионерской работы; смещение в результате крестьянского переселения в Казахстан акцентов в работе Кир-

гизских миссий, призванных наряду с миссионерской деятельностью исполнять и приходские обязанности; «цивилизационный код» казахского населения, отрицающий возможность восприятия идей христианства; законодательная политика государства, не позволяющая формироваться побудительным мотивам для перехода в православие у казахского населения.

Служащие Киргизской миссии использовали все доступные средства, направленные на работу среди казахов-кочевников, социокультурную и хозяйственную адаптацию новокрещенных. К их числу относились: устройство миссионерских станов и миссионерках поселков, привлечение на службу в миссию русского православного населения, решение проблемы землеустройства, реализация программы социальной поддержки (материальная, медицинская помощь), распространение миссионерских школ и русского языка, активная переводческая деятельность и распространение литературы религиозного содержания среди крещеных казахов. Однако на пути реализации всего вышеизложенного встретились определенные трудности объективного и субъективного характера.

В первую очередь, миссионерам так и не удалось использовать «человеческий» ресурс. Религиозная индифферентность большинства казачества и крестьян-переселенцев, их невысокий моральный уровень оказали отрицательное влияние на процесс социокультурной адаптации новообращенных и формирование их религиозно-нравственного состояния. Надежды служащих Киргизской миссии на сочувственное понимание задач миссии и практическую помощь со стороны православного населения региона не оправдались.

Во-вторых, безуспешной оказалась попытка интеграции новообращенных казахов в социальную структуру российского общества. Приписка к казачьему и крестьянскому сословию была экономически невыгодна для новокрещенных, потому что они становились обязанными платить соответствующие налоги или по прошествии льготных лет нести воинскую службу. Со своей стороны казаки и крестьяне были против вступления новообращенных в их общества, поскольку обязаны были предоставить последним земельный надел, а «лишней» земли у них не было.

В итоге нерешенной оказалась проблема землеустройства новообращенных казахов. Все земли региона находились в пользовании казачьих войск, казахских пастбищно-кочевых обществ или были отмежеваны у последних в Переселенческий земельный фонд. Попытки сотрудников миссии использовать административный ресурс для решения данной

проблемы имели небольшой экономический эффект – земельные участки получили лишь три стана миссий Омской и Оренбургской епархий. По площади они были незначительными, и за пользование ими была установлена высокая аренда, выплата которой оказалась не по силам большинству новокрещенных. Поэтому территория этих земельных участков слабо осваивалась новокрещенными.

Успешнее всего, на наш взгляд, Киргизским миссиям Казахстана удалось решить языковую проблему, организовать процесс обучения и вовлечь в него местное казахское население. Миссионерские школы были открыты во всех станах и поселках миссии. И даже когда с 1905 г., в результате общественно-политического и экономического кризиса, наметилась тенденция к закрытию некоторых станов миссий по причине сокращения бюджетных ассигнований, данный процесс не затронул школьную систему – количество школ в Киргизских миссиях продолжало увеличиваться. Безусловно, миссионерские школы, а также переводческая деятельность миссий сыграли положительную роль в деле культурной адаптации новокрещенных казахов и способствовали распространению русского языка и грамотности среди населения региона.

В то же время государственная политика в образовательной сфере приоритетным предполагала создание в Казахстане системы светского образования. Данная тенденция не позволила в полном объеме реализовать возможности православных миссионерских школ региона в процессе социокультурной интеграции казахского сообщества в общеевропейское пространство.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисимова И.В. История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа (вторая половина XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. С. 20.
2. Приведены данные выборочно, так как автору удалось выявить «Отчеты о деятельности» Киргизской миссии Оренбургской епархии только за указанные годы. Знак «?» – не указано точное количество крещений данного этноса; знак «–» – отсутствие крещений данного этноса.
3. Знак «–» – отсутствие данных в «Отчете о деятельности» Киргизской миссии Омской епархии.
4. Яковлев Н. (Коншин Н.Я.). По Усть-Каменогорскому уезду. Путевые заметки // Семипалатинские областные ведомости. 1898. №44–45; 1899. №4.
5. Там же. Д. 153а. Л. 12.
6. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. Томск, 1888. С. 28–30.

7. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 135. Л. 40.
8. Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. №45–46. 15 нояб. С. 315.
9. Записки миссионера Черно-Ануйского стана Ф. Синьковского за 1877 г. // Миссионер. 1878. №29. 16 июня. С. 224.
10. Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 2. СПб., 1903. С. 117.
11. Рычков Н.П. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1778. С. 381; Витевский Н.П. Неплюев и Оренбургских край. СПб., 1788. Т. III. С. 439–442.
12. Новик Ю.О. Православная миссионерская церковь на Камчатке: историческая хроника борьбы с язычеством // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2004. №2. С. 108.
13. Отчет Православного миссионерского общества за 1890 г. М., 1891. С. 20–21.
14. ГААК. Ф. 164. Оп.1. Д. 48. Л. 3.
15. Алтайская и Киргизская миссии Томской епархии в 1892 г. Бийск, 1893. С. 26–27.
16. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // ОЕВ. 1900. №18. 15 сент. С. 10.
17. Записки миссионера Татарского стана Киргизской миссии за 1909 г. // ОЕВ. 1910. №9. 1 мая. С. 37.
18. Цит. по: Нурбаев Ж.Е. Факторы и особенности развития ислама в Северном Казахстане // Отан тарихы. 2008. №3. С. 101 (96–108).
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1263. Л. 53.
20. Обычаи киргизов Тургайской области // Царская колонизация в Казахстане (По материалам русской периодической печати XIX в.) / сост. Ф.М. Оразаев. Алматы, 1995. С. 364–368.
21. Алтайская и Киргизская миссии Томской епархии в 1892 г. Бийск, 1893. С. 26–27.
22. ЦГА РК. Ф. 25 . Оп. 1. Кн. I. Д. 1426. Л. 56.
23. ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 177.
24. ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 26а. Л. 8.
25. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1909 г. // ОрЕВ. 1910. №20. 15 окт. С. 207.
26. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 499. Л. 5–142.
27. О многочисленных фактах закрепления ислама среди казахского населения смотри в «Отчетах о деятельности» Киргизских миссий, например: Алтайская и Киргизская миссии Томской епархии в 1892 г. Бийск, 1893. С. 26–27; Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // ОЕВ. 1900. №18. 15 сент. С. 10; Записки миссионера Татарского стана Киргизской миссии за 1909 г. // ОЕВ. 1910. №9. 1 мая. С. 37; Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1909 г. // ОрЕВ. 1910. №20. 15 окт. С. 207.
28. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 624. Л. 202.
29. Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепция государственной политики и областническая мысль. Томск, 2000; Самаев Г.Н. Горный

Алтай в конце XIX – начале XX вв. Горно-Алтайск, 1994; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С.16; Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. СПб., 2008. С. 107.

Михнова П.В.

ГОРОД КАК ОБЪЕКТ ПОТРЕБЛЕНИЯ: МЫ ГОВОРим НА ВАШЕМ ЯЗЫКЕ

*«Не спрашивайте меня, сколько людей живет в этом городе -
спросите, сколько получают от этого удовольствие»
Я. Гейл, датский архитектор и консультант по
городскому дизайну, автор книги «Города для людей»*

Город, являясь результатом человеческой деятельности, в полной мере отражает все общественные явления и процессы. Физическое антропогенное пространство города, состоящее из зданий, сооружений и коммуникаций, с одной стороны отражает, а с другой - формирует поведенческие паттерны индивидов и социальных групп. При проектировании городов индустриальной эпохи социальная структура была представлена весьма скупо и механично: градообразующие и градообслуживающие группы населения, неработающие пенсионеры, дети, студенты. Такая формальная классификация общества нашла отражение в формальной организации пространства: типовое жилье с ограниченными планировочными решениями, типовые объекты учреждений обслуживания и социальной инфраструктуры. Территории для детей, пожилых людей, прогулок с собаками, катания на велосипеде - двор, парк, набережная, сквер - представляли собой локальные образования, до которых еще нужно добираться. Индустриальные города отличались четким зонированием «центр - спальные районы», автомобилеориентированными улицами, локальным включением рекреационных зон. Города были предназначены, в первую очередь, для молодых здоровых людей и автомобилистов. Отношение к человеку и материальной среде в XX веке точно отражают следующие определения Ле Корбюзье, архитектора, яркого представителя модернизма: «жилье - машина для жилья», «у человека четыре функции: жить, работать, отдыхать, перемещаться», где прослеживается характерная для индустриальной эпохи унификация и стандартизация в

организации пространства, являющаяся следствием искусственной стандартизации человеческих потребностей.

Постиндустриальный период характеризуется развитием и усилением роли человеческого фактора, социальной дифференциацией и персонализацией. Автоматизация бытовых процессов освобождает время для саморазвития, общения, досуга, а городские пространства становятся местом активных действий и коммуникации. Города превращаются из пространства транзитного перемещения между зданиями в сложный многофункциональный объект потребления. Люди оказываются на улице не потому, что им нужно попасть из пункта «А» в пункт «Б», а потому, что город и есть целевое пространство для различных форм деятельности: культура, образование, развлечение. В современном городе есть возможность находиться долгое время: есть многочисленные пункты питания, общественные туалеты, культурно-просветительские зоны, развлечения, возможность не только посидеть, но и полежать на газоне, подзарядить телефон, почитать книгу, взятую по системе «Bookcrossing», поработать за ноутбуком и пр.

Начало переосмысления городских пространств связано с концепцией «нового урбанизма», у истоков которой стояла общественная деятельница Д. Джекобс. На основе анализа разных примеров Д. Джекобс говорила о влиянии окружающей застройки на формирование личности человека, развитие культуры, ввела понятие «социальный контроль» улицы, обосновала плюсы интеграции жилья, торговли и бизнеса.

Концепция «нового урбанизма» предполагает гуманизацию городов за счет развития пешеходизации и велосипедизации, развитие безбарьерной среды, комфортной для всех социальных групп, повышение качества благоустройства, развитие общественных пространств разного уровня, интеграцию разных функций. Интерес к этой теме активно поддерживается через деятельность блогеров-урбанистов (И. Варламов, М. Кац и др.), подкасты и прямые эфиры от профессиональных организаций (КБ «Стрелка», Архитекторы РФ, группа компаний ПИК и Лайфхакер и пр.).

Одним из масштабных современных проектов на территории России в сфере улучшения городских пространств является приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды», стартовавший в 2016 г. В паспорте проекта указано, что «современные тренды, такие как смена технологического уклада, эффективное использование всех видов ресурсов (электричество, газ, вода, тепло, пространство, время), активное внедрение информационных технологий ведут к необходимо-

сти качественной перестройки городской среды» [1]. Реализация проекта на всех уровнях имеет позитивные социальные последствия и оказывает большое влияние на бережное отношение людей к своему городу: созданы волонтерские движения, направленные на улучшение качества городских пространств, в проект активно вовлечены студенты-архитекторы и школьники. В рамках реализации проекта укрепляются городские и соседские сообщества за счет таких мероприятий как городские и дворовые праздники, спортивные мероприятия и пр. Есть и коммерческая выгода: повысился спрос на продукцию, связанную с благоустройством (малые формы, остановочные павильоны и пр.), в магазинах и кафе на благоустроенных улицах до 30% выросла прибыль. Проект разработан с учетом «Новой программы развития городов» (ООН-Хабитат), индикаторов «Умных городов». Привлечены мировые эксперты в области городской среды, такие как Х. Клос, Я. Гейл, Б. Лемуан [2].

Чтобы вовлечь разных людей (по возрасту, физическим возможностям, образу жизни и пр.) в жизнь города, пространства должны быть полифункциональными и адаптивными. Можно выявить следующие группы населения, нуждающиеся в особом подходе к организации пространства, которым не отводилось должного внимания ранее. Это маломобильные группы населения (МГН) и люди 3-го возраста; дети и подростки; пользователи индивидуальных средств передвижения; владельцы собак. Зачастую интересы разных людей сталкиваются и здесь необходима разработка компромиссных решений, требующих объединения специалистов из разных областей.

Важно создать не отдельные зоны для одних, вторых, третьих по принципу «гетто», а комплексную инфраструктуру, позволяющую людям разных социальных групп быть активными потребителями города на всех его участках. Для пожилых людей - это не только скамьи во дворах и парках, а возможность передвигаться в городе с учетом их особенностей: пандусы, поручни, тентовые навесы, визуальная коммуникация и пр.; для велосипедистов - не только набережная или стадион, а интегрированная в транспортную сеть велосипедная инфраструктура; для детей - не отдельные детские площадки в парке и во дворе, а весь город, адаптированный для детей с включением развлекательно-игровых элементов, высокой степенью социального контроля и безопасности.

Следует отметить, что формирование комфортной среды невозможно без соучаствующего проектирования. Самые лучшие архитектуры никогда не поймут человека в инвалидном кресле, слепого, ребенка и пр. Для выявления потребностей горожан нужна обратная связь с реальными

потребителями. На городских сайтах, в торговых центрах устраиваются голосования, проводятся общественные слушания, опросы, фокус-группы. Особенно важно включение представителей разных социальных групп в экспертные группы.

Маломобильная группа населения и безбарьерная среда. Это самый важный принцип формирования городской среды, так как безбарьерная среда комфортна для всех, ведь к МГН также относится и люди 3-го возраста, родители с коляской или ребенком на руках, люди с багажом, беременные женщины и пр. Сегодня в городах России новое строительство ведется с учетом всех нормативных требований для нужд МГН. Так как в период советского строительства и ранее, полностью игнорировались их потребности, сегодня актуально не столько проектирование безбарьерной городской среды, сколько адаптация уже существующих пространств и зданий: устройство пандусов, подъемников, лифтов. В крупных объектах работают специальные службы помощи МГН. Важно адаптировать не только здания, но и городские пространства, так как многие мероприятия проходят вне зданий - концерты, ярмарки, акции, демонстрации, шествия и пр. [3].

Дети и подростки и среда, дружественная ребенку. Все большее внимание при проектировании городских пространств уделяется детям, как особой группе потребителей. Активно развиваются программы «Город, дружественный ребенку», признающие детей полноправными потребителями городской среды, имеющими «право на город». В этом заключается концепция UNICEF «Города для детей», в которой голос и права ребенка являются неотъемлемой частью городских регламентов. Город, дружественный детям предполагает не только организацию детских площадок во дворах, набережных, парках, но и формирование всего городского пространства с учетом потребностей детей: батуты вдоль пешеходных путей, горки, игровая разметка на асфальте, малые формы и пр. (Рис. 1).

Рис. 1. Включение развлекательных элементов в городскую среду

С появлением детей родители начинают воспринимать город через новую призму, и видят недостатки в окружающей среде, незаметные бездетным людям.

Предпочтения маленьких горожан сложно выявить через опросы в виде анкетирования или интервьюирования. С данной возрастной группой хорошо использовать метод «наблюдение» и «визуализированный опрос». Так, при выполнении магистерской работы «Принципы реновации дворовых пространств застройки второй половины века XX в г. Томске» для работы с детьми был выбран метод «визуализированный опрос». В художественной студии «БолИрина» г. Усть-Каменогорска, где занимаются дети 4–10 лет, было разработано специальное задание «Двор моей мечты», в рамках которого детей попросили нарисовать, каким они хотят видеть двор и подписать все оборудование, которое они нарисовали (Рис. 2). В результате сравнения и обобщения рисунков был сделан вывод, что дети хотят видеть в своем дворе кроме традиционных знакомых элементов еще такие современные зоны и оборудование как: фотозону, батуты, бассейн, скалодромы, конструкции из каната, сложный игровой модуль с разными уровнями, площадки и оборудование для скейтбордов и роликов, мини-гольф [4].

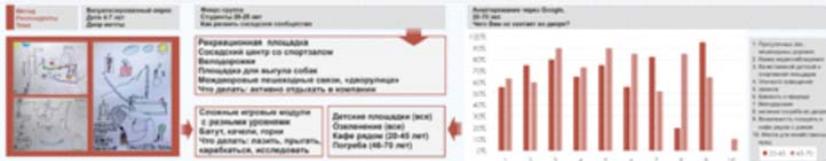

Рис. 2. Методы выявления потребностей в организации дворового пространства людей разных возрастных групп

Велосипедисты, велосипедизация и мультимодальные улицы. Переход с автомобилеориентированных улиц на мультимодальные приводит к обязательному учету потребностей пользователей индивидуальных средств передвижения (велосипеды, самокаты, сигвеи, моноколесо и пр.). С последствиями роста автомобилизации столкнулись многие города. Одним из ярких примеров стал Детройт, когда тезис «Каждой семье по автомобилю», звучащий как девиз благополучия в реальности привел к серьезным проблемам: развитие унылых спальных районов, вымирание центра вечером, социальная сегрегация и пр.

Важным аспектом популяризации велотранспорта является использование его авторитетными людьми - мэрами городов, представителями

бизнеса и пр. Многие представители власти всерьез подошли к вопросу велосипедизации своих городов, и стали примером для окружающих, пересев с автомобиля на велосипед. В российском менталитете существовал стереотип, что велосипеды, во-первых, для детей и подростков или для малоимущих людей; во-вторых, велосипед — это спорт или прогулка, но не средство передвижения, например на работу / учебу, и в-третьих, кататься на велосипеде можно только летом. Мировая практика (а с каждым годом все больше и российских городов), разрушает все эти стереотипы. Города, где велосипедисты являются полноправными участниками дорожного движения, выигрывают по многим позициям: экология, здоровье, количество ДТП и безопасность дорог. Развитие велопешеходной сети тесно связано с развитием общественных пространств, т. к. велосипед в отличие от автомобиля, не такой агрессивный и опасный вид передвижения и велосипедные пути легко интегрируются в парки, набережные и другие рекреационные зоны. Велосипедисты, в отличие от автомобилистов и пассажиров автобуса максимально интегрированы в городскую среду, поэтому места, где есть велодорожки / велополосы оказываются более безопасными, социально контролируемыми [5].

В современных условиях пандемии резко увеличился спрос на курьерские услуги, в первую очередь, доставку еды. Курьерами в основном работают студенты или мигранты, для которых велосипед является единственно возможным способом передвижения из-за крупногабаритных рюкзаков. Таким образом, развитие велосипедной инфраструктуры помогает в развитии сервиса курьерских служб и трудоустройстве (Рис. 3).

Рис. 3. Велосипед как средство передвижения для разных потребителей

Снижение автомобилизации в городе, превращение улиц из автомобильноориентированных в мультимодальные также способствует расширению целевой аудитории города, как объекта потребления: детей, пожилых и маломобильных, велосипедистов и пр.

Владельцы животных, pet-friendly городская среда. Современные

инклюзивные процессы охватывают также потребности владельцев домашних животных, развивая pet-friendly города. Не так давно на многих магазинах висели таблички «Вход с собаками запрещен», а сегодня для собак есть специальные корзины в магазинах, перед магазинами - будки для возможности оставить питомца не на солнце или дожде, организованы площадки выгула собак. Для бездомных животных устраивают автоматы с едой, кормушки в магазинах для зашедших бездомных котиков, развиваются кото-кафе и пр.

Для реализации концепции «новый урбанизм» или «умный город» максимально подойдет средний или крупный город с рациональной градостроительной основой, социальным потенциалом и, главное, с четкой последовательной стратегией действий. Таковыми стали, например, бразильский город Куритиба или шведский Мальме.

Усть-Каменогорск обладает всеми ресурсами для превращения в уникальный город с комфортной средой. Однако, многие реконструктивные процессы последних лет осуществляются в ценностях устаревшей индустриальной эпохи. В первую очередь, речь идет о поощрении дальнейшей автомобилизации: расширение проезжих частей, строительство наземных переходов. Так, расширение проезжей части по пр. Ауэзова может привести к феномену «спровоцированного спроса» на автомобили. Кроме потенциального ухудшения ситуации с трафиком расширение проезжей части нарушило гармоничные пропорции между шириной улицы и высотой формирующих улицу зданий. 8-полосные улицы характерны для главных магистралей мегаполисов, сформированных высотной застройкой (пр. Кутузова в Москве, Невский проспект в Санкт-Петербурге). Такая улица в застройке средней этажности выглядит неуютно и формирует пассивную недружелюбную среду (Рис. 4).

Рис. 4. Нарушенные соотношения ширины проезжей части и высоты застройки.

Пр. Ауэзова (Усть-Каменогорск) и Невский проспект (Санкт-Петербург)

Есть многочисленные исследования, доказывающие что расширение дорог, строительство новых парковок не улучшает ситуацию, а наоборот, ухудшает ее, а строительство над- и подземных переходов стимулирует водителей разогнаться в черте города. Американский экономист Э. Даунс еще в 1962 году открыл «фундаментальный закон дорожных заторов»: чем шире дорога, тем больше машин. Не имея преград в виде вынужденной остановки на светофоре машины допускают большую скорость, что создает большой риск ДТП [6]. Во многих европейских, особенно туристических городах, на пешеходном переходе любой пешеход имеет право мгновенного «зеленого света», просто нажав кнопку. Такое правило накладывает на водителей необходимость немедленно среагировать и пропустить пешеходов, поэтому дороги не представляют территорию повышенной опасности из-за ограниченной скорости.

Ситуацию можно улучшить, расширив тротуар за счет развития зоны отдыха, питания, стрит-ритейла вдоль дорог, что также способствует дружелюбности улиц по отношению ко всем участникам. Большую популярность имеют парклеты - мобильные зоны отдыха на месте парковок.

В современных постиндустриальных условиях происходит интеграция разных эпох и образов жизни. Процессы урбанизации и рурализации происходят не только по принципу физического перемещения людей в город и в село соответственно, но и по экспорту городских ценностей и стандартов в село, а сельских - в город. Сегодня в сельскую местность уезжают работать удаленно, но при этом жить в тишине и ближе к природе, а в городе разводят огороды и городские фермы на крышах или рядом с многоэтажной застройкой (рис. 5).

Рис. 2. Урбанизации и рурализация: перемещение людей и ценностных установок

В гостиничном бизнесе, как наиболее наглядном примере сферы услуг хорошо известна фраза «Мы говорим на вашем языке», которая означает, что все ваши пожелания будут услышаны и исполнены, на каком бы языке вы не говорили. Современный город, как объект потребления с присущей ему терминологией постиндустриальной экономики: креативность, инновация, целевой потребитель, также должен говорить на языке каждого, будь-то житель или гость города. Город должен быть текстом, который каждый сможет прочитать и «вписаться» в него. Это и в прямом смысле касается языка, на котором представлена вся аудио- и визуальная коммуникация и метафора создания связанной интегрированной системы знаков из архитектуры, ландшафта, пространства, малых форм, элементов благоустройства на принципах безопасности, инклюзивности, устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды». Официальный сайт [Проекта Городская среда](http://www.gorodsreda.ru/gorodskaya-sreda/): [Электрон. ресурс]: URL: <http://www.gorodsreda.ru/gorodskaya-sreda/>
2. Презентация приоритетного проекта “Формирование комфортной городской среды”. Официальный сайт [Проекта Городская среда](http://www.gorodsreda.ru/gorodskaya-sreda/) : [Электрон. ресурс]: URL <http://www.gorodsreda.ru/gorodskaya-sreda/>
3. Челухоева В.В. Адаптация городских пространств для маломобильных групп населения в условиях Западной Сибири. Автореферат диссертации на соискание академической степени магистра архитектуры, Томск, 2018.
4. Шлыкова И.С. Принципы реновации дворовых пространств застройки второй половины века XX в г. Томске. Автореферат диссертации на соискание академической степени магистра архитектуры, Томск, 2020.
5. Забалуева А.В. Интеграция велосипедной инфраструктуры в транспортно-пешеходную сеть города Томска. Автореферат диссертации на соискание академической степени магистра архитектуры, Томск, 2020.
6. Михнова, П. В. Формирование комфортной городской среды в условиях глобальной автомобилизации: противоречия и пути решения / П. В. Михнова // Инвестиции, строительство, недвижимость как драйверы социально-экономического развития территории и повышения качества жизни населения: Материалы IX Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Томск, 12–15 марта 2019 года / Под редакцией Т.Ю. Овсянниковой, И.Р. Салагор. – Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2019. – С. 362–370.

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ, ЕЕ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ

Прирост населения России за счет миграции¹, испытав пик в первой половине 1990-х гг., уже к началу текущего столетия сократился до уровня примерно в 300 тыс. человек, даже с учетом пересчетов от итогов переписей 2002 и 2010 гг. Переписи добавили в население России, суммарно, около 2,6 млн. человек, и этот прирост был отнесен на неучтенную миграцию. В 2011-2020 гг. Россия оставалась центром притяжения для мигрантов на постсоветском пространстве. Но, несмотря на активизацию политики по содействию добровольному переселению соотечественников, в 2010-е гг. миграционный прирост продолжал сокращаться (рис. 1).

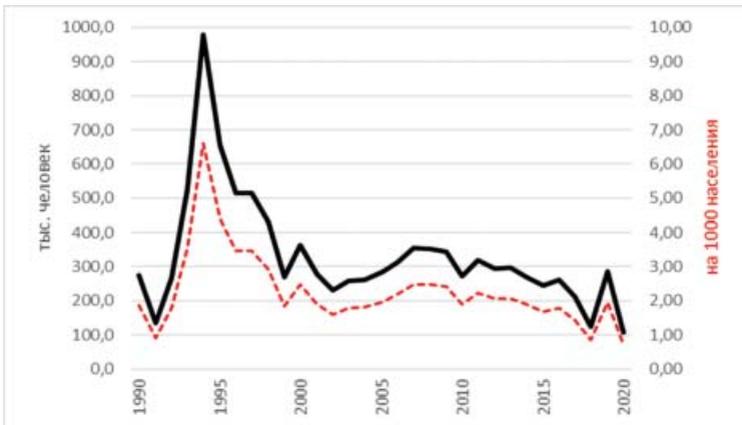

Рисунок 1. Миграционный прирост населения России, 1990-2020 гг.

Источник: Росстат

Примечание: данные до 2010 г. – с учетом пересчетов от итогов переписей населения 2002 и 2010 гг.; с 2011 г. – текущий учет.

Миграция примерно на 2/3 компенсировала потери от депопуляции

1. Здесь рассматривается долговременная миграция, которая является составной частью демографического баланса населения. К долговременным мигрантам в России до 2010 г. относили тех, кто регистрировался по месту жительства (аналог советской постоянной прописки), зарегистрированные по месту пребывания на любой срок долговременными мигрантами не считались. С 2011 г. как долговременных в России учитывают оформляющих регистрацию по месту жительства и по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

в период 1992-2012 гг., обеспечивала почти весь рост населения в 2013-2015 гг., а с возобновлением естественной убыли населения с 2016 г. вновь стала сглаживать сокращение населения. Но с резким нарастанием естественной убыли в 2020-2021 г. миграция может восполнить ее лишь на 20-30%.

Динамика численности населения регионов России (85 субъектов РФ) зависит примерно в равной мере от международной и внутренней миграции. За 2011-2020 гг. внутренняя миграция перераспределила между нами 2,6 млн. человек, прирост за счет международной миграции составил 2,4 млн. человек. Но если международная миграция обеспечивала миграционный прирост всех регионов, то внутренняя – переток из большей части (70) регионов – в отдельные центры миграционного притяжения, которыми в этот временной период являлись 15 регионов. Поэтому население большинства регионов, испытывавших миграционный прирост населения (таких, например, как Москва и Санкт-Петербург, с их областями), росло в большей мере за счет внутренней миграции. Внутренняя миграция являлась причиной интенсивного оттока населения из регионов, испытывающих миграционную убыль (рис. 2). Международная миграция могла только в некоторой мере сгладить последствия этого оттока.

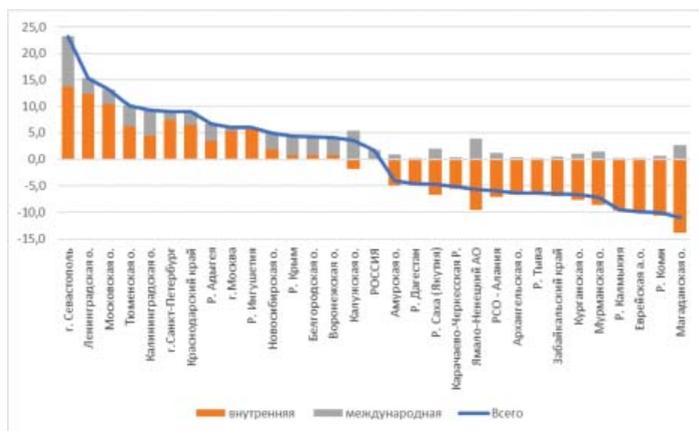

Рисунок 2. Регионы-лидеры и аутсайдеры по показателю интенсивности нетто-миграции населения, 2011-2020 гг. (в среднем за год), на 1000 населения

Источник: Росстат

Помимо крупнейших агломераций, устойчивый миграционный прирост в 2010-е гг. получали Краснодарский край, г. Севастополь и Крым, Калининградская область, Тюменская и Новосибирская области в азиатской части страны. Наиболее интенсивный отток все постсоветские десятилетия отмечается в регионах севера и востока страны, а также в регионах Северного Кавказа. При этом многие регионы центральной части страны испытывают устойчивую, но не такую интенсивную миграционную убыль.

Международная миграция подпитывает Россию прежде всего людьми молодых трудоспособных возрастов, что благоприятно сказывается на демографическом развитии России. Однако в потоке из многих стран, в особенности – из стран Средней Азии, явно преобладают молодые мужчины, что подтверждает прежде всего ее социально-экономическую природу.

В 2010-е гг. ежегодные масштабы межрегиональной миграции составляли около 2 млн. человек в год, еще около 2 млн. перемещались в пределах регионов. В миграции участвует прежде всего молодое население, пик активности приходится на возраст 18 лет, когда большинство россиян заканчивают школу. На возраст 17-29 лет приходится 34% внутристрановых перемещений, в то время как доля этой возрастной группы в населении России составляет 17%. Интенсивность внутренней миграции в России снижается с возрастом, уже к 30 годам она ниже, чем в студенческие годы, почти вдвое, к 40 годам – в 3,2 раза, к 50 годам – в 4,7 раза. Поэтому между регионами перераспределяется прежде всего молодое население, что обеспечивает центрам притяжения двойную выгоду: миграция не только противодействует депопуляции и обеспечивает рост населения, но и существенно омолаживает их население, противодействует старению.

Крупнейшими центрами притяжения молодежи студенческих возрастов, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, являются Новосибирская, Томская, Воронежская и Ярославская области, г. Севастополь. Самый сильный отток идет из Чукотки, Магаданской, Мурманской областей и регионов, где мало или совсем нет вузов. Но для людей в возрасте 25-29 лет привлекательны не только и не столько крупнейшие города, сколько их пригороды. Поэтому Московская и Ленинградская область опережают столицы. Также люди в возрасте начала трудовой карьеры, создания семей более активно переселяются в богатые сырьевые регионы, основу экономики которых обеспечивает добыча нефти и газа, такие, как Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Сахалинская область, Тюменская

область. Этот поток компенсирует отток молодежи на учебу, что также благоприятным образом сказывается на демографическом развитии этих регионов.

Многие регионы, относящиеся к Крайнему Северу, теряют население в возрасте 50 лет и старше [5]. Даже после изменения границы пенсионного возраста проживающие здесь люди на 5-10 лет раньше выходят на пенсию. Работа на севере обеспечивает больший достаток, что позволяет многим людям по завершении трудовой карьеры приобретать жилье и переселяться в южные регионы. Отток пенсионеров в таких регионах позволяет серьезно притормаживать старение населения, в результате чего показатели рождаемости и смертности в этих регионах более благоприятны. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах даже в самые неблагоприятные годы такая «селективная» роль миграции позволяла поддерживать естественный прирост населения. Переселяются вчерашние северяне зачастую в регионы, наиболее благоприятные в природно-климатическом отношении, такие, как Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Белгородская области, или же в меридианальном направлении. Самые обеспеченные приобретают квартиры в Москве [2; 3] или Санкт-Петербурге.

В целом в России население движется вверх по вертикально структурированной системе поселений (подробнее описано в [4]), на вершине которой располагаются две крупнейшие городские агломерации (Московская и Санкт-Петербургская), под ней – агломерации городов-миллионников, многие из которых являются межрегиональными центрами притяжения населения. Ниже – агломерации менее крупных региональных столиц, за ними – иные крупные, с населением свыше 100 тыс. человек, города. Ниже – средние (50-100 тыс. жителей) и малые (менее 50 тыс.) города, поселки городского типа (пгт), и, наконец, – сельская местность. Вне этой схемы в российском миграционном поле существуют два типа территорий: 1) курортные – Черноморское побережье Краснодарского края и Крым, прибрежные районы Калининградской области; 2) города богатых ресурсами регионов, вне зависимости от их размера и нестоличного статуса, которые привлекательны для людей активных трудоспособных возрастов. Но проживает в этих территориях совсем небольшая доля российского населения, порядка 5-7 млн. человек.

В типичном российском регионе, кроме региональной столицы, могут быть 1-3 центра притяжения второго порядка, располагающихся на достаточно большом расстоянии от столицы и стягивающих население с нескольких соседних районов (рис. 3).

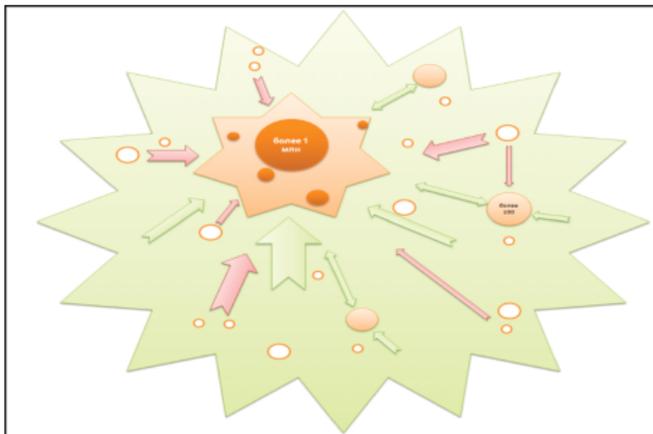

Рисунок 3. Общая схема внутрирегионального перетока населения (на примере региона с крупной (более 1 млн. жителей) столицей)

Сельская местность России неоднородна, и, прежде всего, делится на благополучную и прирастающую за счет миграции пригородную, и сельскую периферию, или глубинку, испытывающую постоянный отток населения, прежде всего – молодежи. Глубинка абсолютно преобладает над пригородами по территории, и все еще превосходит их по числу жителей.

Мало чем в миграционном отношении отличаются от сельской местности малые города на периферии. Особенно в последние пару десятилетий почти все они испытывают миграционную убыль, которая очень в малой мере компенсируется притоком из окружающих их сельских поселений. Образ жизни в малых городах и пгт мало отличается от сельского, здесь, зачастую, так же трудно найти работу за более-менее приемлемую зарплату, сфера занятости ограничена бюджетной сферой (учителя, врачи, соцработники, сотрудники силовых структур) и мелкий бизнес, в основном - торговля. Даже обеспеченность элементарными удобствами в малых городах далека от «настоящих» городов: многие дома не оборудованы централизованной системой тепло- и водоснабжения, водоотведения. Молодежи часто негде провести досуг².

Отток населения из сельской местности и малых городов периферии

2. По результатам студенческих экспедиций НИУ ВШЭ в рамках проекта «Открываем Россию заново» в Республику Удмуртию (2018 г.), Республику Башкортостан (2019 г.), Республику Бурятию (2019 г.), Воронежскую и Саратовскую области (2021 г.)

ежегодно составляет порядка 0,5 млн. человек, или около 1% в год. Отток же из сельской местности в города в последние годы невелик (менее 100 тыс. человек), но это «в среднем», суммарно по сельским территориям в глубинке и быстро растущим сельским пригородам. В данном случае статистика отражает явление чисто формально, отталкиваясь от статуса поселений (сельского или городского).

Концентрация населения, прежде всего, молодого, в региональных столицах и их пригородах ведет ускоренному старению населения на периферии и противодействует ему в центрах [7]. Поэтому даже в регионах с достаточно высокой по российским меркам рождаемостью сельская периферия продолжает депопулировать.

Как говорилось выше, пригороды крупных городов прирастают за счет миграции быстрее, чем сами города, вокруг которых они образуются. В основном этот рост обусловлен тем, что города «выходят» за рамки своих административных границ, в результате чего ближайшие к ним, наиболее удобно расположенные (в транспортном отношении – вдоль важных магистралей) территории застраиваются многоэтажными домами, по виду неотличимыми от типичной городской микрорайонной застройки. В городах не хватает свободных земель для массового строительства жилья, а имеющиеся участки дороги или требуют дорогостоящих мероприятий по подготовке к строительству. Вблизи городов строятся также коттеджные поселки и малоэтажное жилье. Это – достаточно плотная типовая застройка, со всем комплексом современных городских бытовых удобств. Такой тип застройки может рассматриваться как переходный от городской к сельской. И те, и другие развивающиеся пригороды заселяются как бывшими жителями городов-центров, так и мигрантами из других поселений того же региона или из других регионов страны.

И, наконец, особый случай представляют собой новые «субурбии», развивающиеся в пригородной зоне отдельных городов в азиатской части страны, например, Улан-Удэ [1]. Возводимые здесь на землях, полученных в результате самозахвата, дома ничем не отличаются от сельских, здесь нет привычных городских удобств. В отличие от иных типов пригородов, окраины Улан-Удэ заселяются выходцами из сельской глубинки Бурятии. Здесь наиболее остро стоит не только проблема отсутствия бытовых удобств, но и вывоза мусора, обеспечения питьевой водой, отсутствия школ и детских садов³. Жители почти всех пригородов совершают

3. По материалам студенческой экспедиции НИУ ВШЭ «Внутренняя миграция и урбанизация в моноцентрическом регионе (на примере республики Бурятия)», 2019 г. URL: <https://foi.hse.ru/openrussia/buryatiya-migration>

ежедневные поездки в город – на работу, в учебных целях и т.п.

Именно пригороды в 2010-е гг. являются наиболее привлекательными для мигрантов территориями России. В большинстве случаев они «перетягивают» население городов, вокруг которых они образуются. Но их миграционная привлекательность базируется исключительно на близости к крупным городам, с их диверсифицированным рынком труда, относительно развитой инфраструктурой. Жители глубинки и выходцы из других регионов и частей страны селятся в пригородах крупнейших городов, т.к. это – «эконом-вариант» жилищного обустройства вблизи к городу, где они нашли или рассчитывают найти работу; жители самых крупных городов перебираются в пригороды, чтобы улучшить жилищные условия и не утратить связь с рабочими местами и привычной городской средой.

Таким образом, в России на динамику численности и структуры населения регионов и, в особенности, отдельных малых территорий (городских округов и муниципальных районов) влияет в большей мере внутренняя (межрегиональная и внутрирегиональная) миграция. Влияние миграции заключается не просто в притоке или оттоке населения, но и в изменении возрастных структур населения мест вселения и исхода, от которых, в свою очередь, зависят процессы брачности и рождаемости, здоровья населения и смертности. Центры притяжения мигрантов в России в основном ограничены крупными городами и их пригородами, занимающими несколько процентов территории страны, но в которых проживает порядка половины населения. Миграционная убыль населения, приводящая к сжатию освоенного пространства [6], ускоренному старению населения, охватывает почти всю территорию России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / Науч. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ, 2012. Изд-во БНЦ РАН. -192 с.
2. Куричев Н.К. Жилищное строительство в Московской агломерации: опыт моделирования пространственного равновесия // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 6. С. 44–58
3. Куричев Н.К., Куричева Е.К. Пространственная дифференциация активности инорегиональных покупателей на рынке жилья Московского региона / Вестник РУДН. Серия: Экономика 2018 4(26) с. 643-652
4. Мкртчян Н.В. Внутренняя миграция в России как движение вверх по иерар-

хии поселений // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под общ. ред. Д.В. Зайца. М.:2020. Изд-во: ООО «ПТ-Принт». с. 440-445

5. Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных нему местностей // Научные Труды: Институт Народногохозяйственного Прогнозирования РАН. / Гл. ред. А.К. Моисеев. т. 18. 2020. М.: МАКС Пресс. с. 431-448

6. Нефедова Т.Г., Медведев А.А. Сжатие освоенного пространства в центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия РАН. Серия географическая. 2020 №5 с. 645-659

7. Kashnitsky I. Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // GeoJournal, 2020, 85(1) p. 173–185. DOI 10.1007/s10708-018-9953-5

Мусаева Э.А., Гончаров Ю.М.

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БІЛІМ БЕРУДІ ЖАҢҒЫРТУ ЖӘНЕ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ

ҚР Конституциясында жазылғандай білім беру мен денсаулық сақтау салалары әлеуметтік жағынан мемлекеттің кепілдігіне алынған. Интеллектуалды қоғам құру үшін қаржы жұмсау, жастарды тәрбиелеу мәселесінде дамыған елдердің тәжірибесіне сүйене отырып, білім мен ғылым, денсаулық пен спортқа басты назар аударылған. Мемлекеттің әр қадамы нәтижелі болу үшін тұлғаның бәсекеге қабілеттілігі де, жоғары болуы керек[1].

Бүгінгі таңда, өкінішке орай, жоғары және орта мектеп түлектерінің білім беру жүйесі мен гуманитарлық білім деңгейі қоғамның қазіргі талабына сай емес. Әдеби нормативтік тілді жетік білмеу, өз ойларын сауатты және қисынды түрде білдіре алмау, әлемдік және отандық тарихты, мәдениет тарихы мен оның құндылықтарын нашар білу, экономикалық, саяси және құқықтық сауатсыздық, шет тілдерді жетік білмеу оған себеп.

Осы сыртқы және ішкі сын-қатерлерді ескере отырып, білім беру жүйесі терен және кезең-кезеңімен стратегиялық жаңғыртудан өтуде. Білім берудің негізі - оқу-тәрбие үрдісі болғандықтан, оны қайта құру әрқашан шешуші рөл атқарады[2].

Қазақстандағы білім беру саласындағы жаңғыртулар төменде көрсетілген бағыттарда көрініс тапты:

- Ұзақ және қысқа мерзімге арналған білім беру бағдарламалары мен стратегияларын қабылдауда;
- Жаңа толқынның кітаптарымен оқытуда;
- Электронды кітаптарды пайдалану-сандық технологияны меңгеруде;
- 12 жылдық білім беру стандартына көшуде;
- ҰБТ- форматын өзгертіп, жоо-на түсу балын көтеруде;
- Кәсіби білім беру саласына көңіл бөліп, ТжКБ бір деңгейлі стандартқа сәйкестендіруде;
- Бәсекеге қабілетті маман әзірлеуде;
- Үш тұғырлы тіл саясатын дамытуда;
- ЖОО-на академиялық еркіндік беруде;
- Академиялық ұтқырлықты дамыту арқылы қос дипломды білім алуда;
- Ғылым саласында инновациялық технологияны еркін пайдалануда және т.б.

КСРО құрамында болған Қазақ КСР-і үшін сонау 30 жыл бұрын бұл қол жете алмайтын арман болып көрінсе, ал қазіргі кезде ол өмірдің ағымымен жылжу болып тұрған үрдіс. Отыз жыл аралығында Қазақстандық білім беру жүйесі бірнеше өзерістерге ұшырады. Арта қалған бұл уақыттың кемшілігі мен артықшылығы, жағымды және жағымсыз тұстары да аз болмады.

Қасым-Жомарт Кемелұлы «XXI ғасыр – білім мен біліктің дәуірі» -дей келе, заман ағымына сай білімді үздіксіз етумен бірге, жаңа кәсіптерді игеру және бәсекеге қабілетті маман керектігін тілге тиек еткен болатын [3].

«XXI ғасырдың талабымен туындаған шешуші фактор ол материалдық-өндірістік база емес- ол адами капитал. Ал ол дегеніңіз ең алдымен халықтың білім деңгейі, адамдардың дағдылары мен білімдері» - деп, Нұрсұлтан Назарбаев Қазақстан халқына Жолдауында айтқан еді[4].

Қазіргі жағдайда экономиканың бәсекелестік артықшылықтары мен оны модернизациялау мүмкіндіктері қоғамда жинақталған және өндірісте іске асырылған адами капиталмен анықталады. Дәл осы білімі, біліктілігі және тәжірибесі бар адамдар бүгінгі таңда қоғамды технологиялық, экономикалық және әлеуметтік жаңғыртудың шектері мен мүмкіндіктерін айқындайды. Болашақта экономиканың даму серпінін ынталандыратын фактор ретінде адами капиталдың рөлі арта түседі.

Бүгінгі күні өндірістің бәсекеге қабілеттілігі адами капиталды пайдаланудың барабарлығына байланысты. Көптеген ресурстардан айырмашылығы, адами капиталға енгізілген ақпарат пен білімді шексіз қолдануға болады және іс жүзінде олар неғұрлым көп пайдаланылса, соғұрлым көбірек өседі.

Бүгінгі күні толық және уақтылы ақпарат алу үшін аудиториялық зерттеулер жеткіліксіз, өйткені бұл қызмет түрі көп уақытты алады және оны кез-келген уақытта алу мүмкін емес.

Қазіргі күрделі және динамикалық жаңартылған білім мен технологиялар дәуірі білім берудің жаңа парадигмасын - «өмір бойы білім алуды» туғызды, яғни біліктілікті арттырды. Барлық осы міндеттерді қашықтықтан оқыту технологияларын қолдану арқылы тиімді шешуге болатын болды[5].

Қазіргі уақытта білім беру саласында «тектоникалық жылжу» орын алды деп сеніммен айтуға болады. Білім беру парадигмасы қайтымсыз өзгерді. Цифрландыру білім беруді дамытудың жаһандық үрдістерінің біріне айналды. Қағаз оқулықтардан цифрлық білім беру ортасына көшу басталды. Цифрландырудың көмегімен пандемия кезінде қашықтықтан оқу үрдісі белең алды. Жеке цифрлық оқыту, мансап және жеке жетістіктерде, жеке траекторияларды құруға көмектесті. Әлемде жетекші университеттердің онлайн-курстары жоспарланды.

Қашықтықтан оқыту заманауи білім берудің жетекші трендтерінің біріне айналды. Мысалы, мүмкіндігі шектеулі адамдарға қашықтықтан айналысу ыңғайлы болады. Олар өздеріне ыңғайлы оқу түрін таңдай алады.

Мұның бәрі бір-бірімен байланысты үш жаһандық трендтің нәтижесі болды, атап айтқанда: күнделікті еңбекті, оның ішінде ақыл-ойды цифрландыру және автоматтандыру; жаһандық турбуленттілік, стратегиялық белгісіздіктің болуы; тұрақтылық қағидаттарына негізделген экобағдарланған өркениетке көшу қажеттілігі. Білім беру жүйесінің консерватизмі мен инерттілігін ескере отырып, білім беруді трансформациялау кем дегенде таяудағы жиырма жылды алады[6].

Қазақстан ЕО-ның Болон декларациясына ресми түрде қосылып, Еуропалық жоғары білім беру аймағына мүше болды. Осыған байланысты бұл бағытта үлкен өзгерістер болды:

1. Университеттердің Ұлы Хартиясына қазақстандық университеттердің қосылуы жүзеге асырылды.

2. Мамандарды даярлаудың үш деңгейлі моделіне көшу жүзеге асырылды: бакалавр - магистр - PhD докторы.

3.ЖОО-да кредиттік оқыту технологиясы енгізілді, екі дипломды білім беру бағдарламасы және қашықтықтан оқыту жүзеге асырылды.

4.Дублиндік дескрипторларға сәйкес модульдік білім беру бағдарламаларын әзірлеу жүзеге асырылып, Ұлттық біліктілік жүйесі құрылды.

5.ECTS - студенттердің академиялық ұтқырлығы үшін несиелік бірліктер негізінде қабылданған жүйе, ол үшін мемлекет үлкен қаржылық ресурстарды бөледі.

6.Оқу бағдарламалары кем дегенде үш тілде енгізілген. Елдегі университеттердің халықаралық рейтингіне қатысатын университеттер саны үнемі өсуде.

7.Елдегі білім сапасын қамтамасыз етуде еуропалық ынтымақтастықты ілгерілету үшін аккредиттеу агенттіктері құрылды. Сонымен қатар, ЕО аясында жүзеге асырылған TEMPUS бағдарламасы елдегі білім беру жүйесіне айтарлықтай әсер етті. Қазіргі уақытта оны ERASMUS + бағдарламасы ауыстырды, ол жалпы білім беру жүйесін одан әрі жаңғыртуға, тұрақты дамытуға бағытталған[7].

Қазақстандық білім беру жүйесі еуропалық кеңістікке қосылу арқылы әлемдік стандартқа жақындай түсті. Болон үдерісіне қатысу ұлттық білім беру сапасын еуропалық стандарттарға сәйкестендіруге мүмкіндік берді. Студенттердің академиялық ұтқырлық бағдарламасы күшейе түсті. 2011 жылдан бастап бағдарламаға қатысатын магистранттардың саны 2020 жылдың бірінші жарты жылдығында төрт есе өсіп, 1373 адамға жетті. Ағылшын тіліндегі бағдарламалар қатары көбейіп, шетелдік студенттердің саны жоғарылады. 2019 оқу жылында отандық жоғары оқу орындарында 40 мың шетелдік студент оқыса, шетел тілінде сөйлейтіндердің де саны артқан[8].

XXI ғасырда білім беру саласында цифрлық ақпараттарды трансформациялау өте жақсы орынға қойылды. Бұған пандемия да өз әсерін тигізді деп айтуға болады. Оқыту мен оқытуда ақпараттық технологияларды пайдалану оқу бағдарламасы мен оқу орнының стратегиялық мақсаттарына сүйене отырып, жүйелі түрде жүзеге асырыла басталды.

Білім беруде технологияларды қолдану кезінде басты назар техникалық дағдыларды оқытуға емес, ақпараттық-коммуникациялық технологияларды қолдануға аударылуы керек. Оқыту мен оқытудағы сандық құралдар қатарына: медиа, ақпараттық ресурс, байланыс, ғаламтор, жариялау арнасы, Платформа, контент жатады [9].

Әрине, IT-оқыту жастардың барынша көп санына қолжетімді болуы үшін «Цифрлық Қазақстан» бағдарламасы шеңберінде IT-

мамандықтарына гранттар саны үш есеге ұлғайтылды. Шын мәнінде, әңгіме елдің болашаққа салынатын инвестициялар туралы болып отыр және бұл тұрғыда мемлекет мұндай салымдарды қазір сарқып қалмайды.

Бүгінгі таңда трендтер көз қақпай тез өзгеруде, сондықтан әрдайым сұранысқа ие болу үшін адам үнемі білім алуы керек. Университеттік бағдарлама оның негізгі дағдыларын қалыптастырады. Сондықтан 22 - 60 жас аралығындағы адамдарға қайта даярлаудан өтуге немесе өз біліктілігін арттыруға мүмкіндік беретін инновациялық білім беру бағдарламалары маңызды рөл атқарады.

Жетекші университеттер базасында отандық зияткерлік орталықтары қалыптаса бастады, онда еліміз үшін мүлдем жаңа технологияларды дамуда. Мысалы, Назарбаев Университетінде қазірдің өзінде жасанды интеллект саласындағы маңызды жобалар іске асырылуда - бұл үшін арнайы дауысты тану технологиясын қазақ тіліне оқыту бойынша зертхана құрылды. Жыл сайын Қазақстанда құрылған IT-оқыту экожүйесі жаңа элементтермен толығына қарай, елдегі цифрландырудың қарқындылығы мен тереңдігі үйлесімді түрде өсіп отыр. Егер маркетингтер айтқандай, болашақ жақын жерде болса, онда Қазақстан оның келуіне дайын [10].

Қорытындылай келе, Қазақстан Республикасы білім беру жүйесінде бірнеше қадам ілгері басқанын көрдік. Оқу орындарында материалдық-техникалық жабдықтармен жабдықтау қолға алынып, мемлекеттік тілде оқу орындарының саны көбейді.

Мектеп оқулықтары жаңартылған оқу бағдарламаларына ауыстырылды, кезең кезеңмен бағдарлама жаңартылып, толық орта білім беру жүйесі ауыстырылды. Жаңа пәндерді таңдау құқығы енгізілді, жаңа бағалау жүйесі енгізіліп, бақылау мен бағалау тәртіптері европалық стандартқа көшірілді. Электронды Күнделік парталы жұмыс істей бастады, бұл ата-анасының баласының оқу үлгерімін әр кезде қадағалап отыруына септігін тигізді.

TIMSS, PISA әлемдік стандарттағы білім бағдарламаларына қазақстандық оқушылардың қатысып жақсы нәтиже көрсете білуі әлемді мойындатудың басты белгісі ретінде оқушылар деңгейі көрсетіле бастады.

ISO-9001 стандартына кәсіптік білім беру саласын ауыстыру, білікті маман, білімді кадр, өнеркәсіптерге тапшы мамандықтар бойынша білім беру форматын қалыптастырды. ТЖБ арқылы қаражат бөлу, ең үздіктерді белгілеу мен жұмысшы орнын сақтау, ЖОО-да білімін ұштастыру мен оған түсу жолдары өзгертілді.

ӘДЕБИЕТТЕР:

- 1.Бейсенбаев О. Қазақстандағы білім жүйесінің даму деңгейі. [Электронды ресурс] / Кіру режимі: <https://strategy2050.kz/news/52406/>
- 2.Азаматова А.Б, Масакова С.С. Модернизация системы образования как основная инновационная стратегия опережающего развития. <https://articlekz.com/article/9464>
- 3.Тоқаев Қ.Ж. «Тәуелсіздік бәрінен қымбат». [Электронды ресурс] / Кіру режимі: [egemen.kz: https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat](https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat)
- 4.Конькова К.С. Повышение качества человеческого капитала в РК в контексте динамичной модернизации глобального сообщества: как вписаться в мировые тренды. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://nauka.kz/page.php?page_id=75&lang=1&article_id=64
- 5.Айрапетян Т.Г. Инвестиции в человеческий капитал как важнейший источник создания стоимости в 21-м веке. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-v-chelovecheskiy-kapital-kak-vazhneyshiy-istochnik-sozdaniya-stoimosti-v-21-m-veke>
- 6.Евлампов А.В. Дистанционное обучение как ведущий тренд образования XXI века. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://open-lesson.net/8301/>
- 7.Валиев Х. Трансформация образования в Казахстане. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5da01f01fc69ab6f7cc589d5/transformaciia-obrazovaniia-v-kazahstane-5da577e5d7859b00ae873976>
- 8.Тілегенұлы Н. Болон үдерісіндеміз: 10 жылдағы жетістіктер. [Электронды ресурс] / Кіру режимі: <https://bilimdinews.kz/?p=124089>
- 9.Дворжак О. Как происходит цифровая трансформация образования. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://mel.fm/blog/olesya-dvorak/42038-kak-proiskhodit-tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya>
- 10.Султан Т. «Цифровой Казахстан» делает ставку на человеческий капитал. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan-economy/1862723-cifrovoy-kazahstan-delaet-stavku-na-celoveceskij-kapital/>

Сағынбаева А.З.

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КАЗАХСТАНА

Миграция населения является одним из важных компонентов демографического развития. Так, посредством миграции населения меняется не только половозрастная и этническая структуры населения, но и каче-

ство человеческого капитала. В зависимости от интенсивности направления миграционных потоков и от профессионального/образовательного уровня и уровня здоровья, социокультурного развития мигрантов меняется облик мест их прибытия и убытия.

Казахстан является страной, где миграционная мобильность населения – одна из высоких среди постсоветских стран. Это касается как внешних миграционных движений населения, так и внешних. Эмиграция населения в первом десятилетии независимости была в несколько раз выше, чем в настоящее время. При этом иммиграционный поток населения с обретением суверенитета также возрос. Этому способствовала государственная миграционная политика, направленная на привлечение этнических казахов. С завершением государственной программы «Нұрлы көш» иммиграция этнических казахов заметно сократилась. Если в 1990-х годах внешняя миграция играла существенную роль в демографическом развитии страны, то за последние 20 лет увеличилась роль внутренних миграционных потоков. При этом следует отметить, что на национальном уровне миграция населения дает только отрицательное влияние на численность населения, число граждан страны растет только за счет естественного прироста. Однако на уровне отдельных регионов, роль миграции населения в демографическом развитии различная. В данной статье данные за 2020 год не будут рассматриваться в виду того, что пандемия COVID-19 и введенные ограничения не только по международным перемещениям, но и внутри страны искажают тенденции внешних и внутренних потоков по экзогенным причинам.

Положительное сальдо внешней миграции населения наблюдалось в Казахстане за последние 30 лет только в период с 2004 по 2011 годы. Положительные значения показателя были зафиксированы как за счет увеличения иммиграции, так и за счет небольшого снижения эмиграционных потоков.

Начиная с 2012 года наблюдается отрицательное сальдо миграции населения с ежегодным увеличением абсолютных значений. В 2019 году по сравнению с 2009 годом отрицательное значение сальдо миграции населения увеличилось в 2,5 раза и составило 33,0 тыс. человек. За последние 10 лет миграционные потери составили более 100 тыс. человек. С 2009 года по 2019 включительно в страну иммигрировало 261,7 тыс. человек, эмигрировало – 366,3 тыс. человек, миграционный оборот (эмиграция + иммиграция) по международным перемещениям населения составил 628,0 тыс. человек.

За последние годы наблюдается увеличение темпов эмиграции и

снижения темпов иммиграции населения. Так, в 2019 году по сравнению с предыдущим годом в страну прибыло на 492 человека меньше и составило 12,2 тыс. человек. Число выбывших (эмигрантов) больше по сравнению с 2018 годом на 3 357 человек или на 8% и составило 45,2 тыс. человек (Рисунок 1).

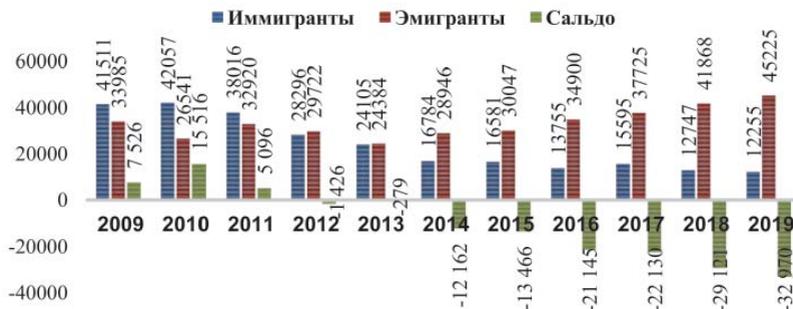

Рисунок 1. Динамика внешней миграции населения Республики Казахстан, 2009-2019 гг. человек

Источник: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан www.stat.gov.kz

Наблюдается снижение миграционных потоков в страны СНГ и увеличения потоков в другие страны. В 2019 году основная часть (90,5%) эмигрантов выбыла в страны СНГ – 40,9 тыс. человек, в другие страны – 9,5% или 4,3 тыс. человек. Тогда как в 2009 году 77,3% иммигрантов прибыли из стран СНГ, остальные 22,7% – из других стран, 93,4% эмигрантов выбыли в страны СНГ, 6,6% - в другие страны. Среди иммигрантов 44,3% прибыли из Узбекистана и 36,1% из Российской Федерации.

Из всех эмигрантов в страны СНГ 97,2% выбыли в Российскую Федерацию. При этом можем предположить, что этот показатель будет увеличиваться, учитывая тот факт, что законодательство в области миграции и гражданства в соседнем государстве в январе 2020 года претерпело значительные изменения, упрощено получение гражданства иностранцами. Так, получение гражданства родившимся в период СССР значительно облегчилось: отменено условие предоставления документов о желании выйти из имеющегося гражданства у иностранного гражданина и отменено

положение о предоставлении документов при получении гражданства, подтверждающих источник средств существования, так как это происходит при подаче документов на вид на жительство граждане Украины, Беларуси, Молдовы и Казахстана сразу без срока проживания (ранее не менее 5 лет) смогут подавать документы на приобретение гражданства.

Основной причиной эмиграции по-прежнему остаются экономические мотивы и этническая эмиграция в целях возвращения на историческую родину.

Анализ возрастной структуры внешних мигрантов показал, что как для иммиграции, так и для эмиграции характерны миграция большой доли трудоспособного населения в возрастной группе 15-64 года. Среди иммигрантов в 2019 году 13,0% (1 598 человек) составили дети, 81,7% - взрослое население в возрастной группе 15-64 года (10 012 человек) и пожилое население в возрасте старше 65 лет – 5,3% (645 человек). Среди выезжающих на постоянное место жительства за пределы страны в 2019 году 24,6% или 11 139 человек составили дети в возрасте до 15 лет, 72,1% или 32 606 человек – взрослое население в возрастной группе 15-64 года и 3,3% или 1 480 человек пожилое население старше 65 лет.

Этническая внешняя миграция населения. В целом за все годы независимости отмечается активное выбытие европейских этносов, в том числе русских, немцев, украинцев, поляков и белорусов. В 2010 г. наибольшее число выбывших приходилось на русских (18,7 тыс. человек) и сохраняет тенденцию к ежегодному увеличению эмиграции. По итогам 2019 года из страны выбыло 32,8 тыс. русских или 72,5% от всех эмигрантов. Далее по числу эмигрантов следуют немцы - 3 149 человек (7,0%) и украинцы 2 988 человек (6,6%). Из всех выбывших за пределы Казахстана в 2019 году 4,8% составили казахи, 2,3% - татары, 1,4% - поляки, 1,2% - белорусы и 4,1% - другие этносы (Рисунок 2).

При этом следует отметить, что наблюдается рост удельного веса казахов среди эмигрантов по сравнению с прошедшим годом на 0,4 п.п.; у русских остался на том же уровне, что и в прошлом году; снизилась доля немцев на 0,4 п.п.; удельный вес выезжающих поляков увеличился на 0,1 п.п.

По итогам 2019 года, как и в предыдущие годы иммиграцию в Казахстан в основном определяют казахи, русские, узбеки, украинцы, азербайджанцы, немцы, таджики, корейцы, татары и турки. 57,4% от всех иммигрантов 2019 года составляли казахи, 21,6% - русские, 2,3% - узбеки, 2,0% - украинцы, 1,9% азербайджанцы, 1,6% - немцы, 1,4% - таджики, 1,3% - корейцы, 1,2% - татары (Рисунок 2).

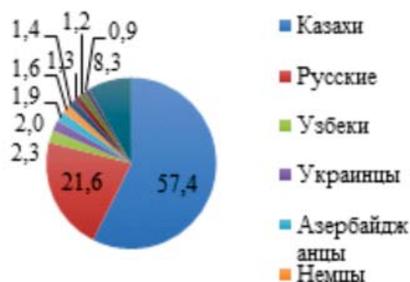

Рисунок 2. Этническая структура эмигрантов, 2019 г.

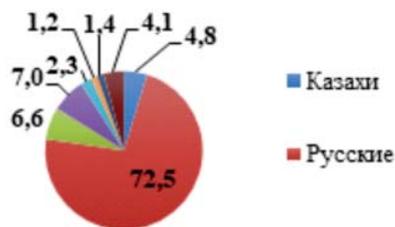

Рисунок 3. Этническая структура иммигрантов, 2019 г.

Источник: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан www.stat.gov.kz

Снижение иммиграционных потоков связано в основном с тем, что в 2019 году по сравнению с 2018 годом снизилась иммиграционная активность у всех этносов, кроме казахов. При этом наблюдается ежегодное снижение темпов иммиграции казахов. Это может быть также связано с тем, что эмиграционная емкость стран выбытия постепенно иссекает, и казахов, желающих переехать на историческую родину, становится все меньше и меньше, так как удельный вес пожилого населения, более привязанного к историческим корням, чем молодое поколение снижается. А этническая идентификация для молодежи является менее привлекательной причиной для эмиграции диаспоры.

Эмиграция казахов в 2019 году по сравнению с 2018 годом увеличилась на 8,0%, по сравнению с 2009 годом - на 33,1%.

Среди азиатских этносов (кроме казахов) следует отметить эмиграцию дунган, уйгуров и узбеков, интенсивность которых в последние 10 лет увеличивается. Так, в 2019 году у дунган эмиграция по сравнению с 2009 годом увеличилась в 2 раза, однако, по сравнению с предыдущим годом, снизилась на 28% и составила 18 человек. Эмиграция уйгуров по сравнению с 2009 годом увеличилась на 87%, а с 2018 годом – на 26,5%. Увеличение эмиграционных потоков среди узбеков по сравнению с 2009 и 2018 годами было на 103,4% и 26,0% соответственно (Таблица 1).

Увеличение эмиграции среди европейских этносов за последние 10

лет наблюдается у русских на 39,7% (по сравнению с прошлым годом на 8,1%), украинцев на 10,1% (8,5%), немцев на 47,8% (2,3%) и поляков на 87,9% (16,8%).

Снижение эмиграционных потоков за последние 10 лет отмечено у следующих этносов: курдов на 66,3%, чеченцев на 61,5%, таджиков на 38,7%, азербайджанцев на 32,3%, белорусов на 1,6% и корейцев на 0,8%.

В 2019 году по сравнению с предыдущим годом наблюдается снижение эмиграционных потоков у курдов на 20%, чеченцев на 14,0% и корейцев на 1,7%.

По итогам 2019 года отрицательное сальдо миграции наблюдается в основном среди европейских этносов. Всего миграционных потерь было 32,0 тыс. человек, что на 4,0 тыс. человек больше, чем в 2018 году.

Таблица 1 - Внешняя миграция этносов в Республике Казахстан, 2009г., 2018г., 2019г., человек

Сальдо	2009			2018			2019		
	Иммигранты	Эмигранты	Сальдо	Иммигранты	Эмигранты	Сальдо	Иммигранты	Эмигранты	
Всего	7 526	41 511	33 985	-29 121	12 747	41 868	-32 970	12 255	45 225
Казахи	28 445	30 152	1 707	4 881	6 744	1 863	4 860	7 033	2 173
Русские	-17 436	6 016	23 452	-27 382	2 947	30 329	-30 128	2 645	32 773
Узбеки	360	479	119	146	338	192	44	286	242
Украинцы	-2 101	614	2 715	-2 386	369	2 755	-2 740	248	2 988
Уйгуры	85	108	23	1	35	34	-10	33	43
Татары	-450	433	883	-830	156	986	-914	144	1 058
Немцы	-1 696	435	2 131	-2 873	204	3 077	-2 958	191	3 149
Турки	262	278	16	99	128	29	75	114	39

Продолжение таблицы №1									
Корейцы	259	499	240	-44	198	242	-76	162	238
Азербайджанцы	264	419	155	241	331	90	133	238	105
Дунгане	38	44	6	16	41	25	11	29	18
Белорусы	-450	116	566	-452	62	514	-508	49	557
Таджики	107	138	31	194	210	16	158	177	19
Курды	-36	47	83	2	37	35	7	35	28
Чеченцы	-263	119	382	-123	48	171	-117	30	147
Поляки	-279	69	348	-513	47	560	-632	22	654
Другие	417	1 545	1 128	-98	852	950	-175	819	994

Источник: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан www.stat.gov.kz

При этом наибольшие потери численности населения за счет миграции в 2019 году наблюдается у русских -33,0 тыс. человек (по сравнению с 2018 годом больше на 2,7 тыс. человек), немцев – 3,0 тыс. человек (больше на 85 человек) и украинцев – 2,7 тыс. человек, (больше на 354 человека) и поляков - 632 человека (больше на 119 человек).

Положительное миграционное сальдо по итогам 2019 года было зафиксировано у казахов (4,9 тыс. человек), узбеков (44 человека), турок (75 человек), азербайджанцев (133 человека), дунган (11 человек), таджиков (158 человек) и курдов (7 человек). Однако, учитывая межэтнические конфликты на юге страны в начале 2020 года, ожидается отрицательное миграционное сальдо у дунган, курдов и узбеков по итогам текущего года.

Миграция населения в регионах рассматривается через призму изменения численности и состава населения региона. Во всех регионах, независимо от этнической и возрастной структуры населения, основные миграционные потоки определялись внутренними передвижениями населения. Итоги миграции населения по внешним и внутренним потокам разрезе регионов представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Миграция населения регионов Казахстана в 2019 году,
человек

	Внешняя (международная) миграция			Внутренняя (межрегиональная) миграция		
	Сальдо	Иммигранты	Эмигранты	Сальдо	Прибыло	Выбыло
Республика Казахстан	-32 970	12 255	45 225	0	431 075	431 075
Акмолинская	-2 801	407	3 208	-4 006	22 372	26 378
Актюбинская	-1 899	59	1 958	-905	7 954	8 859
Алматинская	767	2 147	1 380	-20 902	43 448	64 350
Атырауская	-68	277	345	-1 822	6 125	7 947
Западно-Казахстанская	-1 606	164	1 770	-1 473	4 924	6 397
Жамбылская	-946	220	1 166	-14 049	13 902	27 951
Карагандинская	-5 388	388	5 776	-5 882	11 416	17 298
Костанайская	-4 665	1 043	5 708	-2 051	7 561	9 612
Кызылординская	-38	37	75	-5 586	9 341	14 927
Мангыстауская	1 965	2 532	567	1 227	9 459	8 232
Павлодарская	-5 298	296	5 594	-567	9 162	9 729
Северо-Казахстанская	-3 660	655	4 315	-2 283	7 262	9 545
Туркестанская	-24	326	350	-13 301	52 802	66 103
Восточно-Казахстанская	-6 515	628	7 143	-10 028	11 298	21 326
г. Нур-Султан	-1 068	783	1 851	34 434	84 754	50 320
г. Алматы	-2 219	1 403	3 622	42 317	82 460	40 143
г. Шымкент	493	890	397	4 877	46 835	41 958

Источник: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан www.stat.gov.kz

Так по итогам 2019 года положительное сальдо миграции по внешним потокам зарегистрировано в Алматинской (767 человек), Мангыстауской (1 965 человек) областях и в г. Шымкент (493 человек).

При этом положительное сальдо миграции населения по внутренним потокам зафиксировано в Мангыстауской области (1 227 человек), городах республиканского значения Нур-Султан (34 434 человек), Алматы (42 317 человек) и Шымкент (4 877 человек).

Наименее привлекательными регионами для прибытия внешних ми-

грантов стали Актюбинская и Кызылординская области, куда по итогам 2019 года прибыли 0,5% и 0,3% от всех иммигрантов соответственно.

Наиболее привлекательными регионами прибытия иммигрантов стали следующие регионы: Мангыстауская область (20,7%), Алматинская область (17,5%), г. Алматы (11,4%), Костанайская область (8,5%), г. Шымкент (7,3%), г. Нур-Султан (6,4%), Северо-Казахстанская (5,3%) и Восточно-Казахстанская (5,1%) области. Здесь следует отметить, что увеличение удельного веса иммигрантов в северо-восточных регионах был достигнут благодаря поддержке государственной этнической иммиграции. В остальных регионах удельный вес иммигрантов варьируется от 1,3% до 3,3%.

Среди эмигрантов удельный вес, выбывающих за пределы Казахстана на распределились следующим образом:

- Больше всего эмигрантов по итогам 2019 года было зарегистрировано органами миграционной службы Казахстана в Восточно-Казахстанской (15,8%), Карагандинской (12,8%), Костанайской (12,6%), Павлодарской (12,4%), Северо-Казахстанской (9,5%), Акмолинской (7,1%) областях и г. Алматы (8,0%).

- Менее 1% эмигрантов зарегистрировано в г. Шымкент (0,9%), Туркестанской (0,8%), Атырауской (0,8%) и Кызылординской (0,2%) областях.

- В остальных регионах удельный вес эмигрантов составил от 1,3% до 4,3%.

Таблица 3 - Интенсивность внешней миграции населения Казахстана в разрезе регионов, на 1000 человек

	Иммигранты					Эмигранты				
	2015	2016	2017	2018	2019	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Казахстан	0,95	0,77	0,86	0,7	0,66	1,71	1,96	2,09	2,29	2,44
Акмолинская	2,05	1,32	0,87	1,05	0,55	3,47	3,47	3,9	3,96	4,35
Актюбинская	0,14	0,14	0,07	0,11	0,07	0,87	0,99	1,33	1,57	2,24
Алматинская	1,39	1,65	2,38	0,89	1,05	0,44	0,53	0,50	0,63	0,67
Атырауская	0,66	0,64	0,51	0,45	0,43	0,29	0,24	0,21	0,39	0,54
Западно-Казахстанская	0,41	0,38	0,46	0,54	0,25	1,56	1,20	1,68	2,40	2,70
Жамбылская	0,61	0,36	0,51	0,44	0,20	1,01	0,93	0,94	0,84	1,03
Карагандинская	0,57	0,44	0,48	0,30	0,28	3,37	4,40	4,51	4,11	4,19

Продолжение таблицы №3										
Костанайская	1,10	0,75	1,00	1,41	1,20	3,81	4,94	5,75	6,93	6,56
Кызылординская	0,02	0,02	0,04	0,05	0,05	0,08	0,08	0,07	0,09	0,09
Мангыстауская	5,37	2,77	2,40	2,42	3,68	0,85	0,60	0,73	0,75	0,82
Павлодарская	0,57	0,59	0,65	0,55	0,39	4,48	5,83	5,80	6,08	7,43
Северо-Казахстанская	1,55	1,31	1,42	1,22	1,19	5,23	5,78	6,14	6,99	7,82
Туркестанская	0,53	0,43	0,23	0,34	0,16	0,31	0,25	0,08	0,17	0,17
Восточно-Казахстанская	0,51	0,44	0,58	0,50	0,46	3,02	3,11	3,69	4,54	5,20
г. Нур-Султан	0,74	0,57	0,51	0,64	0,71	0,76	1,26	1,44	1,85	1,67
г. Алматы	1,02	1,03	0,97	0,79	0,74	1,72	2,15	1,99	1,94	1,92
г. Шымкент	-	-	1,12	1,08	0,87	-	-	0,62	0,71	0,39

Источник: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан www.stat.gov.kz

При этом, как видно из таблицы 3, интенсивность эмиграции на 1000 человек имеет тенденцию к увеличению, а интенсивность иммиграции – к сокращению. И интенсивность эмиграции в 2019 году почти в 4 раза выше интенсивности иммиграции населения. Высокая интенсивность иммиграции в 2019 году отмечаются в Алматинской, Костанайской и Мангыстауской областях, а в 2015 году в высокие показатели интенсивности иммиграции были в Акмолинской, Алматинской, Костанайской, Северо-Казахстанской областях и г. Алматы. В целом интенсивность иммиграции населения в разрезе регионов также снижается.

В 2019 году эмиграционная интенсивность населения была выше по сравнению с 2015 годом почти во всех регионах. В 2019 году интенсивность эмиграции населения ниже 1 промилле была зарегистрирована в Алматинской, Атырауской, Кызылординской, Мангыстауской, Туркестанской областях и в г. Шымкент. В остальных регионах интенсивность эмиграции выше 1 промилле. Особенно высокие значения этого показателя были зарегистрированы в центральных, и северных регионах, включая Восточно-Казахстанскую область.

Тенденции внутренних (межрегиональных) миграционных движений такова, что все регионы являются донорами для городов республиканского значения (Нур-Султан, Алматы, Шымкент) и Мангыстауской области, в которых сальдо внутренней (межрегиональной) миграции является положительным. Поэтому в этих регионах внутренняя миграция населения существенно влияет на демографическое развитие. Во вну-

тренней (межрегиональной) миграции населения Казахстана в 2019 году участвовали 431, тыс. человек, в 2018 году – 387 тыс. человек и в 2009 году 343,7 тыс. человек.

Наибольшее положительное сальдо приходится на город Алматы (14 227 человек). В 2019 году наибольшая доля прибывших приходятся на города Нур-Султан (19,7%), Алматы (19,1%), Шымкент (10,9%), Туркестанскую (12,2%) и Алматинскую (10,1%) области. Наибольшая доля выбывших была зафиксирована в Туркестанской (15,3%), Алматинской (14,9%) областях и городах Нур-Султан (11,7%), Шымкент (9,7%) и Алматы (11,3%). Самые высокие показатели отрицательного сальдо миграции были зарегистрированы в Алматинской (20,9 тыс. человек), Туркестанской (13,3 тыс. человек) и Восточно-Казахстанской (10,0 тыс. человек) областях, самые низкие в Павлодарской (567 человек) и Актюбинской (905 человек) областях.

В заключении хотелось бы отметить, что на сегодняшний день внутренняя миграционная активность населения во много раз превышает внешнюю миграционную активность населения. В формировании демографической ситуации на уровне региона роль миграции населения возрастает. Это особенно актуально для Акмолинской, Карагандинской, Костанайской, Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Павлодарской областей, где наряду с высокими оттоком населения в другие регионы Казахстана продолжается высокая убыль по внешней миграции населения.

В Казахстане наблюдается миграционный отток населения почти во всех регионах. Исключением являются города республиканского значения – Нур-Султан, Шымкент и Алматы, а также Мангистауская область. Причинами притока населения в эти регионы являются:

- социальные факторы: наличие вакантных рабочих мест, относительно высокая оплата труда, возможность карьерного роста, развитие в регионе образовательных услуг, высокий уровень развития инфраструктуры;
- благоприятное развитие экономической ситуации: высокий уровень заработной платы, стабильный экономический рост, развитость предпринимательской среды;
- экологическое состояние региона: благоприятный климат, низкий уровень загрязнений (в сравнительно меньшей степени чем в некоторых регионах исхода мигрантов).

В случае Мангистауской области, приток населения связан с развитием нефтяной отрасли и ее вспомогательных отраслей, предоставляю-

щих высокооплачиваемые рабочие места.

Главными причинами оттока населения из регионов РК являются:

- Сравнительно низкий уровень доходов населения в регионе исхода;
- Желание возвратиться на историческую родину и воссоединение с членами семьи, которые уехали раньше;
- Отсутствие возможностей для карьерного роста, самореализации и дефицит стабильной и достойно оплачиваемой работы в областях;
- Жилищные проблемы и личные мотивы;
- Экологическая обстановка в регионе.

Среди этносов, проживающих на территории РК, наиболее активная миграционная активность наблюдается среди казахов (по внешней иммиграции и внутренней миграции) и среди европейских этносов (по внешней эмиграции).

Во внешней миграции населения общей тенденцией для европейских этносов является миграционный отток на историческую родину, а для азиатских этносов - приток из близлежащих к РК территорий.

Но, несмотря на стабильный приток этнических казахов, снижаются темпы их прибытия, и они не могут компенсировать потери от оттока (в основном европейских этносов) из страны. Как следствие, укрепляется отрицательное сальдо миграции. Ситуацию усугубляет также тот фактор, что из года в год растет эмиграция казахов.

Во внутренней миграции увеличилась активность кавказских народов, дунган, уйгур и узбеков при миграции в северные и центральные регионы страны, особенно в Северо-Казахстанскую, Павлодарскую и Карагандинскую области. Вероятнее всего, это происходит благодаря квотам по внутренним перемещениям, которые реализуются в рамках Концепции миграционной политики и в рамках третьего направления Программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017-2021 годы, а также образовательной программы «Серпін-2050».

Миграцию населения контролировать могут только те страны, которые являются «закрытыми» государствами, например, как Северная Корея или Туркменистан. Для других же стран миграция населения — это демографический процесс, который может только отслеживаться для формирования необходимых мер миграционной политики. Казахстан, на сегодняшний день, является страной транзитной для миграционных потоков из других стран. Наша страна не привлекательна для иммиграционных потоков из стран с высоким уровнем эмиграционных настроений.

Потоки миграции населения в мире являются отражением третьего

демографического перехода, когда для развития населения главную роль начинает играть миграционное движение, а не естественный прирост.

Потери/выигрыши от миграционного движения зависят от качественного замещения выбывшего населения вновь прибывшим. Зачастую бывает так, что качественный состав эмигрантов не всегда сопоставим с характеристиками иммигрантов. Это особенно актуально для Казахстана. Прибывшие иммигранты зачастую не улучшают качество человеческого капитала, а наоборот ухудшают. Ведь профессиональный и возрастной состав иммигрантов несопоставим с показателями эмигрантов. Кроме того, эмиграция имеет объемы несколько раз выше, чем объемы иммиграции. Для привлечения иммигрантов с высоким человеческим капиталом нужно в стране создать привлекательные для них условия. Обозначение данной проблемы Главой государства в своем Послании народу Казахстана от 1 сентября 2021 года и поручение формирования новой Концепции миграционной политики на 2022-2026 годы должно стать дополнительным витком в развитии миграционной политики страны.

Необходимо в первую очередь сделать качественную оценку развития народонаселения в стране и сформировать последовательную демографическую и миграционную политику. И определить приоритеты: акценты в иммиграционной политике расставлять не только на этническую репатриацию (как сейчас), но и усиливать меры по привлечению мигрантов с высоким предпринимательским, инновационным потенциалом и высоким человеческим капиталом.

Садвокасова А.К.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА

Период обретения независимости и 30-летний рубеж суверенного развития Республики Казахстан проходил в режиме активного поиска путей построения нового государства, встраивания собственной линии роста и социального прогресса.

Парадигма нового государства на рубеже двух тысячелетний была связана с быстрой модернизацией в трех измерениях: экономической, политической и социальной. В оборот был введен термин «тройного транзита», который предполагал кардинальное изменение экономической структуры, политического устройства и социальных стандартов. Известный политолог Ж. Х. Джунусова писала: «В Казахстане происхо-

дит одновременный переход: от диктатуры к демократии; от командной экономики к свободному рынку; от составной империи к национальному государству» (Джунусова Ж.Х., Астана, 2003).

Политические и экономические реформы были ощутимы для широких слоев общества. Высокий уровень безработицы и бедности, демократические выборы и формирование политических институтов власти требовали быстрых решений и эффективных результатов.

Вопросы межэтнических отношений в большей степени были актуальны с позиции политической стабильности и снижения рисков для упрочения позиций независимости. Конституционные нормы и законы страны с нарождающейся демократией предусматривали международные стандарты в области прав человека и статуса гражданина. На этапе первого десятилетия независимого развития Казахстана эти меры показали свою эффективность и правильность выбранного пути.

Этносоциальная ситуация в Казахстане сохраняла сложившиеся в советский период характеристики, а именно:

- Полиэтничность с доминированием двух крупных этнических компонентов – казахского и русского;
- Традиционные ареалы компактного проживания азиатских (или восточных) этносов на юге страны с аграрным укладом жизни;
- Доминирование славянских, европейских этнических групп в центральных, восточных и северных регионах с индустриальным развитием экономики.

Как отмечается в работе Аубакировой и Алексеенко «Присутствовала жесткая этническая дифференциация расселения и экономической деятельности» (Аубакирова, Алексеенко, 2020).

Территориальное расселение в регионах страны сложилось непропорционально, что также стало одним из исходных характеристик социально-демографического развития в период независимости.

Статистический анализ демографических процессов в период 1999-2018 г., который был проведен Г.А. Омаровой и К.М. Мурзаходжаевым позволил сделать авторам вывод о том, что «традиционное территориальное размещение населения по основным регионам не претерпело в условиях его суверенитета особых изменений».

Согласно демографическому прогнозу до 2050 г., опубликованном на сайте Центра развития трудовых ресурсов (<https://iac.enbek.kz/ru/node/1163>) наибольшая доля населения приходится на южные регионы и мегаполисы.

Южные регионы включают в себя Алматинскую, Жамбылскую, Кы-

зылординскую и Туркестанскую области. По этнической представленности в этих регионах проживают представители более 100 этнических групп в различных количественных показателях. В общем макрорегиональном разрезе населения Южный макрорегион занимает 32% в высоком уровне рождаемости в 37%. При высоком уровне притока - 28%, имеет высокий уровень оттока населения - 37% (см. Рис. 1).

В прогнозном сценарии этот регион не будет ниже трети населения всей страны до 2050 г. (см. Рис.2).

Мегаполисы – Нур-Султан, Алматы, Шымкент имеют также север и центральные макрорегионы с потенциально низким демографическим потенциалом согласно прогнозам будут продолжать терять население в 2050 году (см. рис. 1, 2).

Рисунок 1. Настоящее: региональные диспропорции⁴

Рисунок 2 – Прогнозы. Региональные диспропорции⁵

Соответственно, существующие диспропорции в региональном раз-

4. <https://iac.enbek.kz/ru/node/1163>

5. <https://iac.enbek.kz/ru/node/1163>

резе имеют тенденцию сохранения за счет высокой рождаемости и миграции в южном макрорегионе и низкой рождаемостью и высоким уровнем миграции в северном и центральном макрорегионе.

Социально-экономическое развитие регионов также имеет существенные различия. Так, согласно данным Finprom.kz в сентябре текущего года в числе наиболее бедных регионов оказались Туркестанская обл., Акмолинская обл., г. Шымкент. При этом отмечается, что уровень бедности в сельской местности в два раза выше по сравнению с городской - 6,8% против 3,4%⁶. Наиболее высокий уровень сельского населения в Туркестанской обл. - 79,9%. Чуть более половины населения Акмолинской обл. – 52,7% проживает в сельской местности. Таким образом, существующие диспропорции в демографическом аспекте имеют существенное значение для социально-экономического развития регионов. Взаимосвязь между этнодемографической структурой и уровнем социально-экономического развития была заложена в советский период и в настоящее время предпринимаются попытки модернизации этой структуры.

В определенной степени первые очертания этих изменений наметились. Более того, период пандемии и кризиса запустил новые механизмы и расширил возможности для реструктуризации процессов социально-экономического планирования и развития.

Отметим важные тренды, которые позволяют увидеть некоторые изменения.

1. Тренд «Люди прежде всего» в реформировании системы государственного управления. В рекомендациях по итогам исследования «Государственное управление в Республике Казахстан «Сильное государство. Зрелое общество» (Искекешев, Жакыпова и др, Нур-Султан, 2020) были предложены инициативы по переходу к реализации задачи по улучшению благосостояния граждан, где важным элементом выступает участие граждан в формировании управленческих решений.

2. Совершенствование региональной политики, озвученном в Послании Президента РК от 1 сентября 2021 г. было отмечено, что «в региональной политике первостепенное внимание нужно сфокусировать на снижении дисбалансов в социально-экономическом развитии. Следует правильно сочетать специфические для каждого региона задачи с общенациональными приоритетами».

3. Признание трудовой мобильности как возможности повышения уровня благосостояния. Первые итоги реализации в рамках программы

6. <http://finprom.kz/>

«Еңбек» переселения из трудоизбыточных в трудодефицитные регионы страны. Разработка новой Концепции миграционной политики Казахстана на 2021-2025 гг.

4. Внедрение новых форм занятости и законодательное регулирование дистанционной занятости. Смена парадигмы занятости от государственного сектора к частному.

Регионы, традиционно демонстрирующие высокий уровень демографического прироста, как уже отмечалось, имеют более этнически разнообразную среду.

Неравномерный рост численности населения и попытки выравнивания социально-экономических условий регионов стали одним из условий для разработки и реализации ряда государственных программ.

В сфере занятости: В рамках Программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017-2021 годы «Еңбек» (*Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 13 ноября 2018 года № 746*) работает механизм переселения людей из трудоизбыточных регионов в трудодефицитные. Согласно оценке реализации программы, проведенного по инициативе Международной организации по миграции.

Так, по данным опубликованного исследования в период с 2017 по 2020 гг. Было переселено 16 990 чел. В Северо-Казахстанскую, Костанайскую, Павлодарскую и Восточно-Казахстанскую области. При этом наибольшее количество переселенцев приходится на СКО – 6 765 чел. или 2 045 семей (Казмеркевич, Садвокасова, Багай, Джампеисов, 2021).

12 октября т.г. на заседании Правительства под председательством Премьер-Министра РК Аскара Мамина рассмотрены национальные проекты, которые 24 сентября т.г. концептуально одобрены Главой государства на заседании Высшего совета по реформам. «Сильные регионы – драйвер развития страны»⁷.

В сфере образования:

Гранты по программе «Серпін» на обучение студентов из южных регионов в университетах северных областей: Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, ВКГУ.

В этих регионах профессиональное образование больше ориентировано на занятость в бюджетной сфере (образование, медицина).

Республиканская программа «Серпін – 2050» была запущена в 2014

7. Источник: <https://primeminister.kz/ru/news/pravitelstvo-utverdilo-nacionalnye-proekty-razvitiya-1292625>

году в рамках проекта «Мәңгілік ел жастары – индустрияға» с целью равномерного распределения образовательных ресурсов и содействия трудовой занятости. В связи с этим был выработан механизм реализации данной программы – *образовательная миграция молодежи* в особенности из южных областей Казахстана в северные, западные и восточные регионы страны.

Были отобраны те южные доноры-регионы, уровень трудовой занятости которых составляло норму, а то и переизбыток, – это Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Мангистауская и Туркестанская области. В качестве принимающих сторон, испытывающих нехватку рабочих кадров, выступили Акмолинская, Актюбинская, Атырауская⁸, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области.

Проект реализуется Министерством образования и науки Республики Казахстан (МОН РК), акиматами областей и города Нур-Султан.

С 2014 года ежегодно за счёт республиканского бюджета выделяются государственные образовательные гранты абитуриентам для обучения в высших учебных заведениях (вузах) и в организациях технического и профессионального образования (ТиПО).

В 2014-2015 гг. было выделено 2050 грантов, в том числе вузам – 1050 мест (потушили 540 человек), ТиПО – 1000 мест. В 2015-2016 гг. – 6200 грантов, вузам – 5000 мест, ТиПО – 1200 мест. В 2017-2018 гг. – 4513 грантов, вузам – 3793 места, ТиПО – 720 мест. В 2019 году из 5000 грантов по программе «Серпін» было освоено 2400 грантов.

Основное требование для поступления в учебное заведение по программе «Серпін» абитуриенту следует набрать на едином национальном тестировании (ЕНТ) не менее 50-ти баллов.

По сведениям СМИ, в 2018 году по программе «Серпін» окончили вуз 931 студент, а в 2019 году – 4000. Согласно МОН РК, в 2018 году было трудоустроено 50% выпускников программы «Серпін». В 2018 году из Павлодара уехали 70% выпускников программы «Серпін» – из 67 вернулись в южные области 47 человек. Для снижения возвратной миграции выпускники данной программы были включены в приоритетный список лиц, которые могут трудоустроиться в рамках программы переселения Юг-Север.

В сфере этнической миграции: переселение в Казахстан с учетом потребностей регионов принятия.

8. Атырауская область стала реципиентом спустя год в 2015 году

С начала года 14 358 этнических казахов вернулись на историческую родину и получили статус кандаса, передает **Tengrinews.kz** со ссылкой на пресс-службу Министерства труда и социальной защиты населения.

В ведомстве отмечают, что всего с 1991 года в Казахстан вернулись 1,084 миллиона этнических казахов.

Большая часть этнических казахов в этом году прибыла из Узбекистана - 76,3 процента. 9,4 процента являются выходцами из Китая, 6,4 процента - из Туркменистана, 2,5 процента - из Монголии и 5,4 процента - из других стран.

Вернувшиеся на родину этнические казахи поселились:

- в Алматинской области (28 %);
- в Мангистауской области (19,3 %);
- в Туркестанской области (13,5 %);
- в Жамбылской области (8,1 %);
- а также в городе Шымкенте (10,7 %).

Среди получивших статус кандаса 55 % переселенцев в трудоспособном возрасте, 27,9 % человек моложе трудоспособного и 17,1 % - пенсионеры.

Из числа кандасов трудоспособного возраста по уровню образования 11,1 процента имеют высшее образование, 39,8 процента - среднее специальное образование, 45,5 процента - общее среднее образование и 3,6 процента не имеют образования⁹.

Таким образом, за годы независимости со стороны государства приняты меры для создания благоприятных условий межрегиональной, этнической и внутренней образовательной миграции. Эти процессы привели к формированию новых социальных групп в обществе и каналов коммуникации между различными этническими группами, проживающими в разных регионах Казахстана.

Задачи, которые стоит перед государством заключается в интеграции и формировании общей идентичности с учетом новой этнодемографической ситуации. Выравнивание социально-экономического и демографического дисбаланса регионов тесно связано с сокращением дисбаланса и в этносоциальной структуре регионов. Это имеет важное значение для сохранения стабильных отношений в обществе, что подчеркивает общественно-политическую значимость данных мер. Об этом было сказано на ХХІХ сессии Ассамблеи народа Казахстана Первым президентом Елбасы Н. А. Назарбаевым. Принципы, на которые будет ориентирована государственная политика и новая идентичность нации в ближайшие годы:

9. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/14-tyisyach-kazahov-poluchili-status-kandasa-nachala-goda-450987/

- принцип казахстанского патриотизма, основанного на доверии и взаимодействии между государством и гражданами;
- принцип гражданского равноправия;
- принцип объединяющей роли государственного языка;
- принцип «Единства в многообразии», который фактически активно дополняется принципом интеркультурализма;
- принцип постоянной модернизации нации.

Практические задачи, которые необходимо решать на данном этапе заключаются в снижении рисков адаптации и интеграции в новых регионах расселения:

1. внедрение инклюзивных образовательных и просветительских проектов в регионах прибытия и выбытия;
2. социальная и культурная адаптация переселенцев в новых регионах;
3. принятие мер для профилактики бытовых конфликтов;
5. создание общего дружественного языкового и информационного пространства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Джунусова Ж.Х. Социальная и политическая системы РК: ассиметричность трансформации //Социальная структура современного общества //Материалы международной научно-практической конференции 12 июня 2003 г. – Астана, 2003. // Ж.Х. Джунусова: Ученый. Политолог. Личность. Астана, 2017, С. 109.
2. Аубакирова Ж.С., Алексеев А.Н. Казахи в контексте демографической истории. Нур-Султан, 2020.
3. Г.А. Омарова, К.М. Мурзаходжаев. Этно-демографическое развитие населения Казахстана (1999-2018 гг.) //Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 2(18), 2019 // <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1094>
4. Казмеркевич П., Садвокасова А., Баглай Б., Джампеисов Д. 2021. Оценка Программы переселения Юг-Север. Международная организация по миграции (МОМ), Казахстан. www.iom.int, www.iom.kz

Сарсембаева Г.А.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

(Статья подготовлена в рамках реализации грантового научного

проекта АР09260600 «Региональные особенности репродуктивного поведения городских казашек: тенденции и перспективы», финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан»)

В современный период численность населения Казахстана стабильно увеличивается. В формировании положительных тенденций динамики численности населения все более отчетливее прослеживается влияние эндогенных факторов. Остановимся на эволюциях основных показателей рождаемости. В период 2000-2020 годы происходит рост общего коэффициента и суммарного коэффициента рождаемости населения Казахстана в городах и селах (рисунок 1, 2).

В связи с тем, что более корректную оценку динамики рождаемости иллюстрирует ее суммарный коэффициент, рассмотрим его подробнее. Суммарный коэффициент рождаемости в среднем по Казахстану в 2020 году составил 3,13, достигнув наибольшего значения за период с 2000 года, и увеличившись на 73%.

У сельского населения суммарный коэффициент рождаемости выше, чем у городского (в 2020 году – соответственно 3,53 и 2,89). Однако в начале 2000-х в городских поселениях суммарный коэффициент рождаемости повышался более устойчиво и существенно, чем в сельской местности.

Региональный анализ суммарного коэффициента рождаемости в 2020 году выявил, что наибольшая его величина зафиксирована в Туркестанской (4,75), Мангистауской (4,26), Алматинской (4,03), Жамбылской и Кызылординской (3,96), Атырауской областях (3,86), то есть в Южном и Западном регионах Казахстана.

Самые низкие показатели суммарного коэффициента рождаемости в Костанайской (1,89), Северо-Казахстанской (2,03), Павлодарской (2,3), Карагандинской (2,41) и Восточно-Казахстанской областях (2,48) или на Северо-Востоке страны.

Как видим, суммарный коэффициент рождаемости в Туркестанской области более чем в два раза выше в сравнение с областями Северного Казахстана. Те же региональные особенности характерны для общего коэффициента рождаемости.

В связи с тем, что Южный и Западный Казахстан – это районы сосредоточения титульного населения, региональный анализ коэффициентов рождаемости позволяет утверждать, что их динамику сегодня определяют казахи.

Таким образом, для современного периода демографического развития Казахстана характерно повышение коэффициентов рождаемости как у всего населения, так и у казахов, в частности. Более того, динамика суммарного коэффициента рождаемости за последние 20 лет иллюстрирует тенденцию приближения его к показателям слаборазвитых стран мира. К примеру, СКР таких стран, как Лесото (Южная Африка), Кения, Пакистан, Тонга составил в 2019 году в среднем 3,0–3,5 [1]. Для простого воспроизводства населения при современном уровне смертности необходим суммарный коэффициент рождаемости в 2,1.

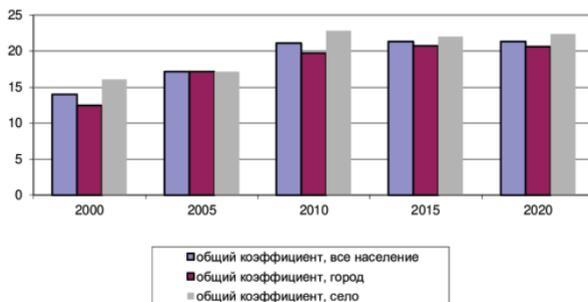

Рисунок 1 - Общий коэффициент рождаемости населения Казахстана по данным текущей статистики 2000–2020 гг. [2, 3]

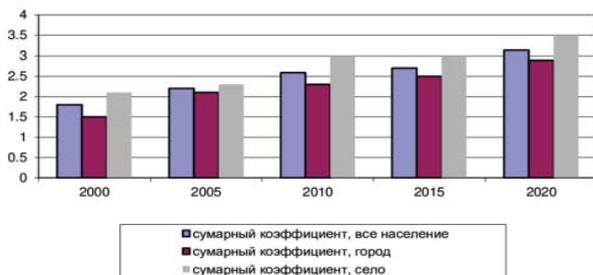

Рисунок 2 - Суммарный коэффициент рождаемости населения Казахстана по данным текущей статистики 2000–2020 гг. [2, 3]

Если проанализировать СКР на протяжении всего суверенного периода, то можно заметить, что динамика его не была однозначной. То есть в

90-е годы отмечается заметное сокращение анализируемого показателя с 2,73 в 1991 г. до 1,8 в 1999 г. В последующий же период, как отмечалось выше, происходит рост СКР с 1,8 в 2000 г. до 3,13 в 2020 г.

Сокращение СКР в 90-е годы произошло вследствие экономического кризиса, а также активизации процессов урбанизации казахского населения. С этого времени наблюдается тенденция перестройки репродуктивного поведения казахов в сторону суженного воспроизводства.

Доказательством вышесказанному служат результаты двух социолого-демографических исследований, которые проводились в 2003 г. и 2013 г. в Восточном Казахстане [4]. Целью их был анализ особенностей репродуктивного поведения казахского населения, подтверждение или опровержение предположений о трансформации прокреационных установок у автохтонов. Репродуктивные установки были изучены на основе социологического обследования мнений женщин региона. В 2003 году был проведен социологический опрос, в 2013 году – глубинное интервью. Данные исследований позволили сделать вывод об изменениях в репродуктивном поведении женщин региона, переходе от традиционных установок к современным, особенно в молодых возрастных группах. При этом, данные трансформации были адекватны социально-экономическим преобразованиям страны (на тот период). Урбанизация и начавшаяся модернизация общественной жизни происходили в совокупности с эволюционными процессами, вызванными демографическим переходом. При этом все еще ощущалось действие инерционных, традиционных демографических тенденций. Анализ материалов исследований по возрастным группам показал, что традиционные установки прослеживались в целом у представительниц старших когорт казахского населения.

Несмотря на то, что анализ репродуктивных установок женщин был проведен в региональном разрезе, он давал достаточно объективную картину рассматриваемого явления, так как данные тенденции в той или иной степени были присущи всем регионам республики.

Сглаживание региональных различий репродуктивного поведения подтверждается данными исследования, проведенного ученым Есимовой А.Б. в 2005 году «Особенности репродуктивного поведения и проблемы реализации репродуктивных прав женщин» [5]. Так, согласно результатам названного исследования, по таким составляющим репродуктивного поведения, как: количество детей в семье, определение репродуктивного периода, причинная обусловленность детей, существенных региональных различий не выявлено, за некоторым исключением (Южно-Казах-

станская область).

Об обозначившейся тенденции перестройки демографического поведения говорят также эволюции в возрастных коэффициентах рождаемости. В молодых возрастных группах населения рождаемость сокращается. В старших же и средних возрастных когортах, напротив, увеличивается. То есть, налицо так называемое «постарение» рождаемости, или сдвиг интенсивности деторождений в старшие возрастные группы.

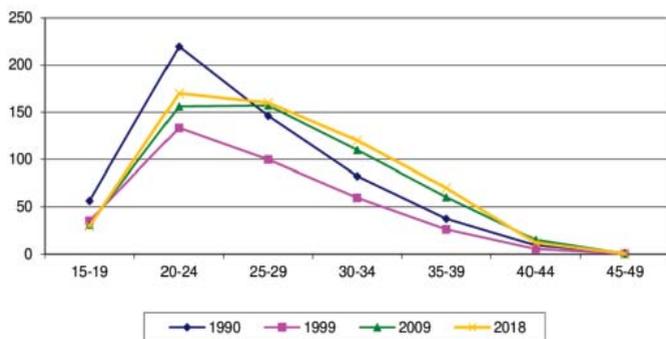

Рисунок 3 - Возрастные коэффициенты рождаемости по данным текущей статистики 1990, 1999, 2009, 2018 гг., на 1000 женщин соответствующих возрастов [2, 3, 6, 7, 8]

Таким образом, в 90-е – начало 2000-х годов у казахского населения наметилась тенденция смены типа воспроизводства от традиционного к современному, перестройки репродуктивного поведения в сторону модернизации. Однако, указанный выше рост СКР в последующий период (до 3,13 в 2020 г.) ставит под вопрос устойчивость данной тенденции. Более того, возрастные коэффициенты рождаемости иллюстрируют рост ее в молодой группе населения (20-24 лет) за последние двадцать лет. Согласно же классической модели демографического перехода рождаемость в этой возрастной когорте должна была сокращаться.

Суженное воспроизводство характеризуют сокращение коэффициентов рождаемости, ее постарение, нуклеаризация семьи, рост разводов, неполных семей и прочее. Согласно же данным по брачной и внебрачной рождаемости, доля родившихся вне зарегистрированного брака ежегодно снижается – с 24,4% в 2005-м до 13,0% в 2017 году [3]. Одной из причин

указанного снижения, видимо, является увеличение доли вторых, третьих и последующих рождений, среди которых рождения вне зарегистрированного брака традиционно распространены реже, чем среди первых рождений. Другой причиной является рост влияния национальных традиций и религиозных норм на репродуктивное поведение. Так, наименьший процент родившихся вне зарегистрированного брака в Атырауской (2017 г. – 6,9%), Мангистауской (6,9%) и Кызылординской (7,7%) областях, то есть в регионах, где сильны национальные и религиозные традиции и проживает преимущественно казахского население. Доля родившихся вне зарегистрированного брака у городского населения (2017 г. – 13,4%) несколько выше, чем у сельского (12,4%). Но разница между ними в величине этого показателя сокращается (в 2005 году она превышала 5%; соответственно 26,6% и 21,3%), а в 2014 году в сельской местности доля родившихся вне зарегистрированного брака (15,2%) была даже выше, чем в городских поселениях (14,8%) [3]. Это говорит о продолжающейся урбанизации титульного населения, которое определяет теперь не только общие показатели рождаемости в городах, но и показатели по внебрачной рождаемости.

Итак, современную ситуацию в процессах воспроизводства населения республики характеризуют рост рождаемости в младшей возрастной группе (20-24 лет), сокращение внебрачной рождаемости и, самое главное, увеличение суммарного коэффициента рождаемости. То есть, начавшееся движение «от традиционного к современному» сегодня замедляется и меняет свою траекторию. Это иллюстрирует сложность и неоднозначность феномена демографического перехода, наличие различных вариантов помимо классических схем, примером чему служит современная ситуация в РК.

Попытаемся разобраться в ней. Среди причин роста рождаемости казахского населения республики можно назвать как непосредственно демографические (вторая волна демографического взрыва 60-х годов XX века; отложенные рождения поколения 70-х годов, вступивших в репродуктивный возраст в кризисные 90-е годы; иммиграция репатриантов из Китая и Монголии с традиционными прокреационными установками), так и социально-экономические (мероприятия государства по улучшению демографической ситуации в РК). Однако, на наш взгляд, всё вышесказанное, действуя в той или иной степени, не является главной причиной набирающего силу демографического тренда.

Чтобы обозначить основной фактор повышения рождаемости ка-

захов в современное время необходимо вкратце остановиться на ретроспективе воспроизводства, рассмотреть трансформации в соотношении смертность-рождаемость в прошлом.

На протяжении длительного времени для казахов были присущи высокая смертность и высокая рождаемость. Показатели смертности резко повышались в периоды джутов, голода, набегов. В последующее за указанными событиями время потери этноса постепенно восполнялись высокой рождаемостью.

В советский период соотношение смертность-рождаемость у казахов претерпевает значительные изменения. В контексте сказанного наиболее значимыми были 50-60-е годы. Казахстан, являясь одним из важных регионов освоения целинных и залежных земель, становится объектом крупных инвестиционных поступлений в экономику. За короткое время в республике повышается уровень медицины, уровень жизни населения, семьи начинают получать социальную помощь со стороны государства. Советская система социальной поддержки многодетных и сельских семей, существенное сокращение младенческой и детской смертности привели к демографическому взрыву. Однако, уже в 80-е годы происходит сокращение показателей рождаемости. Так, СКР казахов в 60-е годы был 7,4, в 80-е годы – 3,6, сокращение более чем в два раза. На данные эволюции заметное влияние оказали процессы урбанизации, русификации, повышение уровня образования автохтонов. То есть, начиная со второй половины XX века оформились предпосылки для начальных фаз демографического перехода. 90-е годы ускорили последующие стадии перестройки типа воспроизводства. Однако, резкое снижение рождаемости и рост смертности, которыми характеризуется данный период, нельзя рассматривать как устоявшуюся тенденцию, вследствие большой обусловленности демографических процессов экономическим кризисом и ухудшением уровня жизни населения. Тем не менее, именно на это время приходятся очередные фазы демографического перехода казахов. Как указывалось выше, наблюдается тенденция перестройки репродуктивного поведения титульного населения в сторону суженного воспроизводства.

Начало XXI века ознаменовалось улучшением социально-экономической ситуации в стране, что повлекло за собой рост рождаемости. Согласно классической модели демографического перехода, на этой стадии развития рост рождаемости замедляется. Однако, этого не происходит. Более того, как видно из рисунка 2, СКР стабильно растет. Несмотря на

то, что показатели рождаемости определяются в целом Южным и Западным регионами, данная тенденция постепенно распространяется на весь Казахстан.

Сложившееся положение дел, на наш взгляд, объясняется большей обусловленностью рождаемости, в сравнение со смертностью, социокультурными факторами. Более того, эволюции рождаемости за последние десять лет иллюстрируют влияние на них идеологии и стратегических приоритетов государства. Смена внутривнутриполитического курса страны от создания казахстанской нации до создания национального государства на основе национальной (казахской) культуры, истории и традиционных ценностей (стратегическая программа «Рухани жангыру»), постепенно приводит к архаизации и этнизации общества. Объявленную в тех же государственных программах модернизацию экономики и общественной жизни страны предполагают реализовывать на традиционной основе («возврат к корням», «возврат к прошлому»). Как показывает опыт других стран, вставших на путь так называемой консервативной модернизации (на основе традиционных норм и ценностей) и не добившихся существенных успехов в этом направлении, данный курс нежелателен для Казахстана.

Демографические процессы, являясь составной частью всего социально-экономического и общественного развития, трансформируются в соответствие с обозначенными государственными приоритетами. Отсюда возврат к традиционным моделям репродуктивного поведения, повышение рождаемости. Вследствие активной урбанизации казахов (в 2018 г. - 62% в общей численности всего городского населения), высокие показатели рождаемости характерны не только для сел, но также и для городов республики.

Еще одним фактором обозначенной тенденции в динамике рождаемости является попытка казахов противостоять вызовам глобализации, которая может повлечь за собой процессы дальнейшей русификации, вестернизации и прочее. Риск утраты национальной идентичности, растворения в западной или какой-либо другой культуре, приводит к попытке накопления демографического потенциала, обеспечивающего сохранение национальной ментальности казахов.

Таким образом, современный период развития демографических процессов Казахстана характеризуется ростом рождаемости и замедлением перехода от традиционного типа воспроизводства к современному. В связи с тем, что состав населения Казахстана с каждым годом становится

все более моноэтничным, а стратегические программы государства ориентированы на долговременный период, можно прогнозировать устойчивость обозначенной тенденции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Fertility rate, total (births per woman) (англ.). The World Bank (16.12.2020).
2. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. / Под редакцией Шокаманова Ю.К./ Алматы, 2006. – С. 157–159.
3. <https://stat.gov.kz/search>
4. Репродуктивные установки женщин Восточно-Казахстанской области. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2006. – 256 с. – с. 198-230.
5. Есимова А.Б. Особенности репродуктивного поведения и проблемы реализации репродуктивных прав женщин Казахстана. Шымкент: Гасыр-Ш, 2006. - 152 с.
6. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Алматы, 1998. – с. 103.
7. Демографический ежегодник Казахстана. 2005. Статистический сборник. Алматы, 2005. – с. 45.
8. Демографический ежегодник Казахстана /Статистический сборник/ на казахском и русском языках / Под ред. А.А. Смаилова / Агентство Республики Казахстан по статистике/ Астана, 2012. – С. 206.

Столярова Э.О.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

(по материалам социологического исследования)

(Статья подготовлена в рамках реализации грантового научного проекта AP0885620 «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан», финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан)

Казахстан – это стратегически важный регион евразийского пространства, обладающий рядом специфических характеристик. Имея огромную территорию при низкой плотности населения, он территориально граничит с такими «демографическими тяжеловесами» как Россия, Китай и Узбекистан.

Известно, что демографические процессы реализуются в двух основных формах: естественное движение населения или процесс воспроизводства (сочетание субпроцессов смертности и рождаемости) и механического движения или миграций (внешних и внутренних). Соответственно, для каждой формы в отдельности и для их сочетания потенциально возможны как позитивные сценарии развития, так и риски, при определенных обстоятельствах, способные перерасти в угрозы демографической и государственной безопасности.

Задачами, которые решались в процессе реализации проекта «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан», было выявление репродуктивных и миграционных установок, которые характеризуют сознание современной казахстанской молодежи. Основной форма сбора социологической информации был выбран формализованный опрос (анкетирование), состоявшийся в онлайн-формате в период с мая по июнь 2021 года. Необходимо различать понятие «установки» и понятие «поведение». Если поведение, то есть уже свершившиеся факты, позволяет зафиксировать статистика, то установки – это некие ценностные ориентиры, которые отражают проекцию предполагаемого и/или желаемого поведения. Установки могут реализоваться или не реализоваться в поведение под воздействием многих макро- и микро-факторов. Следовательно, имея картину установок в репродуктивной и миграционной сферах, можно предполагать развитие определенных сценариев социальных процессов с учетом этих факторов. Следующий шаг – научно обоснованное воздействие, которое призвано снизить риски негативного развития и создать оптимальные условия для раскрытия возможностей.

В современных казахстанских городах среди молодежи распространены разные типы репродуктивных установок: традиционные (многодетность), модернизированные (малодетность, среднететность). Наблюдается прирост из зон многодетности и малодетности в зону среднететности. Этот вектор характерен для всех регионов, но его начальные точки разные – на юге и западе за счет снижения установок на многодетность, на севере и востоке за счет снижения установок на малодетность.

Мотивами репродуктивных установок является безусловная ценность детей. В эту ценность включается фактор социальных гарантий, которые должны обеспечить дети в будущем, на случай болезни и старости родителей. Такая мотивация косвенно указывает на низкий уровень доверия к специализированным социальным институтам и является характерной для традиционного общества, где государство не решало вопросов социального обеспечения населения. Сохранение подобной моти-

вазии у современной молодежи – свидетельство серьезных дисфункций государственной системы социального обеспечения.

Степень сформированности запроса на условия социализации детей не высока – четыре фактора, способных оказать значимое влияние на принятие решения о рождении ребенка указали респонденты: 1) Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности); 2) Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр); 3) Отсутствие благоустроенного жилья; 4) Отсутствие доступных учреждений дошкольного воспитания и развития (детские сады, детские центры раннего развития). Но, даже они набрали лишь 40–50%. А такое базовое условие как доступность качественного школьного образования (право, гарантированное Конституцией РК) указали только треть респондентов.

То есть, по результатам опроса, даже отсутствие этих условий, определяющих возможности трансформации социальных ресурсов в развитый социальный капитал страны, не будет оказывать значимого влияния на репродуктивное поведение опрошенных.

В том, что касается миграционных установок респондентов, также можно сделать ряд выводов.

Для участников опроса характерны более высокие установки на внешнюю миграцию, чем на внутреннюю. Это объясняется тем, что все респонденты уже проживают в крупных городах, то есть урбанизационная задача ими уже решена, на повестке дня может стоять вопрос только переезда за границу. Три четверти опрошенных не хотели бы менять место жительства внутри Казахстана. Этот показатель колеблется от 65% на юге до 90% на западе. В тех случаях, когда речь заходит о потенциальной внутренней миграции, из нее практически исключается сельская местность, а среди возможных целей чаще всего называется г. Алматы.

В западном регионе фиксируется самый низкий показатель потенциальной внутренней миграции (около 11%), но самый высокий показатель потенциальной внешней миграции (почти 45%). Самые высокие показатели потенциальной внешней миграции отмечаются не столько в регионах, сколько в конкретных городах – Нур-Султан, Тараз, Актобе. В качестве гипотезы можно предположить, что эти показатели каким-то образом коррелируются с процессами концентрации молодежи и уровнем полученной ими профессиональной и языковой подготовки.

На основе полученных данных можно также предположить, что основные направления, в которых потенциальная миграционная активность может трансформироваться в актуальное миграционное поведение в бли-

жайшие годы, будут определять международными грантовыми образовательными программами. Молодежь поедет учиться за границу не только, и возможно, не столько потому, что считает образование за рубежом лучше, чем в Казахстане, сколько потому, что это наиболее доступный легальный способ расширить свои горизонты. Те государства, которые предложат наиболее привлекательные условия для обучения казахстанской молодежи, имеют все шансы приобрести их в качестве будущего социального капитала.

Сегодня для представителей практически всех регионов наиболее популярной страной для потенциальной внешней миграции выступает Турция, что можно объяснить близостью, языка, культуры и религии. Исключение составляют респонденты из Нур-Султана, которые более ориентированы на Южную Корею, США и Канаду.

Большая часть респондентов не рассматривают модель безвозвратной эмиграции, они предполагают последующее возвращение на родину.

Весьма вероятно, что та часть молодежи, которая решит реализовать отмеченный потенциал внешней миграции, столкнется с рядом серьезных проблем – их ожидания весьма завышены, так как они возлагают основную ответственность за благоустройство на новом месте на принимающее государство. Важно сказать, что и в случае внутренней миграции именно государство, по мнению респондентов, должно взять на себя основную заботу по созданию комфортных условий проживания для внутренних переселенцев.

Основной проблемой, способной перерасти уже в краткосрочной и среднесрочной перспективе в реальные угрозы, видится противоречие между высокими темпами роста рождаемости (особенно в южных регионах) и отставанием условий трансформации человеческих ресурсов в человеческий капитал.

Как показывают результаты опроса, в сознании значительной части молодежи родительство имеет как сакральную ценность – этническая идентичность, связь с идеализированным и мифологизированным традиционным прошлым (некий «золотой век», весьма далекий от исторической реальности), так и рационально-утилитарную – в условиях низкого уровня доверия институтам социального обеспечения дети воспринимаются как гарантия старости более надежная, чем государственная пенсионная система. Сегодня в Казахстане одни из самых высоких пенсий на постсоветском пространстве, но это касается тех, кто в предыдущие десятилетия получил профессиональное образование и работал на достаточно квалифицированных работах несколько десятилетий. Для сельской

местности, с высоким числом самозанятых (что особенно характерно для южных регионов, но не только) преимущества институализированных форм социальной поддержки не очевидны.

Однако, стать опорой старшего поколения выросшие дети могут только в том случае, если они смогут эффективно адаптироваться к новым экономическим условиям постиндустриального города. Это значит, что уже сегодня все дети должны получить доступ к таким условиям социализации, которые позволят сформироваться хорошо образованной личности, обрести «открытое сознание» (один из приоритетов программы Рухани жангыру). В то же время в стране наблюдается не только рост рождаемости, но и рост дефицита мест в общеобразовательных школах, а нехватка учителей младших классов стала насущной проблемой. В этой связи тревожным выглядит результат, когда только треть респондентов назвали отсутствие доступа к качественному школьному образованию в числе причин, способных повлиять на решение о рождении ребенка. То есть, сегодняшняя казахстанская молодежь, выражая различные репродуктивные установки, не просчитывает необходимые условия социализации для своих будущих детей.

В краткосрочной перспективе (3–5 лет) страна рискует столкнуться с ситуацией «обманутых надежд» многочисленного молодого поколения. Такая ситуация в среднесрочной (5–7 лет) и долгосрочной (7–10 лет) перспективе может реализовываться одновременно в несколько негативных сценариев: а) нарастание социальной напряженности в крупных городах, которые были призваны стать «точками роста», рост числа молодежи, чей уровень образования не позволил им обрести конкурентоспособность; б) объективное снижение социальных запросов, как способ избегания социального давления собственной «неуспешности»; в) усиление внешне миграционного оттока наиболее конкурентоспособной молодежи.

Остановимся на этих сценариях подробнее.

Сценарий первый. Ускоренная урбанизация – то есть массовое и быстрое перемещение сельского населения в города, приводит к взрывному росту численности городского населения. Во всем мире основную часть миграционных потоков, как внешних, так и внутренних, составляет молодежь. В Казахстане это для этого явления характерна форма учебной миграции, что вполне логично – город предоставляет такие условия получения профессиональной подготовки, которые не может предложить село. Городское пространство быстро наполняется «новыми горожанами», чья социализация в значительной мере опирается на опыт жизни в сельской местности. Сохраняя сильные связи с традиционной средой, эта

молодежь оказывается вне привычной для них системы общественного контроля.

Далее происходит разделение на две очень различные группы – одна группа – это те, кто прикладывает значительные усилия, чтобы повысить свой образовательный уровень. Они понимают – чтобы добиться успеха в городе, нужно учиться лучше, чем коренные горожане. Другая группа – это те, кто не готов к новым интеллектуальным нагрузкам, обладает слабым самоконтролем, а отсутствие старших родственников буквально кружит голову иллюзией вседозволенности.

Конечно, описываемая ситуация не в полной мере отражает сложность процесса адаптации к городской среде, акценты сделаны на его полярных проявлениях. Но, проблема заключается в том, что представители обеих групп в равной степени подвержены риску не получить достойной и перспективной работы. Одним из важных отличий постиндустриальной экономики XXI века от индустриальной экономики XX века является снижение потребности в рабочих руках. Востребованы интеллект и социально ответственная креативность, для развития которых важнейшее значение имеет качественное образование. Но, как отмечалось выше, система среднего образования уже проявляет явные признаки дисфункции, которые усугубляются с ростом рождаемости. Даже те, кто хотел и старался учиться не всегда имеют возможность стать по-настоящему образованными людьми, что не позволяет поднять уровень конкурентоспособности. Следствием становится радикализация взглядов, рост криминальной составляющей в молодежной среде. Показатели динамики молодежной преступности в ближайшие годы – это один из важных индикаторов, позволяющих отслеживать развитие этого сценария.

Сценарий второй. По счастью, большинство людей склонны к конформному и законопослушному поведению, а значит, большинство молодежи избежит участия в деструктивных объединениях и не станет на путь бунтарства. Способствовать этому будет семейное воспитание, традиции миролюбия и толерантности, открытое информационное пространство и другие позитивные факторы. Но, социальное разочарование, недоступность карьерного роста, творческой профессиональной самореализации, острое имущественное расслоение, которое особенно заметно в городском пространстве – все это будет приводить к формированию защитной реакции, выраженной в снижении жизненных запросов. Этот социальный механизм работает по формуле: если нельзя достичь высокого успеха, значит можно снизить само это понятие. Уже сегодня слышны высказывания молодежи, рассуждающей о своих будущих детях – «как-

нибудь прокормим», «как-нибудь вырастут» и т.д. По данным исследования наличие в шаговой доступности специально оборудованных детских площадок, мест для прогулок с детьми, различных форм дополнительного развития и образования не входят в число обязательных условий для рождения детей для большинства респондентов.

Снижение уровня социальных запросов – это негативное явление для социума, так как именно рост осознаваемых потребностей является главным стимулом к общественному развитию, к прогрессу всей социальной системы. Стремление к росту к конкурентоспособности неразрывно связано с уровнем социальных запросов как на микроуровне личности, так и на макроуровне общества в целом. Этот показатель сложно зафиксировать статистически (хотя косвенно его можно отслеживать по структуре и динамике потребления), но есть достаточно эффективные социологические инструменты, которые позволяют вести мониторинг этого сценария.

Сценарий третий. Сочетание двух разных по содержанию, но схожих по интенсивности процессов – высоких показателей рождаемости и ускоренной урбанизации – в свою очередь, создают условия для реализации третьего сценария, который не является чем-то уникальным, характерным именно для Казахстана. Миграционный отток наиболее конкурентоспособной, активной и адаптивной части молодежи – это проблема очень многих стран. Но, в Казахстане этот процесс дополнительно стимулируется целым рядом факторов. Эти факторы, рассматриваемые отдельно от обозначенной проблемы, могут оцениваться как с негативной, так и с позитивной позиции:

1) Быстрая концентрация большого числа молодежи в нескольких крупных городах. Происходит стремительное изменение не только численности городского населения, но и возрастной структуры – города «молодеют», а сельская местность неминуемо «стареет». Действующие государственные программы, призванные вернуть получившую в городах образование молодежь в село, не дают желаемого эффекта.

2) Острое отставание городской инфраструктуры и городской экономики (число рабочих мест, привлекательных для молодежи, возможности карьерного роста). В городах и пригородах интенсивно формируются социально неблагополучные районы, где зачастую отсутствуют элементарные условия для жизни и развития.

3) Существование различных моделей ценностей, которые условно можно обозначить как «модернизационные» и «традиционные», что порождает внутреннюю социальную напряженность, способную пере-

растать в открытые конфликты.

4) Низкий уровень доверия социальным институтам, государственным структурам в сочетании с сильными патерналистскими настроениями.

5) Исторически короткий период урбанизации не достаточен для формирования зрелого гражданского общества, способного отразить общественные интересы и проблемы и принять организованное участие в их решении.

6) Открытость, экономическая и культурная интегрированность современного глобального мира, информационная насыщенность социального пространства.

7) Полиязычие, свойственное большому числу современной казахстанской молодежи.

8) Благоприятная внешнеполитическая конъюнктура, статус Казахстана как миролюбивого государства, не представляющего угрозы. Это отношение трансформируется в доброжелательное восприятие казахстанцев за рубежом.

Вероятно, названные выше факторы – это далеко не все условия, которые так или иначе способствуют формированию внешних миграционных настроений среди современной казахстанской (в значительной степени, казахской) молодежи.

Фактически, можно говорить о двух формах миграционной активности: внутренняя, имеющая четко выраженный урбанизационный вектор, и внешняя, которая реализуется как уже привычная для многих учебная миграция. Опыт, приобретаемый при переезде в город из сельской местности, позволяет молодежи рассчитывать на успешность следующего шага – продолжения образования за пределами Казахстана. Пройдя первые стадии городской социализации и столкнувшись со все возрастающей конкуренцией, которую далеко не всегда удастся смягчить с помощью традиционных инструментов в виде родственных или клановых связей, наиболее активная часть молодежи проектирует новый вариант достижения успеха: получить образование за рубежом, достичь более высокого профессионального и материального статуса, а затем вернуться на родину «на белом коне» победителя. То есть, в качестве внешней миграционной установки сейчас превалирует возвратная миграция, но будет ли она реализована на практике зависит от условий, которые Казахстан сможет предложить этой продвинутой молодежи. Высоки риски того, что сумевшие добиться успеха в других странах, а значит действительно конкурентоспособные представители нашей молодежи, предпочитают остаться

на более развитых территориях. Результат: казахстанские человеческие ресурсы все-таки трансформируются в человеческий капитал, но социальные и экономические дивиденды от этого получают другие страны. Отслеживать реализацию этого сценария можно на основе статистических данных о миграции.

Описанные сценарии были поименованы как «первый», «второй» и «третий», но реализовываться они могут и, скорее всего, будут одновременно, тем самым усиливая негативную синергию своего воздействия. Элементы этих сценариев актуальны уже сегодня, их игнорирование чревато перерастанием рисков в реальные угрозы демографической и национальной безопасности Казахстана.

Тарасова Е.В.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект №19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности»)

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи, включая ее центральноазиатские окраины, набирали силу инновационные изменения, началась эпоха модернизации. К числу модернизационных подпроцессов относят индустриализацию, урбанизацию, демографическую революцию, бюрократизацию, демократизацию, рационализацию, профессионализацию, образовательную революцию и т.д. [1, с.6]. Согласно классическим европейским подходам к теории модернизации, одним из ее признаков должно быть снижение доли населения, занятого в аграрном секторе. Однако в российской имперской модели модернизации (фронтальной и догоняющей) аграрный сектор так и не стал второстепенной сферой. Он продолжал оставаться основной сферой занятости населения. Начавшиеся модернизационные процессы, несомненно, не обошли его стороной, но имели более сложные, скрытые проявления.

Территории Степного края и особенно Туркестана были включены в политическое и социально-экономическое пространство Российской им-

перии довольно поздно, в последней трети XIX в. Формирование территории Туркестанского генерал-губернаторства завершилось только после передачи в его состав в 1897 г. Закаспийской области. Центральноазиатские области были неоднородны по природно-географическим условиям, экономической специализации, уровню развития отдельных видов сельскохозяйственного производства. Существенное влияние на условия хозяйственной деятельности оказывал засушливый климат. Как отмечали современники, «рядом с хорошо орошенным цветущими оазисами, напоминающими по плотности населения густо населенные местности Западной Европы, на многие тысячи квадратных верст расстилаются почти совершенно безлюдные степи или пустыни. Жизнь здесь связана теснейшим образом с водой и в зависимости от количества последней то бьет ключом, то влачит жалкое существование, то наконец, при отсутствии влаги, совершенно замирает и прекращается» [2, с. 344-345].

Каковы были экономические ожидания метрополии от приобретенных территорий?

Во-первых, стране необходимы были новые земли для расселения крестьян-переселенцев из европейских губерний и увеличения зернового производства. В условиях земельного голода в Европейской части страны и недостаточной емкости городов сдержать самовольное переселение крестьян за Урал было невозможно. Активизация миграционных процессов стимулировала органы власти к пересмотру аграрно-переселенческой политики: регулированию переселений, поиску механизмов изъятия земель у кочевников, а также мотивации/принуждения последних к оседанию и ведению земледельческого хозяйства [3, с. 98].

Во-вторых, растущей текстильной промышленности России срочно требовалось расширение производства хлопчатника. Туркестан стал главным поставщиком для российских предприятий этого важнейшего сырья, которое раньше завозилось в Россию в основном из Соединенных Штатов Америки. Климатические, почвенные и иные условия Средней Азии позволяли обеспечить российскую промышленность хлопком внутреннего производства, избавить от зависимости от иностранного сырья. В связи с повышением значения хлопководства правительство предприняло энергичные усилия по активному расширению посевов хлопчатника. Для развития хлопководства и улучшения его качества были устроены специальные сельскохозяйственные учреждения. Заселение территории способствовало расширению площади хлопковых посевов [4, с. 41-42].

Таким образом, экономическое будущее региона виделось полити-

ческой элите преимущественно аграрным, а не урбанизированным. Отражением территориальной дифференциации социально-экономического развития центральноазиатских областей, а также начавшихся изменений в аграрной политике и производственной специализации региона на рубеже XIX-XX вв. являются данные о занятиях населения.

Первым комплексным для изучения состава населения Российской империи по занятиям стали результаты Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В рамках подготовки настоящей статьи анализ данных проводился с использованием информационной системы «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. Анализ данных Первой всеобщей переписи населения 1897 года», созданной группой исследователей Алтайского государственного университета под руководством Е.А. Брюхановой [5]. Авторским коллективом информационная система успешно использовалась для реконструкции и анализа социально-экономических структур и специфики занятости населения городов Сибири [6; 7; 8]. Ее потенциал может быть также продуктивно использован для исследования занятости населения центральноазиатских территорий.

Информационная система генерирует отчеты в двух основных формах просмотра данных: по группам занятий и по административно-территориальным единицам, отражая полученные результаты на интерактивных картах Российской империи и отдельных регионов.

В материалах переписи 1897 г. содержатся сведения о занятиях населения девяти областей центральноазиатского региона: Акмолинской, Закаспийской, Самаркандской, Семипалатинской, Семиреченской, Сырдарьинской, Тургайской, Уральской и Ферганской.

Распределение самозанятого населения по 65 группам занятий позволяет выявить две крупные группы сельскохозяйственных занятий: земледелие и животноводство. Поскольку именно противопоставление земледельческого (оседлого) и животноводческого (в центральноазиатском регионе - преимущественно кочевого или полукочевого) типов хозяйств было основным вопросом аграрных трансформаций в Степном крае и Туркестане, при анализе нами не учитывались иные виды деятельности, связанные с сельским хозяйством (пчеловодство, шелководство и др.). В интересах исследования все виды занятий, кроме земледелия и животноводства, были отнесены к группе «Иные занятия».

Всего на дату проведения переписи в вышеназванных девяти областях центральноазиатского региона насчитывалось 1877311 чел. занятого

населения [5]. Из них в земледелии было занято 724671 чел. (38,6 %), в животноводстве – 57895 чел. (29,7%), в иных сферах – 594745 чел. (31,7 %).

Необходимо отметить, что на численность земледельческого населения в Степном крае к этому времени уже существенно повлияло переселение крестьян из Европейской части Российской империи. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. зафиксировала масштабы переселения в пореформенный период, дала возможность оценить объем и направления миграции после отмены крепостного права. Переселенцы из европейских губерний в территориях вселения в целом сохраняли приверженность прежним сельскохозяйственным занятиям и тем зерновым культурам, которые привыкли выращивать у себя на родине [4, с. 40]. Объемы переселения в Туркестан до столыпинской земельной реформы не были столь значительными, как в Степном крае, но и без учета переселенцев (крестьян и казаков) в земледельческих оазисах численность и плотность населения была довольно высокой.

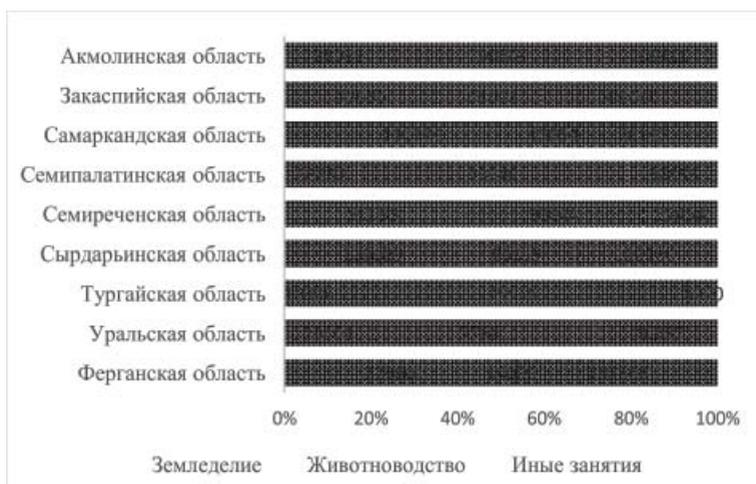

Рисунок 1 - Численность занятого населения по трем укрупненными группам занятий, чел. [5]

Земледельческое население было наиболее многочисленным в Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской областях, поскольку это были территории с высокой плотностью населения земледельческих оазисов и развитыми традициями ирригации. По численности занятых в животно-

водстве лидировали Семипалатинская, Семиреченская, Сырдарьинская области.

Таблица 1- Доля занятого населения по трем укрупненным группам занятий, % [5]

Территория	Земледелие	Животноводство	Иные занятия
Акмолинская область	25,2	49	25,8
Закаспийская область	35,6	23,8	40,6
Самаркандская область	59	6,4	34,6
Семипалатинская область	16,9	62,3	20,8
Семиреченская область	41,4	41,4	17,2
Сырдарьинская область	40,9	25,5	33,6
Тургайская область	11,4	82	6,6
Уральская область	20	52,8	27,2
Ферганская область	50,9	3,1	46

Наиболее высокой доля занятых в земледелии была в составе населения Ферганской области, за ней следовали Семиреченская и Сырдарьинская. Важно отметить, что на численность и долю занятых в земледелии Ферганской и Сырдарьинской областях по состоянию на 1897 г. еще существенно не повлияли переселенцы, а в Семиреченской области они уже составляли значительную часть земледельцев. Самая высокая доля занятых в животноводстве зафиксирована в Семипалатинской, Уральской и Семиреченской областях.

Таблица 2 - Доля занятых в сельском хозяйстве и иных сферах, % [5]

Территория	Сельское хозяйство	Иные занятия
Акмолинская область	74,2	25,8
Закаспийская область	59,4	40,6
Самаркандская область	65,4	34,6
Семипалатинская область	79,2	20,8
Семиреченская область	82,8	17,2

Продолжение таблицы №2		
Сырдарьинская область	66,4	33,6
Тургайская область	93,4	6,6
Уральская область	72,8	27,2
Ферганская область	54	46

Интерес представляет также интегральный показатель занятых в сельском хозяйстве (земледелии и животноводстве). Самый высокий он (93, 4%) в Тургайской области. Это свидетельствует о неразвитости иных сфер экономики – торговли, ремесленного и промышленного производства, а также о немногочисленности военно-административного персонала. Низкая, едва превышающая половину всего занятого населения доля занимающихся сельским хозяйством отмечена в ходе переписи 1897 г. в Ферганской и Закаспийской областях. В Ферганской области самая высокая в рассматриваемом регионе доля занятых в сферах, не отнесенных нами к сельскому хозяйству (46%).

Таким образом, материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. демонстрируют высокую долю занятых в сельском хозяйстве среди населения Степного края и Туркестана. Всего в центральноазиатском регионе в данной сфере было занято 68,3 % населения. Аграрный сектор продолжал оставаться ведущей сферой экономического развития. Модернизационные изменения, начавшиеся в нем, проявлялись не в количестве занятых, а преимущественно в качественных показателях: изменении аграрной специализации отдельных территорий, преодолении замкнутости хозяйств, развитии товарно-денежных отношений.

Развернутая оценка динамики профессиональной структуры населения Степного края и Туркестана как критерия социально-экономической модернизации может быть дана с использованием результатов более поздних переписей населения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акторы российской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
2. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей : [В 19-ти т.] / Под ред. В. П. Семенова и под общ. руководством П. П. Семенова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В. И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Русского геогр. о-ва ; Предисл. Вениамин

- Семенов. Т. 19: Туркестанский край / Сост. кн. В. И. Масальский. - СПб.: А. Ф. Девриен, 1913. 861 с.
3. Тарасова Е.В. Аграрная колонизация центральноазиатских окраин Российской империи и задачи модернизации // Modern history: партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Вып. 19: Роль государства в колонизационных процессах: от древности к современности. Уфа, 2020. С.98-103.
4. Тарасова Е.В., Борисенко М.А. Аграрное развитие Туркестана на рубеже XIX-XX вв. // Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня открытия Туркестано-Сибирской железной дороги. Барнаул, 2020. С. 36-46.
5. Информационная система «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. Анализ данных Первой всеобщей переписи населения 1897 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/> Дата обращения 07.09.2021.
6. Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И. Исторические электронные ресурсы для изучения социальной топографии Сибирских городов конца XIX – начала XX в. (особенности создания и использования) // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 4. С. 138-144.
7. Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И. Проблемы on-line реконструкции городского пространства Сибири на рубеже XIX – XX вв. (на примере города Тобольска) // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. материалы международной конференции. Москва, 2020. С. 257-264.
8. Чекрыжова О.И. Реконструкция социального пространства городов Сибири конца XIX - начала XX вв. с использованием ГИС-технологий // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер» №47, Москва, октябрь 2018. С. 127-128.

Уалиева С.К.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В КАЗАХСТАНЕ И ОТНОШЕНИЕ ГОРОДСКИХ КАЗАХОВ К МЕЖЭТНИЧЕСКИМ БРАКАМ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

Межэтнические браки в стране в целом, и отношение казахов к этому явлению представляют особый интерес, поскольку за прошедшие тридцать лет независимости значительно вырос удельный вес титульного этноса. Этнодемографические характеристики динамики межэтнических

браков отражают тенденции различных социальных процессов в обществе, таких как миграция, разные типы воспроизводства у многочисленных этносов и изменения ментальности нового населения города.

Городское население всегда имело более толерантные установки к межэтническим отношениям в целом, и в отношении межэтнических браков. Поскольку городская среда предполагает большее этническое разнообразие и соответственно большее взаимодействие между этносами. Мультикультурность городского пространства приводит к взаимодействию не только в сфере общественных отношений, также и в личной, частной жизни приводит к созданию смешанных семей.

Источниковой базой статьи являются:

- 1) Статистические материалы по Республике Казахстан [1; 2; 3]
- 2) Карты этнодемографические – по кластерам [4].
- 3) Материалы таблиц социологического исследования, которое было проведено НИЦ «Алтайтану» ВКУ имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, РК. Ноябрь 2020 по Усть-Каменогорску и Семипалатинску, 500 респондентов. [5]
- 4) Фокус-группы, проведены НИЦ «Алтайтану» ВКУ имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, РК. - 19.09.2020 / 20.09.2020 / 23.11.2020 / 24.11.2020. Общее количество участников – 40 респондентов, г. Усть-Каменогорск. [5]

В первую очередь, рассмотрим этнический состав населения РК. Соотношение основных национальностей оказывает влияние на характеристику и динамику числа регистрируемых межэтнических браков. Основными этносами в Казахстане по данным материалов переписей 1999 и 2009 годов являются казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры, татары и немцы. Численность и удельный вес этносов значительно изменилась за период между переписями, и спустя десятилетие в 2020 году по материалам статистических данных. Значительно вырос удельный вес казахского населения с 53% в 1999 году и до 69% в 2020 году. Снизилась доля русского населения, с 30% до 18 % соответственно, таблица 1.

Наблюдается увеличение удельного веса узбекского населения, с 2,5% до 3% соответственно. Доля уйгурского населения практически на том же уровне остается 1,4% и 1,5%. По всем остальным этносам отмечается снижение удельного веса в общей численности населения, таблица 1.

Таблица 1 - Численность населения Казахстана по отдельным этносам [1, стр. 10; 2]

Национальности	Численность населения, человек			Удельный вес в % от общей численности населения		
	1999	2009	2020	1999	2009	2020
Годы						
Всего	14981281	16009597	18631779	100	100	100
Казахи	8011452	10096763	13 029 227	53,5	63,1	69,0
Русские	4480675	3793764	3 478 287	29,9	23,7	18,4
Узбеки	370765	456997	620 324	2,5	2,9	3,3
Украинцы	547065	333031	256 743	3,6	2,1	1,4
Уйгуры	210377	224713	278 869	1,4	1,4	1,5
Татары	249052	204229	199 427	1,7	1,3	1,1
Немцы	353462	178409	174 632	2,4	1,1	0,9

Наглядно этнодемографическую характеристику отражают карты, разработанные НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск. Плотность и этнический состав населения по областям показывает неравномерное размещение казахского населения по регионам. В большей степени казахи сосредоточены на юге и на западе Казахстана, карта 1.

Карта 1 - Удельный вес казахов в составе населения области [4]

Карта 2 - Удельный вес неказахского в составе населения области [4]

Карта 2 демонстрирует размещение большей доли неказахского населения на севере, на востоке и в центральном Казахстане.

Межэтнические браки. С 2013 по 2017 год несколько реже заключались браки между представителями разных этносов. Это связано с общим снижением числа браков. В целом число браков сократилось за этот период с 168,4 тыс. до 141,8 тыс. — на 15,8%, а число этнически смешанных браков — с 26,2 тыс. до 22,9 тыс., или на 12,5%. Среди межэтнических браков преобладают браки, где женихи или невесты русские. Дальнейшая динамика межэтнических браков будет зависеть от соотношения долей различных этносов в Казахстане, а также от готовности людей вступать в брак с представителями других этносов. [3, стр. 40]

Таблица 2 - Удельный вес вступивших в брак мужчин с женщинами той же национальности и другой национальности (в процентах) [Рассчитано по: 2]

Годы	2017		2018		2019	
	той же национальности	другой национальности	той же национальности	другой национальности	той же национальности	другой национальности
Всего	83,8	16,2	83,8	16,2	84,2	15,8

Продолжение таблицы № 2						
Казахи	94,9	5,1	94,9	5,1	94,9	5,1
Русские	72,3	27,7	71,2	28,8	70,8	29,2
Узбеки	85,6	14,4	86,1	13,9	87,5	12,5
Украинцы	12,2	87,8	11,8	88,2	12,3	87,7
Уйгуры	72,2	27,8	72,4	27,6	72,1	27,9
Татары	12,1	87,9	11,8	88,2	10,0	90,0
Немцы	9,6	90,4	8,4	91,6	8,8	91,2
Турки	47,5	52,5	43,4	56,6	46,5	53,5
Корейцы	30,0	70,0	27,8	72,2	27,9	72,1
Азербайджанцы	48,6	51,4	48,7	51,3	47,4	52,6
Дунгане	86,7	13,3	88,8	11,2	87,0	13,0
Белорусы	3,4	96,6	4,2	95,8	2,5	97,5
Таджики	70,1	29,9	69,7	30,3	71,5	28,5
Курды	73,4	26,6	76,7	23,3	73,2	26,8
Чеченцы	38,7	61,3	36,5	63,5	38,7	61,3
Поляки	8,7	91,4	12,5	87,5	13,1	86,9
Другие	10,7	89,3	8,86	91,1	9,1	90,9

Таблица 3 - Удельный вес вступивших в брак женщин с мужчинами той же национальности и другой национальности (в процентах)
[Рассчитано по: 2]

Годы	2017		2018		2019	
	той же национальности	другой национальности	той же национальности	другой национальности	той же национальности	другой национальности
Всего	83,8	16,2	83,8	16,2	84,2	15,8
Казахи	95,4	4,6	95,3	4,7	95,5	4,5

Продолжение таблицы № 3						
Русские	68,3	31,7	67,2	32,8	66,7	33,3
Узбеки	84,8	15,2	84,2	15,8	85,1	14,9
Украинцы	12,8	87,2	12,5	87,5	12,7	87,3
Уйгуры	75,8	24,2	75,0	25,0	75,7	24,3
Татары	12,2	87,8	11,7	88,3	10,7	89,3
Немцы	9,9	90,1	8,4	91,6	8,8	91,2
Турки	65,8	34,2	64,1	35,9	61,3	38,7
Корейцы	35,3	64,7	33,8	66,2	31,5	68,5
Азербайджанцы	54,9	45,1	55,2	44,8	58,4	41,6
Дунгане	86,3	13,7	87,3	12,7	88,5	11,5
Белорусы	3,3	96,7	4,2	95,8	2,2	97,8
Таджики	75,6	24,4	73,4	26,6	74,4	25,6
Курды	76,8	23,2	75,3	24,7	80,7	19,3
Чеченцы	49,0	51,0	47,4	52,6	52,4	47,6
Поляки	10,2	89,8	12,5	87,5	11,7	88,3
Другие	10,6	89,4	9,67	90,3	9,22	90,8

У двух основных этносов республики – казахи и русские, наблюдаются следующие характеристики: 5 % у мужчин и 4,5 % у женщин казахов, таков удельный вес браков с другой национальностью в 2019 году. В межэтнические браки чаще вступают мужчины казахи. У русских обратная тенденция, показатели межэтнических браков выше у женщин: 29% у мужчин и 33% у женщин соответственно.

Для русского населения Казахстана характерны более высокие показатели межэтнических браков. Показатели межэтнических браков у русского населения в 6 раз выше, чем у казахского населения. Ситуация объясняется различным удельным весом в национальном составе и более традиционными представлениями у казахов в отношении национальной однородности браков.

По поводу других основных национальностей, среди них нами выделены 3 группы, по показателям у мужчин.

Первая группа, в которой удельный вес межэтнических браков очень высокий, от 87% и до 97%. К этой группе относятся: украинцы, татары, немцы, белорусы, поляки.

Вторая группа, в которой удельный вес от 50% до 70%. К этой группе относятся турки, корейцы, азербайджанцы, чеченцы.

Третья группа, в которой удельный вес межэтнических браков от 12% до 28%. К этой группе относятся: узбеки, уйгуры, дунгане, таджики, курды.

При этом следует особо подчеркнуть, что у турков, азербайджанцев, курдов и чеченцев – показатели межэтнических браков у женщин значительно ниже, чем у мужчин, на 10 % и более. Важной является гендерная характеристика процесса. Практически, в основном это кавказские этносы, и здесь важную роль играет культура и традиции народов, а также религиозные установки.

Материалы проведенных социологических исследований позволяют выявить определенные характеристики и тенденции. Город имеет свои особенности, тем более город на Востоке Казахстана, в начале XXI века. Нами рассмотрены материалы социологического исследования по двум крупнейшим городам ВКО – Усть-Каменогорск и Семипалатинск. Численность населения примерно равная, составляет по данным на начало 2021 года по-городскому акимату 348 832 и 350 201 человек соответственно. [2]

Результаты социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)», которое было проведено НИЦ «Алтайтану», 2020 г. по Усть-Каменогорску и Семипалатинску, 500 респондентов, демонстрируют интересные результаты. [5]

Вопрос об отношении к межэтническим бракам рассматривался следующим образом, **респонденты** должны были проранжировать данные высказывания по 5-балльной шкале (5 баллов – полностью согласен(а), 1 балл – совершенно не согласен(а)). [5]

1) Межэтнические браки – это нормально, если супруги принадлежат к одной религии.

2) Межэтнические браки – это нормально, если супруги принадлежат к одной расе, близким национальностям, у них схожие культурные традиции.

3) Если в основе межэтнического брака взаимные любовь и уважение, другие различия для меня не важны.

4) В Казахстане межэтнические браки – это норма.

5) Создавать семью нужно только с человеком своей национальности, религии и культуры.

6) Если родители против, брак заключать нельзя.

С возрастом отмечается более одобрительное к межэтническим бракам. Практически, сравнение данных по возрастной группе 17-21 года и 22-25 лет демонстрирует положительное отношение к межэтническим бракам по всем позициям. В тоже время, понимание что – «Создавать семью нужно только с человеком своей национальности, религии и культуры», выше показатель в 22-25 лет. [5], по-видимому, молодые люди более осмысленно подходят к принятию решения, когда это касается самих участников исследования.

В гендерном отношении также выявлены предпочтения, так для 2, 3, 4 позиций – показатели у девушек выше, чем у парней. Наблюдается более положительное отношение к межэтническим бракам у девушек.

Показатели таблиц сопряженности «Как давно Вы постоянно проживаете в городе» и отношения к межэтническим бракам демонстрирует, что более половины респондентов, проживающих в городе всю жизнь, то есть родившиеся и выросшие в городе, абсолютно положительно относятся к этому явлению. В то время как проживающие в городе с момента поступления в вуз (колледж) / с момента начала работы, или со школьного возраста - данные показатели на 10 % ниже. Эти данные подтверждают наше предположение о том, что молодые люди, родившиеся и выросшие в городе, более толерантно и позитивно относятся к межэтническим бракам в целом. [5]

Таблица по языку прохождения опроса четко показывает разницу в отношении к межэтническим бракам. Респонденты, отвечавшие на казахском языке, в значительно большей мере придерживаются осторожного отношения к таким бракам. В то время как, материалы опроса на русском языке показывают более лояльное и одобрительное отношение к межэтническим бракам, по всем позициям. [5]

Особый интерес представляют материалы фокус-групп, проведены НИЦ «Алтайтану», в рамках социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». [5]

Городская среда современного Казахстана имеет особое своеобразие. Казахи, которые сейчас проживают в городе, в большинстве своем, в недавнем прошлом переехали из сельской местности, либо это первое поколение родившихся в городе. Соответственно в ментальности со-

временных городских казахов преобладают традиционные установки осторожного отношения к межэтническим бракам. Для молодых людей, сформировавшихся в городской мультикультурной среде – границы восприятия более открыты новому. Сознание меняется медленно, влияют среда, семья.

На фокус-группах [5] один из вопросов был по отношению к межэтническим бракам: «Как вы относитесь к межэтническим бракам/бракам между людьми, с разными религиозными взглядами?»

Результаты опроса были нами разделены на 4 подгруппы: 1) кто поддерживает, 2) кто относится нейтрально, 3) кто в целом не против, но для себя предпочитает все-таки свою национальность, 4) кто против межэтнических браков.

1 подгруппа – «кто поддерживает».

«- Очень хорошо отношусь к межэтническим бракам, мне нравится наблюдать за такими семьями, за внешностью детей. Я сама метиска, но считаю себя немкой.

- Хотелось бы в будущем межнациональный брак.
- Мои родители разных национальностей, я и мой муж тоже разных национальностей.
- Людей должна объединять любовь, а не национальность.
- Я не против таких браков. Самое главное душа. Я слышал, что дети от таких браков рождаются красивее, нежели от брака представителей одной национальности.
- Я сама ребенок межэтнической семьи. Моя семья выбрала японскую модель воспитания детей, при которой, до 12 лет я учила только казахскую культуру и язык и только после 12 лет начала изучать русский и английский.» [5]

В общем, ответы первой подгруппы очень одобрительные и позитивные в отношении к межэтническим бракам, часть респондентов сами из таких смешанных браков, и есть среди них те, кто уже вступил в межэтнический брак, и те, кто желает такой брак для себя в будущем.

2 подгруппа – «кто нейтрально относится».

«- Люди старой закалки конечно считают, что семья должна быть однонациональной и осуждают межэтнические браки, но я так не считаю нация никогда ни на что не влияет. Влияет то какой человек сам по себе, люди бывают плохие, хорошие.

- Национальность не имеет никакого значения, все люди равны.
- Межэтнические браки норма, если нет пренебрежения к другой на-

циональности.

- Главное, чтобы уважали и любили друг друга.

- Межнациональные браки — это норма, какая разница кто какого цвета, главное, чтобы любили

- Нейтрально, ничего против не имею. Если это хороший человек и есть взаимопонимание, то я бы вышла за него замуж.

- Я думаю если человек по душе, то нация не имеет значения.

- Я не против таких браков, главное любовь. Среди моих друзей есть примеры межэтнических браков.

- Я также не против и думаю, что нужно учить культуре и языку обоих родителей и ребенок сам выберет в будущем в какую школу пойдет, на каком языке будет разговаривать.

- Я лично не против таких браков, но мои родители придерживаются других взглядов. Мне кажется, это неправильно, ведь сердцу не прикажешь.» [5]

3 подгруппа – «кто в целом не против, но для себя предпочитает все-таки свою национальность».

«- Я считаю, что межэтнические и браки между людьми, с разными религиозными взглядами это норма. Такие примеры я встречала в своей жизни. Лично я не вышла бы замуж за представителя другого этноса или религии, но не была бы против такого брака для своих детей.

- Межнациональные браки нормально, каждая национальность хороша. Если мне предстоит выбор, постараюсь выбрать нашу национальность.

- Для меня национальность важна и для моей семьи, но не против межэтнических браков.

- Если это не касается меня, то межнациональные браки это норма.

- Как таковой нет разницы, но я все равно предпочел бы казашку, это внутреннее предпочтение.

- Я лично не против межнациональных браков, но сама хочу выйти замуж за казаха. Но я категорически против межконфессиональных браков.

- Я не против. Но все же предпочитаю иметь родственником среди казахов.

- Я лично не против межнациональных браков, но сама хочу выйти замуж за казаха.

- Я не против таких браков, но думаю, что такой брак может, повлияет на ребенка после. Он может, подвергнется дискриминации от обще-

ства. Я лично не вышла бы замуж за мужчину другой нации. Не бывает плохой нации, бывает плохой человек.» [5]

В 3 подгруппе большинство респондентов отмечают, что национальность не имеет значения, однако многие в предпочтениях для себя выбирают свою же национальность - казахов. Влияет, безусловно, семья, окружение, традиционные установки. Некоторые рассматривают для себя межнациональный брак на перспективу.

4 подгруппа – «кто против».

«- Я лично против чтобы казахи женились/выходили замуж за представителей другой национальности. Для мужчин, возможно, только если будущая жена мусульманка.

- Я против, во-первых, портится кровь и прерывается генеалогическое древо.

- Желательно выходить замуж за представителей своей национальности.

- Я считаю, что правильнее будет, если казахи будут жениться на казахках. Я против.

- Я против, ведь ребенок в будущем не может освоить казахский язык. В наше время очень много молодежи казахской национальности, предпочитающей разговаривать на русском языке, я думаю это неправильно. Нужно помнить свой родной язык.» [5]

В 4 подгруппе высказывания тех, кто настроен решительно против межэтнических браков, не только для себя лично, но и в целом в обществе не приветствуют.

В целом, очень интересные и разнообразные установки городской казахской молодежи. Спектр ответов абсолютно разнообразен: от полного принятия и поддержки, и вплоть до отрицания. Безусловно, влияет, как думают по этому вопросу родители, воспитание в целом. Разность восприятия межэтнических браков закономерна. В большинстве своем респонденты относятся нормально и положительно к таким бракам, что отражает толерантное отношение в обществе в целом, и традиционно позитивное отношение с советских времен.

В ментальности современной городской казахской молодежи имеются традиционные установки осторожного отношения к межэтническим бракам, когда в общем относятся к таким бракам нормально, однако лично для себя не приемлют. Для молодых людей, сформировавшихся в городской мультикультурной среде свойственна, большая открытость в принятии нового. Материалы исследований подтверждают, что родившиеся и выросшие в городе, более толерантно и позитивно относятся к

межэтническим бракам в целом.

Этнодемографические характеристики брачного поведения населения в межэтнических браках свидетельствуют о более высоких показателях в зависимости от удельного веса этноса в составе населения РК, от культурных традиций, установок в отношении межэтнических браков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник /Под ред. А.А. Смаилова/ Астана, 2010 - 110 с.
2. Демографическая статистика на начало 2021 года. Жауапты шығарушы: Әлеуметтік және демографиялық статистика департаменті. Департамент директоры: Н. Ханжігітов. Орынд. К. Рысбаев. - 2021 жылғы 20 сәуір. www.stat.gov.kz
3. Отчет «Анализ положения в области народонаселения Республики Казахстан» Полная версия «Анализа положения в области народонаселения в Республике Казахстан» доступна на сайте <https://kazakhstan.unfpa.org.>, © ЮНФПА в Казахстане 2019.
4. Карты этнодемографические, НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, РК. https://demography-kz.shinyapps.io/demography_ru/
5. Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». Усть-Каменогорск, «Медиа-Альянс», 2020. – 120 стр.

Чекрызжова О.И., Еремин А.А., Рыгалова М.В., Тарасова Е.В.

ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЭКОНОМИКО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ

*(Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда (проект №19-18-00180))*

Разработка информационно-аналитической системы «Социально-экономическая модернизация Центрально-Азиатских окраин Российской империи» осуществлялась в рамках реализации задач, связанных с определением и характеристикой индикаторов модернизационных процессов

центральноазиатского региона во второй половине XIX - начале XX вв. Модернизация в широком смысле слова, как движение от традиционного к современному обществу, представляет собой процесс инновационных изменений. Модернизация проявляет себя через индустриализацию, урбанизацию, демографическую революцию, бюрократизацию, демократизацию, рационализацию, профессионализацию, образовательную революцию [1, с.6]. Показатели социально-экономической модернизации необходимо рассматривать в комплексе, по направлениям, каждое из которых заслуживает отдельного глубокого изучения (демография, динамика уровня урбанизации, уровень развития промышленности, финансово-налоговая система, транспортное развитие, торговая система, образование).

В основу методики создания системы положены критерии уровня модернизации центрально-азиатских окраин, составляющие набор индикаторов, способных отразить модернизационную динамику. Для характеристики индикаторов аккумулировались данные из нескольких статистических источников.

Структурно информационно-аналитическая система состоит из 961 связанной таблицы, структурированной по крупным тематическим блокам: «население», «сельское хозяйство», «промышленность», «образование», «налоги», «транспорт», «торговля», «медицина» и др. Работа над созданием информационно-аналитической системы проходила в несколько этапов.

Первый этап работы заключался в анализе данных источника и составлении полного перечня статистических показателей, которые могли быть использованы при создании информационно-аналитической системы. Структура формирования статистической основы информационной системы базируются в первую очередь на таком источнике, как «Обзоры областей Степного края и Туркестана, Приложения к Всеподданейшему отчету, за 1885 – 1916 гг.» [2-11].

«Обзоры...» являются комплексным источником информации о развитии регионов Российской империи. Они содержат комплексную характеристику регионов, включающую сведения об их истории и географии, численности и размещении жителей, особенностях состава населения, природно-ресурсном потенциале, хозяйственной деятельности, торговле, здравоохранении, образовании и т.д. Преимущество этого источника в том, что он является доступным. Оцифрованные копии изданий представлены на сайте Государственной публичной исторической библиотеки

России (ГПИБ). Кроме того, обзоры, как ежегодное издание, дают возможность анализировать данные за длительные хронологические периоды. Полный комплект отчетов и обзоров хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Наиболее полно в библиотеке представлены обзоры Уральской (44 обзора из 48 возможных), Акмолинской (40), Тургайской (38), Семипалатинской (36), Семиреченской (30) областей. Наименьшим количеством обзоров представлены Закаспийская и Ферганская (по 17 каждая), Сыр-Дарьинская (14) и Самаркандская (13) области, т.е. территории Туркестанского генерал-губернаторства. Несмотря на то, что среди исследователей нет однозначной оценки степени достоверности статистических сведений содержащихся в «Обзорах...», большинство все же отмечают полноту, достоверность и комплексный характер данных.

По структуре обзоры делятся на разделы, состоящие из описания состояния конкретной отрасли (сельское хозяйство, население, медицина и проч.), объем которой не был четко установлен и год от года мог претерпевать изменения, и статистических таблиц, которые помещались в конце издания.

Характерной особенностью статистики второй половины XIX–начала XX вв. является практически полное отсутствие какой-либо системы унификации данных. В результате сведения часто собирались в различных, несопоставимых друг с другом форматах, что делает сравнительный анализ не всегда возможным. Объем данных и характеристики значений, представленные в «Обзорах...», не имеют единой системы ни в территориальном, ни в хронологическом отношении. Часть данных остаются неохваченными статистическим анализом в связи с их обрывочным представлением. Так, например, в данных по Сыр-Дарьинской области информация раздела «О населении» представлена в большинстве своем в разрезе городов и уездов. Однако обзоры за 1889, 1890 и 1892 гг. сведения приводятся только для города Ташкента, причем с включением в его население войсковых частей. А в обзоре за 1893 г. сведения содержатся по населению 9 городов; за 1894 год – 6 городов; за 1895 – 5 городов. Обзор за 1902 г. вновь содержит информацию только по населению города Ташкента, но уже «без войск».

Сложности сопоставления данных и формирования статистических рядов – одна из самых распространенных проблем, встречающихся исследователю при работе с материалами «Обзоров...». Для сбора данных, отражающих процессы модернизации региона, использовались как данные приложенных к отчету таблиц «ведомостей», так и текстовая часть.

Искомые сведения могут содержаться и в том, и в другом разделе. В ведомостях обзоров Тургайской области за 1886-1894 гг. содержится таблица «О движении оседлого населения», в которой представлены данные о числе заключенных браков, родившихся, умерших и естественном приросте оседлого населения, а после 1908 г. из ведомостей эти данные пропадают, однако некоторые из них можно найти в текстовой части обзора в серии разрозненных таблиц. Сведения о налоговых сборах с населения в разделах «Подати и повинности» также иногда содержатся в приложенных таблицах, а иногда в самом тексте раздела. Стоит отметить, что как правило, в тексте раздела сведения, с одной стороны, представлены обобщенно (как правило, по области, без разбивки на уездные данные), а с другой стороны – в тексте подробно объясняются причины недоимок по платежам и дается другая текстовая информация.

Распространенными являются различия в значении одного и того же показателя, представленного в тексте и в итоговой таблице в приложении. Так, например, в разделе «Подати и повинности» в обзоре Тургайской области за 1915 года указаны сведения о выданных «...торговых документов на сумму...», однако в соответствующем разделе текста отчета говорится, что в учет поступали свидетельства на личные промысловые занятия, на паровые суда и т.п. Однако чаще описательная часть и статистические таблицы не дублируют друг друга, а дополняют, что придает источнику информационную ценность, а исследователям возможность сопоставления данных по описанию и статистике.

Еще одним важным недостатком обзоров являются неточности статистических сведений, отсутствие или фрагментарность информации за отдельные периоды. В некоторых источниках есть прямое указание на то, что сведения не были поданы, например, по мусульманским школам или по сборам налогов. Довольно широко распространены в ведомостях обзора ошибки в математических расчетах, когда строка «итога» не совпадает с суммой отдельных составляющих. В некоторых случаях удается обнаружить, что виной тому случайная описка, когда, например, соседние цифры меняют местами или какая-то цифра оказывается пропущенной (или наоборот удвоенной) по ошибке. Однако чаще всего причины некорректных расчетов определить не представляется возможным.

Важным моментом является то, что повышение качества статистики признавалось делом очень важным и насущным уже современниками (авторами-составителями отчетов) в тексте обзора Акмолинской области за 1880 год: «Настоятельная потребность положить основания для более правильного исчисления областного населения побудила меня в нынеш-

нем году командировать в степь чиновника для исследования на месте возможно правильных и точных условий статистики населения» [2].

Несмотря на отдельные недостатки статистических сведений источника, используемая научным коллективом методика сбора и компоновки данных позволила собрать большой массив статистических сведений, сгруппированных под конкретные задачи проекта. Была разработана структура документа, который стал универсальным загрузочным файлом для внесения статистических данных в информационно-аналитическую систему. В результате анализа различных вариантов было принято решение выделить в таблице следующие столбцы: наименование показателя, раздел, область, уезд, уездные города, населенный пункт, значение показателя, единица измерения, источник информации, широта, долгота, полигон (код).

Для каждой исследуемой области Степного генерал-губернаторства (Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская) и Туркестанского генерал-губернаторства (Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Ферганская, Закаспийская, Самаркандская), для каждого года в рамках исследуемого периода времени (около 30-40 лет) и для каждого тематического блока создавался и наполнялся отдельный загрузочный файл в формате XSL (например, «Население_Акмолинская_1878» или «Образование_Уральская_1915»).

Второй этап работы связан с подготовкой картографической основы для обозначенной территории исследования и созданием набора каркасных слоев в геоинформационной системе (ГИС). Территориальным объектом в работе выступали центральноазиатские владения Российской империи в составе 9 областей (Акмолинской, Закаспийской, Самаркандской, Семипалатинской, Семиреченской, Сырдарьинской, Тургайской, Уральской и Ферганской), которые в административном отношении были поделены на 43 уезда и 1 отдел. В качестве картографической основы была выбрана «Карта путей сообщения Российской империи» на 1916 г. масштаба 1:12600000, составленная Отделом статистики и картографии Министерства путей сообщения [12]. Она импортирована в геоинформационную среду MapInfo Professional, где была сформирована картографическая основа для всех последующих работ по оцифровке указанной карты и созданию каркасных (базовых) слоев. В итоге геоинформационными методами была получена картографическая основа, подходящая для последующего содержательного количественного наполнения пространственно-координированными данными.

В настоящее время информационно-аналитическая система позволяет предоставить открытый on-line доступ к материалам базы статистических данных, привязанных к картографической основе, и к конструктору запросов. Для широкого круга пользователей система доступна посредством обращения к ней через веб-интерфейс сайта <https://rusempireregions.ru/>. Система позволяет работать с базой удаленно практически на любом устройстве и обеспечивает возможность для фильтрации и сортировки данных, относящихся к социально-экономической модернизации центрально-азиатских окраин Российской империи. Одной из особенностей информационной системы является возможность территориального разграничения областей и размещения населенных пунктов, а также прочих данных на карте.

Отличительной особенностью информационно-аналитической системы являются возможности индивидуализации запросов и репрезентации статистических данных. Вывод и визуализация результатов анализа предусмотрены путем реализации механизма конвертации данных из формата базы данных в обменные векторные и растровые форматы. Основой для визуализации является табличный конструктор, позволяющий пользователю сформировать набор показателей по индивидуальному запросу.

В функционал информационной системы заложена возможность создания линейных графиков и диаграмм на основе выбираемых показателей, а также интерактивное картографическое отображение данных. Поскольку информационная система позволяет сохранять результаты поиска в формате Excel, пользователь сможет самостоятельно применить иные формы визуализации на основе сохранённого набора данных. Такой формат репрезентации данных исторической статистики несет большой потенциал для последующих исследований обозначенной проблематики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Актеры российской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
2. Обзор Акмолинской области ... (по годам: 1871-1917) [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ГПИБ. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/45712>;
3. Обзор Закаспийской области ... (по годам: 1892-1916) [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ГПИБ. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/46320>;
4. Обзор Самаркандской области ... (по годам: 1891-1912) [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ГПИБ. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/46521>;

5. Обзор Семипалатинской области ... (по годам: 1871-1913) [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ГПИБ. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/46327>;
6. Обзор Семиреченской области ... (по годам: 1883-1915) [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ГПИБ. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/50512>;
7. Обзор Сыр-Дарьинской области ... (по годам: 1890-1916) [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ГПИБ. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/50528>;
8. Обзор Тургайской области ... (по годам: 1871-1916) [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ГПИБ. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/50764>;
9. Обзор Уральской области ... (по годам: 1868-1916) [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ГПИБ. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/28162>;
10. Обзор Ферганской области ... (по годам: 1889-1916) [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ГПИБ. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/50832>.
11. Кискидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири 1850–1880-е гг. // Вестник ТГУ. 2016. № 412.
12. Карта путей сообщения Российской империи [Электронный ресурс] / Картолог: Старинные топографические карты уездов и губерний Российской империи. URL: http://kartolog.ru/wp-content/uploads/2009/07/russia_puti_soobshenia_1916_.zip

Аубакирова Ж.С., Столярова Э.О.

**СОВРЕМЕННЫЕ УСТАНОВКИ ГОРОДСКИХ КАЗАШЕК
НА УСЛОВИЯ РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ
(по результатам социологического исследования)**

*(Исследование выполнено в рамках грантового проекта АР09260600
«Региональные особенности репродуктивного поведения городских ка-
зашек: тенденции и перспективы», финансируемого Комитетом науки
Министерства науки и образования Республики Казахстан)*

Одна из наиболее важных характеристик демографических процес-сов в современном Казахстане: впервые в его истории демографическую ситуацию полностью определяет казахское население, как в сельской местности, так и в городах. «Новые горожане» не только воспринимают городские стандарты на малодетность, но и привносят в городскую среду свои традиционные установки. Наличие потенциально различных сцена-

риев репродуктивного поведения означает, что в чистом виде не может возобладать и реализоваться только один из них. В результате репродуктивные установки казахских женщин в городах (а именно они определяют реальное содержание процессов рождаемости) отражают сложное и противоречивое взаимовлияние двух разнонаправленных векторов – традиционного и модернизационного.

В августе-сентябре 2021 года Научно-исследовательским центром «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова было проведено социологическое исследование, объектом которого стали количественные и качественные установки городских казашек на условия рождения и социализации детей.

Цель исследования носила комплексный характер и была направлена на оценку количественных характеристик репродуктивных установок, анализ уровня сформированности запроса родителей (матерей или потенциальных матерей) на условия социализации детей/будущих детей, обеспечивающих раскрытие социального потенциала и развитие социального капитала.

Фиксируемый феномен осознанного социального запроса свидетельствует о том, что некоторая часть репродуктивно активного населения осознает сложность процесса перехода от социального потенциала к социальному капиталу. Важность изучения состояния данного феномена общественного сознания заключается в том, что репродуктивные установки (количественные и качественные) фактически определяют развитие страны на ближайшие поколения.

Исследование охватило четыре основных географических региона Казахстана – северный, южный, восточный, западный и города республиканского значения, опорными точками сбора информации стали такие города, как Усть-Каменогорск, Семей, Тараз, Актобе, Актау, Петропавловск, Караганда, Шымкент, Алматы, Нур-Султан. При отборе респондентов учитывались возрастные параметры, отражающие репродуктивную активность: 20–49 лет (20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет) и время проживания в городе не менее 3-х лет.

В каждом городе было проведено по одному индивидуальному интервью с представительницами всех возрастных групп, предусмотренных программой исследования: 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет.

Еще один метод получения информации, использованный в исследовании – групповые фокусированные интервью (фокус-группы). В каждом городе проведено по одной фокус-группе, то есть каждый регион был представлен дважды. Среднее число участников фокус-групп – семь че-

людей. Учитывая достаточно большой перечень вопросов к респондентам и их характер предполагаемых ответов, это количество участников позволило высказаться каждой женщине.

Варианты городской социализации участников исследования отражают процессы активной урбанизации казахов, которая сегодня является одной из важнейших социально-демографических характеристик модернизации Казахстана. Большинство респондентов, проживая в настоящее время в крупных городах страны, имеют сельский бэкграунд и сохраняют более или менее устойчивые связи с традиционной средой. Пополнение городского населения в городах областного значения идет в первую очередь за счет жителей прилегающих территорий. Несколько иную ситуацию можно отметить для западного региона: подавляющее большинство участников здесь – коренные горожане. Одной из причин этому может служить низкая плотность населения, которая колеблется от 2,7 ч/км² (Атырауская область) до 4,8 ч/км² (Актюбинская область). В результате сочетания исторических и демографических условий в этом регионе урбанизация казахов имеет не столь выраженную динамику – казахи составляли и составляют подавляющее большинство населения как в сельской местности, так и в городах.

Так, можно отметить, что на протяжении последних десятилетий доля казахов в городском населении активно возрастает во всех регионах страны за исключением западных областей, где этот показатель был высоким еще с советского времени.

Основными формальными причинами переезда в город из сельской местности становятся:

1) Учебная миграция – характерно практически для всех регионов; такой сценарий предполагает формирование личности в условиях традиционного сельского социального пространства и последующую адаптацию к городским условиям. Субвариант – учеба в городе с последующим замужеством.

2) Переезд в город в более взрослом возрасте (с мужем, детьми, друзьями родственниками) – этот сценарий более распространен в южном регионе.

Отмечается заметная разница в уровне профессионального образования и трудовой занятости городских казашек в зависимости от региона проживания: хотя формально профессиональное образование (как минимум, средне-специальное) есть практически у всех респондентов, в южном, западном регионах и городах республиканского значения женщи-

ны, работающие по специальности, являются исключением. Примерно половина не работает вообще или являются фактически домохозяйками, то есть не выходят из декретного отпуска на протяжении значительного времени, рожая детей с небольшим интервалом. Фактически, такие женщины, уйдя в отпуск по уходу за первым ребенком, могут оставаться в этом статусе на протяжении многих лет. В редких случаях они совмещают репродуктивную деятельность с работой по гибкому графику или неполной занятостью. В одном случае отмечена многодетная мать – индивидуальный предприниматель. Можно предполагать, что в этих регионах участие в экономической жизни значительного числа городских казашек носит неформальный характер, не требует высокого уровня профессиональной квалификации и не предполагает значительного социального и карьерного роста.

Другая картина наблюдается в северном и восточном регионах. Здесь уровень образования женщин выше (особенно на востоке). Что еще важнее, значительно выше уровень их профессиональной занятости – большинство респондентов работают в сферах и на позициях, предполагающих достаточно высокую квалификацию и требующих постоянного повышения уровня профессиональных знаний и навыков.

Таким образом, первое значимое региональное отличие между респондентами, которое было выявлено на первом этапе проекта – эффективность образовательной подготовки с точки зрения профессиональной самореализации. В северных и восточных регионах казашки, проживающие в городской среде гораздо активнее и эффективнее участвуют в экономической жизни, чем казашки в городах южного и западного регионов. Такой вывод преждевременно распространять на города республиканского значения, где социально-профессиональная структура населения гораздо более сложная и контрастная.

Отношение к профессиональной самореализации женщин в контексте материнства заметно отличаются в зависимости от региона проживания респондентов и их личного опыта. Можно выделить два основных типа мнений:

- 1) Работа как обязательное условие самореализации современной городской женщины (модернизационный вариант). В этом случае профессиональная трудовая занятость воспринимается как на рационально-прагматичном уровне (доход и экономическая независимость женщины), так и на эмоционально-психологическом (самоуважение, личностный рост, развитие социальных связей, удовлетворение и т. д.). Этот тип более

характерен для респондентов из восточного и западного региона.

2) Неработающая женщина лучше реализует свое предназначение в качестве матери и жены (традиционный вариант). В этом случае работа воспринимается как вынужденная мера ради повышения дохода семьи, подчеркивается, что при первой возможности женщина готова стать домохозяйкой или оставаться ее столь долго, сколько это будет возможно. Этот вариант значительно чаще озвучивался в южном регионе.

В городах республиканского значения и в северном регионе в ответах респондентов оба типа мнений о работающей или неработающей женщине и реализации ею роли матери представлены примерно в равной степени.

Важно отметить, что большинство респондентов, чье мнение отражает традиционное представление о роли и предназначении женщины, не имеют собственного успешного (а иногда и любого) опыта квалифицированной профессиональной деятельности. Роль домохозяйки воспринимается ими как естественный порядок вещей, а необходимость включаться в экономическую активность внешнего мира – как нарушение этого порядка.

В контексте вопроса о профессиональной самореализации и материнстве высказанное отношение к многодетности также не было однозначным. Первой реакцией обычно было одобрение, но затем следовали дополнения в виде условий, при которых многодетность является позитивным явлением.

Но, в этом случае нужно говорить не столько о полярных мнениях, сколько об отличиях в смысловых оттенках. Так, например, в южном регионе отмечалось, что создание условий для воспитания детей не обязательно подразумевает финансовое благополучие семьи – «главное, чтобы все были дружные и поддерживали друг друга». При этом высказывались пожелания увеличения материальной помощи со стороны государства. Что еще более интересно, большие претензии к государству сочетаются с крайне низким уровнем доверия ко всем социальным институтам (образование, здравоохранение, социальные службы), деятельность которых государство призвано обеспечить. Складывается впечатление, что респонденты полагаются только на один социальный институт – семью. Из этого выводится одна из основных причин многодетности – в будущем детям понадобится поддержка, оказать которую смогут только братья и сестры. Кроме того, в позитивной коннотации говорится о многодетности как о стремлении получить больше наследников мужского пола, соот-

ветствовать религиозным и национальным традициям.

В северном регионе практически такие же аргументы подавались в негативном ключе: причины и мотивы многодетности – влияние традиций, религии, родственников, сохранение «сельского менталитета» - «еще не адаптировались в городе». По мнению респондентов, «потребительское» отношение к государственной поддержке подпитывается в сельской местности. Здесь, как и в восточном, и в западном регионах многодетность называлась положительным явлением только если семья может самостоятельно обеспечить детям хорошие условия развития.

Рассматривая структуру семьи следует отметить - для всех семей характерен нуклеарный формат и отдельно живущие родственники в том же городе. В сравнении с южным регионом и городами республиканского значения количество браков, имеющих религиозное оформление, заметно ниже (сходство с восточным и северным регионами).

В подавляющем большинстве случаев респонденты состоят в первых браках. Другие варианты – не замужем, развод – встречаются очень редко и не имеют выраженного регионального притяжения. Практически все семьи имеют родственников в городе проживания.

Отличия проявляются в следующих ситуациях:

1) Оформление брака. Для северного, восточного и западного региона наиболее частым вариантом оказывается регистрация в ЗАГСе, религиозный ритуал только в половине случаев. Для городов республиканского значения и южного региона, напротив, религиозный вариант оформления обязателен. Иногда после него не происходит регистрация в ЗАГСе. Отдельно отметим, что среди респондентов западного региона двое не состоят в браке, еще одна женщина в разводе (после гражданского и религиозного оформления).

2) Количество детей в семьях – одно из важнейших региональных отличий. Многодетные матери (четыре, пять, шесть, семь детей) стали участницами исследования в городах республиканского значения, южном и северном регионах (но, на севере речь идет только об одной женщине с четырьмя детьми, причем трое младших детей рождены в браке, а один ребенок до брака, то есть, в браке только трое детей).

Для восточного и западного региона более характерной оказалась мало- и среднететность – один-два ребенка. В том, что касается западного региона, это противоречит официальной статистике, но подбор участников во всех регионах осуществлялся по единому стандарту для достоверности полученных данных – критериями служили возраст (принадлежность к одной из групп – А, В или С), время проживания в город-

ской среде (не менее 3-х лет), этничность (казашки). Таким образом, для уточнения полученных данных необходимо продолжить сбор информации.

Представления о современной казахской городской семье значительно отличаются в зависимости от региона проживания респондентов. В городах республиканского значения, южном и западном регионах преобладает позиция, склоняющаяся к многодетности в качестве неперемennого атрибута современной казахской семьи в городской среде. Обычно называемое число детей – трое-четверо.

Различия во мнениях респондентов в этих регионах проявляется, когда вопрос касается расширенного или нуклеарного характера семейного устройства. Именно здесь можно видеть, как вступают во взаимодействие традиционные и модернизационные установки. При этом, у самих респондентов семьи в большинстве случаев нуклеарные. То есть личный опыт участников исследования еще не полностью отрефлексирован – это порождает противоречие между «идеализированным» образом казахской семьи и современной городской реальностью.

В северном и восточном регионах представление о современной казахской городской семье заметно отличаются от описанных выше. Во-первых, снижается число детей, которое, по мнению участников, такой семье соответствует – чаще всего называется двое детей. Семейное устройство видится нуклеарным, хотя в одном случае делался акцент на матрилокальный вариант проживания, который отличается от традиционного патрилокального и сам по себе уже может рассматриваться как особый вариант городской модернизации.

Рассмотрим факторы влияния на репродуктивное поведение. Судя по полученным данным, среди городских казашек всех регионов нет единой оценки экономического фактора в вопросах рождаемости: в каждом регионе находились те, кто считал важным стимулом увеличения числа рождений государственную поддержку (пособия, льготное жилье), и те, кто считает эффективным только рост собственных доходов семьи.

Отличие заключается в том, что замужние женщины чаще говорили о росте доходов семьи, а незамужние – о помощи со стороны государства.

Особые мнения прозвучали:

- в одном из городов республиканского значения женщина высказала опасения, что доступ к льготному жилью для многодетных семей может стать мотивом для мужчин побуждать женщин больше рожать;

- в южном регионе участница обратила внимание на то, что состояние здоровья женщины важнее, чем рост доходов или материальная по-

мощь со стороны государства.

Последние замечания чрезвычайно важны: в 2019 г. именно на юге, в Туркестанской области зафиксировано самый высокий по республике показатель беременности в возрасте 15–18 лет – 17,4% от общего числа по стране, 14,3% этих беременностей завершились родами [1]. Можно предположить, что увеличение государственных пособий приведет к усугублению этой ситуации. То есть, необходимо учесть возможное негативное влияние государственной поддержки рождаемости на ситуацию с репродуктивным насилием.

В условиях, когда на фоне урбанизации происходит активное взаимодействие традиционных и модернизационных установок, свою роль может играть религиозный фактор. Как показывают результаты исследования, его влияние на репродуктивные установки женщин и их представление о социализации детей более заметно в южном регионе и, отчасти, в городах республиканского значения. Интересно, что в западном регионе фиксируется резкая поляризация: Актобе – «атеистическая» позиция, Актау – роль религии признается безусловно.

В вопросах выбора между монокультурным и поликультурным воспитанием детей для всех регионов характерен выбор в пользу второго варианта. Но, аргументация этого выбора отличается: в городах республиканского значения и восточном регионе чаще упоминается исторически сложившаяся полиэтничная и полиязычная среда внутри страны, на западе и юге звучат мнения, что поликультурный вариант воспитания повышает конкурентоспособность за пределами страны (особое внимание уделяется изучению английского языка). При этом, для всех регионов также характерно делать акцент на знании родного языка, казахских обычаев и традиций. Исключением из этого общего правила можно считать ответы некоторых респондентов северного региона – русскоязычных и признающих, что их дети не интересуются казахским языком.

Авторы исследования рассчитывают, что полученные данные позволят оценить динамику не только количественных изменений в репродуктивных установках, но и их качественную эволюцию. Благодаря этому, будут раскрыты новые возможности анализа количественных и качественных репродуктивных установок женщин.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Доклад о положении детей в Республике Казахстан за 2020 год. – Нур-Султан, 2020. С. 52

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАЗАХСТАНСКИХ РУССКИХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (1999–2005 гг.).

Процессы демографического развития Казахстана этнически дифференцированы. Динамика численности населения все более определяется представителями казахского этноса, численность русских, второго по величине этноса республики, постепенно сокращается. Изучение демографического развития русских в Казахстане в суверенный период в большинстве исследований ограничивается анализом миграционных процессов. При этом приоритетом пользуется эмиграция. Тенденции воспроизводства оказались в тени миграционной тематики.

В начале XXI в. (1999–2005 гг.) намечается новый тренд демографического развития русских Казахстана, продолжающийся до настоящего времени, динамику численности этноса начинают определять процессы воспроизводства. Вследствие этого, авторами предпринята попытка выявить особенности начального этапа долговременной тенденции. Исползованные сведения опубликованы в статистическом сборнике «Этнодемографический ежегодник Казахстана» (1)

В начале XXI в. демографическая ситуация в Республике Казахстан стабилизировалась. Произошло это благодаря сокращению эмиграции и росту иммиграции с одной стороны и, с другой, улучшению демографических показателей, прежде всего рождаемости. Вклад русского этноса в процесс выразился, в первую очередь, значительным сокращением эмиграции. Динамика иммиграции и оптимизация показателей воспроизводства связаны в основном с казахским этносом.

В 1999–2006 гг. численность русских в государстве сократилась на 11,4% (см. таблицу 1). Темпы сокращения были существенно ниже, чем в 1989–1999 гг. Замедление динамики падения ощутимо и в течение первых лет XXI в. Если в 1999–2002 гг. число русских уменьшилось на 6,4%, то в 2003–2006 гг. – на 3,5%. Более активно сокращалось городское население (на 11,5%), менее – сельское (на 10,9%), что связано с эмиграцией, в большей мере характерной для городских русских. В то же время, в 1999–2006 гг. темпы роста городского казахского населения составили 21,8% (сельского – 3,5%). И если в 1999 г. казахи составляли 42,9% городского населения РК, то в 2006 г. – 50,6%. Таким образом, основные этносы Казахстана все в большей мере концентрируются в городах.

Таблица 1. Численность и национальный состав населения Казахстана (1999–2006 гг.), тыс. человек (2)

	1999	2006
Все население	14955,1	15219,3
городское	8414,5	8696,5
сельское	6540,6	6522,8
Казахи	7971,6	8913,3
городское	3613,3	4402,2
сельское	4358,3	4511,1
Русские	4489,7	3979,3
городское	3454,0	3056,1
сельское	1035,7	923,2
другие этносы	2493,8	2326,7
городское	1347,2	1238,2
сельское	1146,6	1088,5

В результате миграционных, а также демографических процессов, удельный вес русских в составе населения РК сократился с 30,0% в 1999 г. до 26,1% в 2006 г. (в городах - с 41,1% до 35,1%, в селах – с 15,8% до 14,2%)

В первые годы суверенитета определяющее влияние на динамику численности русских имела миграция. В начале XXI в. миграционное поведение этноса несколько изменилось (см. таблицу 2)

Таблица 2. Внешняя миграция русских Казахстана (1999–2005 гг.) (3).

годы	прибыло			выбыло			отрицательное сальдо миграции		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		из РФ	из др. стран		в РФ	в др. страны		с РФ	с др. странами
1999	20076	17690	2386	91489	76585	14904	71413	58895	12518
2000	18540	15588	2952	91324	78642	12682	72784	63054	9730
2001	16999	14460	2539	81970	69623	12347	64971	55163	9808

Продолжение таблицы №1									
2002	15145	13091	2054	70207	58866	11341	55062	45775	9287
2003	15036	12884	2152	40998	32959	8039	25962	20075	5887
2004	12412	10472	1940	39125	32705	6420	26713	22233	4480
2005	9775	8276	1499	32545	28372	4173	22770	20096	2674

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что сократилась интенсивность как прибытий, так и выбытий, при этом большая динамика сокращения характерна для эмиграции. Численность русских, прибывших в РК, уменьшилась в 2005 г. в сравнении с 1999 г. в 2,1 раза (в том числе из РФ – в 2,1 раза). Выбывших в другие страны стало меньше в 2,8 раза (в РФ – в 2,7 раза). В результате отрицательный показатель нетто-миграции сократился в 3,1 раза (с РФ – в 2,9 раза). Процесс внешней миграции по-прежнему определяет Российская Федерация.

Таким образом, влияние международной миграции на динамику численности русского населения Казахстана в начале XXI в. ослабевает. В 1999–2005 гг. удельный вес миграции в потерях русских составил 66,5% (отрицательный показатель естественного прироста – 33,5%). С каждым годом влияние миграционного фактора снижалось, а депопуляционного – увеличивалось. Если в 1999–2000 гг. 74,5% потерь русских обусловила внешняя миграция (отрицательный естественный прирост – 25,5%), то в 2004–2005 гг. миграция сократила численность русских на 47,5%, а отрицательный естественный прирост – на 52,5% (4). Определяющим показателем численности русских становится динамика процессов воспроизводства.

Изменение показателей общих коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста населения в 1999–2005 гг. представлены в таблице 3. Статистические данные свидетельствуют о позитивных изменениях в динамике общего коэффициента рождаемости, увеличившегося на 24,3%. В то же время, общий коэффициент смертности также стал больше на 15,7%. Данное увеличение оказало решающее влияние на ухудшение показателя естественного прироста – его отрицательное значение выросло на 1,7%.

Таблица 3. Родившиеся, умершие, естественный прирост русского населения Казахстана (1999-2005 гг.) (5)

годы	человек			на 1000 человек		
	число родившихся	число умерших	естественный прирост	число родившихся	число умерших	естественный прирост
1999	39215	62130	-22915	8,84	14,28	-5,44
2000	38651	63858	-25207	8,92	15,00	-6,08
2001	37892	62399	-24507	8,94	15,08	-6,14
2002	38850	61241	-22391	9,37	15,28	-5,91
2003	41843	63422	-21579	10,25	16,27	-6,02
2004	44043	62829	-18786	10,92	16,11	-5,19
2005	43874	63919	-20045	10,99	16,52	-5,53

Общие показатели воспроизводства русских намного ниже республиканских (общий коэффициент рождаемости по РК в 2005 г. составил 18,42 промилле, общий коэффициент смертности – 10,37 промилле) и, тем более, казахов. В 2005 г. общий коэффициент рождаемости у казахов равнялся 21,85 промилле (в два раза выше, чем у русских), общий коэффициент смертности – 6,73 промилле (в 2,4 раза меньше) (6). Одной из главных причин подобного является молодая возрастная структура казахского этноса.

В начале XXI в. у русских, как и у всего населения РК, наблюдается и реальное повышение рождаемости, то есть, не зависящее от эволюций возрастной структуры. Об этом свидетельствует суммарный коэффициент рождаемости (см. таблицу 4). В 1999–2005 гг. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) у русских увеличился на 14,4% (всего населения – на 23,3%). Такая же динамика роста характерна и для нетто-коэффициента воспроизводства (среднее число дочерей, рожденных женщиной за всю жизнь и доживших до возраста матери в момент их рождения при данных по возрастных уровнях рождаемости и смертности). Но хотя нетто-коэффициент воспроизводства русских увеличился в 2005 г. до 0,639, перспективы рождаемости невелики. Через поколение (примерно 25 лет) число потенциальных матерей сократится более чем на треть.

Таблица 4. Суммарный коэффициент рождаемости, нетто-коэффициенты воспроизводства русского населения (1999–2005 гг.) (7)

годы	суммарный коэффициент рождаемости		нетто-коэффициент воспроизводства	
	все население	в том числе русские	все население	в том числе русские
1999	1,80	1,18	0,837	0,548
2000	1,85	1,18	0,867	0,554
2001	1,84	1,17	0,859	0,547
2002	1,88	1,21	0,887	0,578
2003	2,03	1,30	0,952	0,610
2004	2,21	1,37	1,036	0,642
2005	2,22	1,35	1,040	0,639

Тем не менее, в показателях рождаемости в начале XXI века наблюдается положительная динамика. Этого нельзя сказать о статистике смертности. Рост общего коэффициента смертности (см. таблицу 3) существенно зависит от «старой» возрастной структуры русского населения. Сокращается продолжительность жизни русских. Если в 1999 г. она составляла 64,73 года (мужчины – 58,39 лет, женщины – 71,12), то в 2005 г. – 63,44 года (мужчины – 56,52 лет, женщины – 71,19). При этом продолжительность жизни мужчин в городах в 2005 г. составила 55,77 лет (в 1999 г. – 57,9) Данный показатель существенно ниже, чем у представителей других этносов РК (продолжительность жизни городских мужчин казахов, например, равнялась в 2005 г. 61,83 годам, уйгур – 64,47) (8).

Таким образом, тенденции демографического развития русского населения Казахстана неблагоприятны. В перспективе ситуация может усугубиться. Свидетельство тому – возрастная структура русских (см. таблицу 7).

Таблица 7. Возрастная структура русского населения Казахстана
(1999–2006 гг.) (9)

возраст	1999		2006	
	численность	%	численность	%
0-4	216696	4,8	201343	5,1
5-9	307765	6,9	186185	4,7
10-14	419444	9,3	244413	6,1
15-19	377886	8,4	360500	9,1
20-24	343514	7,6	355374	8,9
25-29	300219	6,7	313691	7,9
30-34	265097	5,9	281286	7,1
35-39	355769	7,9	235048	5,9
40-44	365594	8,1	273410	6,9
45-49	338215	7,5	324619	8,1
50-54	214603	4,8	294721	7,4
55-59	226631	5,0	241770	6,1
60-64	263697	5,9	118592	3,0
65-69	184221	4,1	223473	5,6
70-74	170489	3,8	124687	3,1
75-79	71497	1,6	121097	3,0
80-84	41462	0,9	53791	1,4
85+	26906	0,6	25332	0,6
Всего	4489705	100	3979322	100

Как видно из таблицы 7, процесс старения русского населения идет быстрыми темпами. Так, если в 1999 г. удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше равнялся 11,0%, то в 2006 г. – 13,8% (по классификации ООН, если удельный вес людей в возрасте 65 лет и старше составляет 7%, население считается старым). В 1999 г. коэффициент постарения Сови составлял 57,4%, в 2006 г. – 67,2% (соотношение числа людей в возрасте 60 лет и старше к возрастной группе 0–20 лет. Если показатель равен 30 и более процентов, население считается старым). В 1999–2006 гг. русских в Казахстане стало меньше на 510383 человека (11,4%). Вклад возрастных групп в процесс был различным. Более всего сократилось количество де-

тей (0–14 лет) – на 33,1%, численность трудоспособного населения (15–64 года) уменьшилась на 8,3%. И лишь число пожилых (65 лет и старше) увеличилось на 10,9%. Таким образом, процесс старения «сверху» (то есть за счет абсолютного и относительного роста числа пожилых) набирает силу. Вскоре ситуация еще более усугубится. В первую очередь проблема коснется рождаемости. Данные таблицы 7 показывают, что одной из главных причин улучшения показателей рождаемости в 2006 г. в сравнении с 1999 г. являются благоприятные изменения возрастной структуры. Основной репродуктивный контингент (20–34 года) в 1999 г. составлял 908830 человек, в 2006 г. – 950351, то есть стал больше на 4,6%. В ближайшем будущем ожидается объективное долговременное падение числа рождений. Суть в том, что в репродуктивный возраст постепенно вступает немногочисленное поколение 90-х годов рождения (0–19 лет). Если в 1999 г. численность данной возрастной группы равнялась 1321791 человек (29,4% русского населения), то в 2006 г. – 992441 (24,9%) или на 25% меньше (329350 человек). Таким образом, число потенциальных родителей существенно уменьшится. Соответственно, количество детей также сократится, даже при сохранении сегодняшнего уровня рождаемости. Влияние процесса старения «снизу» (за счет абсолютного и относительного сокращения числа детей) на ухудшение демографической ситуации будет более явным.

Таким образом, в первое пятилетие XXI в. в демографическом развитии русского населения Казахстана наметились новые тенденции. Основной является то, что определяющим динамичность численности населения фактором становятся процессы воспроизводства (рождаемость, смертность, естественный прирост). Старая возрастная структура населения приводит к росту смертности и, в будущем, снижению рождаемости. Перспективы демографического развития казахстанских русских хуже, чем у русских России. Если негативные демографические явления в РФ в определенной степени компенсируются иммиграцией, то в Казахстане эмиграция (пусть и резко сократившаяся в сравнении с серединой 90-х гг. XX в.) усугубляет депопуляцию. Тенденции уменьшения числа русских в РК сохраняются, при этом все большее влияние на процесс будут иметь характеристики воспроизводства населения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник / Под ред. Шокаманова Ю. К. - Алматы, 2006. - 440 с.

2. Там же, с. 5
3. Там же, с. 391–392
4. Рассчитано по данным таблиц 1,2,3
5. Там же, с. 153–154
6. Там же
7. Там же, с. 157,159
8. Там же, с. 160
9. Там же, с. 42–44

Аубакирова Ж.С., Алексеенко А. Н., Әмірзақ Т. Е.

РОЖДАЕМОСТЬ В ПРОЦЕССАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РК (ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*(Исследование выполнено в рамках грантового проекта АР09260600
«Региональные особенности репродуктивного поведения городских ка-
зашек: тенденции и перспективы», финансируемого Комитетом науки
Министерства науки и образования Республики Казахстан)*

В настоящее время казахское население, во многом сохранившее традиционные ценности, является мощным демографическим ресурсом государства. Динамику роста численности населения республики, как в городах, так и в сельской местности, определяет казахское население.

В 2009–2019 гг. темпы роста населения Казахстана составили 14.9%, что в 2,1 раза выше темпов роста в предыдущее десятилетие (1999–2009 гг.). Динамика роста численности казахов в сравнении с периодом 1999–2009 гг. несколько снизилась (с 26,4% до 24,7%) вследствие сокращения иммиграционного потока, но намного меньше (в 1,9 раза) стали и темпы снижения численности русских. Демографические эволюции других европейских групп на общую ситуацию оказывают все меньшее влияние вследствие их малочисленности (см. таблицу 1).

Таблица 1. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписи населения 2009 г. и материалам текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)

	2009		2019		2019 к 2009
	числ-ть	(%)	числ-ть	(%)	
все население	16009.6	2009	2019	100	114.9
казахи	10096.8	2009	2019	68.4	124.7
русские	3793.8	2009	2019	18.9	91.5
украинцы	333.0	2009	2019	1.5	81.3
немцы	178.4	2009	2019	1.0	100.1
другие этносы	1607.6	2009	2019	10.2	117.4

Источник: *Перепись населения Республики Казахстан 2009 г. Краткие итоги. Статистический сборник.* / Под ред. А.А.Смаилова. Астана, 2010. – С. 11; *Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г. Комитет по статистике Министерства Министерства национальной экономики* ([https:// data.egov.kz/api/v4/kazakhstan_respublikasy_halkyny/v3?apikey=yourApiKey](https://data.egov.kz/api/v4/kazakhstan_respublikasy_halkyny/v3?apikey=yourApiKey)).

Основная особенность демографического развития Республики Казахстан в 2009–2019 гг. заключается в том, что все более явно суть процесса определяют казахи. И если ранее это происходило вследствие сокращения, в результате эмиграции, европейских этнических групп, то сейчас внешние факторы практически не влияют на демографические процессы. Демографическая система республики полнокровно существует на эндогенной основе.

Рассмотрим процессы естественного движения населения Казахстана. Об этом свидетельствует динамика показателей естественного прироста в 2000–2019 гг. (см. таблицу 2).

Таблица 2. Рождаемость, смертность, естественный прирост городского и сельского населения Казахстана в 2000–2019 гг. (на 1000 населения)

	2000	2010	2019
родившихся			
все население	14,9	22,5	21,7
городское население	13,6	21,6	22,1

Продолжение таблицы №2			
сельское население	16,6	23,6	21,2
умерших			
все население	10,1	8,9	7,2
городское население	11,3	9,4	7,5
сельское население	8,5	8,4	6,7
естественный прирост			
все население	4,8	13,6	14,5
городское население	2,3	12,2	14,6
сельское население	8,1	15,2	14,5

Источник: Демографический ежегодник регионов Казахстана. Статистический сборник. Алматы, 2006. С. 211–213 (www.stat.gov)

Как видно из таблицы 2, коэффициент естественного прироста в 2000–2019 гг. вырос в 3,0 раза. При этом в городах темпы роста были в 3,5 раза выше, чем в сельской местности (в городах – в 6,3 раза, в селах – в 1,8 раза). Наибольший рост наблюдался в первое десятилетие XXI в. Объясняется это тем, что в детородный возраст вступило поколение первой демографической волны, при этом время его наибольшей репродуктивной активности совпало с периодом социально-экономической стабилизации. Немаловажное значение для роста общих коэффициентов рождаемости, естественного прироста, имеет эффект так называемого «этнического замещения». Суть в том, что в результате эмиграции из страны выбывает население с низкими показателями воспроизводства. Увеличение удельного веса казахов приводит к быстрому росту коэффициентов естественного прироста. В первую очередь это касается казахстанских городов, где смена этнического состава была более выраженной. Если в целом по республике показатель естественного прироста в 2000–2010 гг. стал больше в 2,8 раза, то в городах – в 5,3 раза. В сельской местности, где всегда преобладало казахское население, динамика выражена не так явно (рост в 1,9 раза).

В 2010–2019 гг. показатели воспроизводства населения стабилизируются. Завершается время перехода от прежней демографической системы, базирующейся на «европейских» стандартах, к суверенной. Видимо, формирующиеся в это время тенденции будут определять суть проблемы в ближайшие годы. Более явно эти тенденции отражены в возрастных коэффициентах рождаемости казахстанских женщин, суммарном коэф-

фициенте рождаемости (см. таблицу 3).

Таблица 3. Возрастные коэффициенты рождаемости городского и сельского населения Казахстана в 2009–2019 гг. (на 1000 женщин репродуктивного возраста)

возраст женщин	2009			2019		
	все население	в том числе		все население	в том числе	
		городское	сельское		городское	сельское
15-49	77,63	71,51	85,92	88,63	86,06	92,68
15-19	28,83	26,46	31,66	23,20	20,65	25,99
20-24	149,17	130,22	176,43	166,31	155,93	180,96
25-29	152,44	142,81	165,94	172,71	161,36	194,52
30-34	107,00	100,12	116,48	124,33	118,73	134,53
35-39	58,46	53,74	65,02	74,50	73,28	76,51
40-44	14,90	13,66	16,58	20,28	20,01	20,71
45-49	0,66	0,59	0,77	1,03	1,18	0,80
суммарный коэффициент рождаемости	2,55	2,32	2,87	2,90	2,75	3,17

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. 2017. Статистический сборник. Министерство национальной экономики РК, Комитет по статистике. Астана, 2017. С. 175–181, 189–190 (www.stat.gov.kz)

Данные таблицы 3 отражают динамику возрастных предпочтений деторождений в 2009–2019 гг. Ввиду отсутствия соответствующей этнической статистики, мы предполагаем, что во всех возрастных группах репродуктивного возраста преобладают женщины казашки, определяющие статистический ряд. С учетом тенденций этнодемографического развития, в 2019 г. в сравнении с 2009 г., удельный вес казашек в возрастной структуре должен еще более повыситься. В результате суммарный коэффициент рождаемости в Казахстане вырос на 13,7% (2,55 в 2009 г. и 2,90 в 2019 г.). Вследствие миграции (как внутренней, так и иммиграции) репродуктивный потенциал перемещается в города. Возрастные показатели

рождаемости (15–49 лет) в казахстанских городах увеличились на 20,3%, в селах – на 7,9%. Интенсивность деторождений в городах выше, чем в селах в 2,6 раза. Суммарный коэффициент рождаемости в городах также растет более быстрыми темпами, чем в сельской местности (в городах – на 18,5%, в селах – на 10,4%) (см. таблицу 3).

Динамика показателей суммарного коэффициента рождаемости показывает, что Казахстан быстро приближается к благоприятной демографической ситуации конца 1970-х - начала 1980-х гг. В 1979 г. он равнялся 3,02, а с конца 1980-х постепенно начинает снижаться: 1989 г. – 2,81; 1995 г. – 2,20; 1997 г. – 1,86; 1999 г. – 1,80 [2]. В 2000-е годы наблюдается существенный рост показателя. В результате, за 20 лет (1999–2019 гг.) суммарный коэффициент рождаемости увеличился в 1,6 раза (с 1.80 в 1999 г. до 2,90 в 2019 гг.).

Таким образом, быстрый рост коэффициентов рождаемости в 2009–2019 гг. отражает особенности эволюции этнодемографического состава населения. Довольно четко это видно на примере областей с разным этническим наполнением. В Мангистауской и Туркестанской областях численно доминирует казахское население. В Костанайской и Северо-Казахстанской областях довольно велик удельный вес европейского компонента. Данный фактор, на взгляд авторов, оказал решающее влияние на процессы рождаемости (см. таблицу 4).

Таблица 4. Возрастные коэффициенты рождаемости в некоторых регионах Казахстана в 2019 г.
(на 1000 женщин репродуктивного возраста)

возраст женщин	Мангистауская область	Туркестанская область	Костанайская область	Северо-Казахстанская область
15-49	124.12	126.73	53.17	55.04
15-19	33.98	31.97	18.48	19.15
20-24	226.69	275.81	107.83	98.44
25-29	240.99	262.42	102.04	126.32
30-34	166.71	172.39	75.33	94.07
35-39	104.79	91.54	45.19	46.55
40-44	29.33	22.23	11.81	10.33
45-49	1.91	0.82	0.64	0.43

Продолжение таблицы №4				
суммарный коэффициент рождаемости	4.02	4.29	1.81	1.98

Источник: www.stat.gov.kz

Суммарный коэффициент рождаемости в Мангистауской и Туркестанской областях, как свидетельствуют данные таблицы 4, более чем в два раза выше, чем в Костанайской и Северо-Казахстанской. При этом в Туркестанской области суммарный коэффициент рождаемости городских женщин равняется 7,27 (в селах – 3,72). То есть одна среднестатистическая городская женщина Туркестанской области в 2019 г. рожала за свою жизнь более 7 детей. На наш взгляд, подобный показатель является следствием административно-территориальных показателей в данном регионе и не отражает реального положения дел. В Мангистауской области показатель также весьма значительный – 4,39 (в селах – 3,80). Выше среднереспубликанского показателя суммарный коэффициент рождаемости в г. Шымкент (3,32). В Нур-Султане он равен 2,77, в Алматы – 1,78 [1].

Общим для города и села является то, что гораздо более интенсивно процесс идет в старших (30 и более лет) возрастных группах. У женщин этого возраста на свет обычно появляются третьи, четвертые и т. д. дети. Во многом ситуация объясняется тем, что период их потенциально наибольшей репродуктивной активности в основном пришелся на кризисные 1990-е годы. Вследствие этого представления о количестве детей в семье, формировавшиеся часто в традиционной среде, не были удовлетворены в полной мере. Они реализуются в настоящее время, когда и социально-экономическая ситуация иная, и все более проблематично дальнейшее откладывание деторождений.

Итак, в Казахстане растет число многодетных семей, вклад в суммарный коэффициент рождаемости женщин старшего репродуктивного возраста становится все более весомым. Неоднозначность ситуации в том, что репродуктивные установки этих женщин во многом сформировались в специфических условиях существования в советское время. Традиционные семейно-бытовые стандарты, «законсервированные» в сельской среде, наиболее комфортно чувствовали себя в условиях полиэтничности, когда индустриально-городские функции выполняли представители других этносов. Сохранить традиции многодетности, высокой рождаемости в период становления моноэтничности объективно будет труднее, так

как параметры воспроизводства населения все более будут определяться городской средой, функционирующей на «казахской» основе.

Снижение показателей рождаемости возможно в недалекой перспективе. Объясняется это тем, что в активный репродуктивный возраст начинают вступать городские казахи во втором, частично третьем поколении. Основу этого поколения составляют родившиеся и социализировавшиеся в городе дети представителей «урбанизационной волны» 1990-х годов. Их репродуктивные установки уже иные, чем у старшего поколения. Во всяком случае, в самой младшей возрастной группе женщин репродуктивного возраста (до 20 лет) показатели рождаемости снижаются (см. таблицу 3). С течением времени представители «урбанизационной волны» будут определять все основные группы репродуктивного возраста.

В то же время солидный демографический потенциал села постоянно продуцирует новые урбанизационные потоки. В настоящее время, на наш взгляд, мы наблюдаем «количественный» вариант освоения городского пространства. Быстро растущее городское население в массе своей представлено вчерашними сельскими жителями, переносимыми в город значительную часть соответствующих социокультурных воззрений. И воззрения эти не «растворятся» на новом месте жительства в близком будущем. Дело в том, что утрата многих традиционных ценностей (репродуктивных, в том числе) происходит в процессе длительного, эволюционного построения городского индустриального общества. В значительной мере это было характерно для казахстанских русских. Казахи же путь «индустриальной урбанизации» не проходили, во многом нынешнее городское население государства – это сельские казахи, с соответствующим менталитетом, живущие в городах. Им еще предстоит стать горожанами, по сути, а не только по месту проживания.

Таким образом, в конце XX - начале XXI вв. в Республике Казахстан формируется новая демографическая система. Неоднозначность процесса в том, что строилась она на этнодемографическом, социально-политическом фундаменте, возведенном в XX веке. Поэтому начальные этапы функционирования во многом стали следствием особенностей существования казахов в советское время. Отличительной чертой являлось то, что перед распадом СССР более 60% представителей казахского этноса проживало в сельской местности, сохраняя традиционные варианты демографического поведения. Большинство городского населения составляли европейские народы, оказавшиеся в Казахстане преимущественно в результате внешних миграций. В 1990-е годы значительная часть евро-

пейского компонента населения эмигрировала. В сочетании с падением рождаемости, в первую очередь у казахов, это привело к сокращению численности населения в Республике Казахстан. Основы «советской» демографической системы стремительно разрушались, суверенная же система находилась в самом начале своего развития. В результате Республики Казахстан поразил мощный демографический кризис.

Постепенно ситуация менялась. В первом десятилетии XXI в. были созданы параметры суверенной демографической системы, все более явно функционирующей на социокультурных критериях казахского этноса. Показатели рождаемости, естественного прироста существенно улучшились, численность населения начала быстро расти. Демографический кризис 1990-х гг. был преодолен. Тем не менее, наследие советской эпохи продолжало оказывать влияние на функционирование суверенной демографической системы. В первую очередь оно проявляется через эволюции возрастной структуры казахов, детерминированной демографическим взрывом в середине XX века.

Во второе десятилетие XXI в. Казахстан вступил на полновесной основе суверенной демографической системы. Особенность ее функционирования в том, что вектор развития преимущественно определяется явлениями, сформировавшимися уже в период независимости. Роль внешних миграций свелась в это время к минимуму, динамику численности населения определяют процессы воспроизводства казахского этноса, ставшего большинством населения в республике, в том числе и в городах. Характерной чертой современной демографической ситуации является быстрая урбанизация казахов. В результате динамика показателей воспроизводства городского населения намного выше, чем в сельской местности. Наблюдается этап «количественного» освоения городского пространства, когда значительная часть городского населения представлена вчерашними сельскими жителями, переносимыми на новое место жительства соответствующие репродуктивные установки. С течением времени ситуация будет меняться, так как в младших репродуктивных группах показатели рождаемости снижаются.

Сложно сказать, какими будут критерии суверенной демографической системы в средней, тем более дальней перспективе. Сегодня видно, что впервые в истории казахского этноса вектор ее развития находится в городах. Можно предположить, что суверенные варианты не воспроизводят «городской опыт» казахстанских русских. Городские русские, особенно те, кто оказался в Казахстане в результате миграций из регионов СССР, были слабо связаны с казахской средой, казахской культурой

в целом. Советская городская казахстанская среда практически не имела ничего общего с сельской казахской средой, не подпитывалась ее культурой. Существовали почти не соприкасавшиеся друг с другом «параллельные миры». Сейчас же все более явно сельско-городское пространство функционирует как единый организм, тесно переплетенный множеством семейных, социальных, экономических, культурных нитей. Постепенно на новом месте жительства восстанавливается традиционная семейно-поколенческая структура, являющаяся важной составной расширенной системы воспроизводства.

Таким образом, формирование казахстанской демографической системы, отражающей суверенную суть государства, прошло несколько сложных этапов. В настоящее время демографический ритм Казахстана определяют казахи, сохранившие, с одной стороны, социокультурные нормы прошлого, и, с другой, решающие проблемы ускоренного развития модернизации. Именно в этом сочетании видится будущее социально-демографического развития Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Демографический ежегодник. 1990: Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990.
2. Аубакирова Ж. С., Алексеенко А.Н. «Рухани жаңғыру» бағдарламасы шеңберінде «Демографиялық тарих контексіндегі қазақтар». Монография. – Нұр-Сұлтан: «Шанырақ-Медиа» ЖШС, 2020. - С.331.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеевко Александр Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Валитова Зульфия Хафизовна – кандидат социологических наук, доцент Карагандинского университета им. Е. Букетова, Караганда, Казахстан.

Гали Дінмұхаммед Әзімбайұлы – кандидат экономических наук, директор департамента анализа этнодемографического развития Института прикладных этнополитических исследований, Нур-Султан, Казахстан.

Гончаров Юрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Алтайский филиал, Барнаул, Россия.

Дурново Ирина Владимировна – краевед, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Еремин Алексей Алексеевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Барнаул, Россия.

Есимова Айгуль Бегеновна – кандидат исторических наук, доцент Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Шымкент, Казахстан.

Климова Ольга Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного технического университета им. И.И.Ползунова, Барнаул, Россия.

Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Лысенко Юлия Александровна – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Михнова Полина Владимировна – кандидат архитектуры, доцент

кафедры архитектуры Санкт-Петербургского горного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Мкртчян Никита Владимирович – кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографии Национальный исследовательский университет «Высшая школа Экономики» Москва, Россия.

Мусаева Эльвира Абышкызы – старший преподаватель Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза, Караганда, Казахстан.

Омірзақ Тамерлан Ержанұлы – младший научный сотрудник Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Рыгалова Мария Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Сагынбаева Аяулым Зарлыкановна – докторант по специальности «Демография» Карлов университета (Чешская Республика), магистр демографии, главный менеджер департамента анализа этнодемографического развития Института прикладных этнополитических исследований, Нур-Султан, Казахстан.

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований, Нур-Султан, Казахстан.

Сарсембаева Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского университета им. С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, главный научный сотрудник НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Тарасова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Уалиева Сауле Кабдымуликовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Чекрыжова Оксана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Дурново И.В.</i>	5
<i>НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АЛЕКСЕЕНКО</i> <i>к 90-летию со дня рождения</i>	
<i>Aubakirova Zh.S., Alekseyenko A.N., Stolyarova E.O.</i>	10
<i>DEMOGRAPHIC CHALLENGES TO THE NATIONAL SECURITY OF</i> <i>KAZAKHSTAN</i>	
<i>Алексеевко А.Н., Өмірзақ Т.Е.</i>	24
<i>ВЫЗОВЫ ИММИГРАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА</i>	
<i>Ғали Д. Ә.</i>	31
<i>COVID-19 ПАНДЕМИЯ КЕЗЕҢІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАН</i> <i>ХАЛЫҚЫНЫҢ ҰДАЙЫ ӨСУІНІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ (2020-2021</i> <i>ЖЫЛДЫҢ БІРІНШІ ЖАРТЫ ЖЫЛДЫҒЫ)</i>	
<i>Гончаров Ю.М.</i>	41
<i>ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТО-</i> <i>РОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ЗАСТРОЙКА И БЛАГОУСТРОЙСТВО</i> <i>ГОРОДОВ</i>	
<i>Еремин А.А.</i>	62
<i>ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРО-</i> <i>МЫШЛЕННОСТИ СТЕПНОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИ-</i> <i>ЗАЦИИ (НАЧАЛО XX В.)</i>	
<i>Есимова А.Б., Валитова З.Х.</i>	73
<i>НОВЫЕ ТРЕНДЫ В РЕПРОДУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ НАСЕ-</i> <i>ЛЕНИЯ ЮГА КАЗАХСТАНА</i>	
<i>Климова О.Г.</i>	80
<i>МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕ-</i> <i>СКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛО-</i> <i>ВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕН-</i> <i>НОЙ ИСТОРИОГРАФИИ</i>	

Краснобаева Н.Л.	92
<i>ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА ПО ДАННЫМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 ГОДА</i>	
Лысенко Ю.А.	101
<i>К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НИЗКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПРАВОСЛАВНЫХ КИРГИЗСКИХ МИССИЙ СТЕПНОГО КРАЯ (80-ЕЕ. XIX – НАЧАЛО XX В.)</i>	
Михнова П.В.	115
<i>ГОРОД КАК ОБЪЕКТ ПОТРЕБЛЕНИЯ: МЫ ГОВОРИМ НА ВАШЕМ ЯЗЫКЕ</i>	
Мкртчян Н.В.	124
<i>РОЛЬ МИГРАЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ, ЕЕ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ</i>	
Мусаева Э.А., Гончаров Ю.М.	131
<i>ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БІЛІМ БЕРУДІ ЖАҢҒЫРТУ ЖӘНЕ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ</i>	
Сагынбаева А.З.	136
<i>РОЛЬ МИГРАЦИИ В ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КАЗАХСТАНА</i>	
Садвокасова А.К.	148
<i>ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА</i>	
Сарсембаева Г.А.	155
<i>РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА</i>	
Столярова Э.О.	163
<i>РЕПРОДУКТИВНЫЕ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (по материалам социологического исследования)</i>	

Тарасова Е.В.	171
<i>СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ</i>	
Уалиева С.К.	177
<i>МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В КАЗАХСТАНЕ И ОТНОШЕНИЕ ГОРОДСКИХ КАЗАХОВ К МЕЖЭТНИЧЕСКИМ БРАКАМ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ</i>	
Чекрыжова О.И., Еремин А.А., Рыгалова М.В., Тарасова Е.В.	188
<i>ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ</i>	
Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С.	194
<i>СОВРЕМЕННЫЕ УСТАНОВКИ ГОРОДСКИХ КАЗАШЕК НА УСЛОВИЯ РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)</i>	
Алексеевко А. Н.	202
<i>НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАЗАХСТАНСКИХ РУССКИХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (1999–2005 гг.).</i>	
Аубакирова Ж.С., Алексеевко А. Н., Өмірзақ Т. Е.	209
<i>РОЖДАЕМОСТЬ В ПРОЦЕССАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РК (ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)</i>	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	218

Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова
Научно-исследовательский центр «Алтайтану»
(г. Усть-Каменогорск, РК)
ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Москва, РФ)
Институт демографии имени А. Г. Вишневого
Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии
«Большой Алтай» (г. Барнаул, РФ)
Научно-экспертная группа Ассамблеи народа Казахстана ВКО

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

XX Международная научно-практическая конференция,
посвященная *90-летию со дня рождения доктора исторических
наук, демографа Николая Владимировича Алексеенко*
(21- 22 октября 2021 г.)

Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск: В.П. Алексеева
Дизайн обложки: А.А. Набокина
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 00.00.2021 г.
Формат 60*84/16
Усл.–печ. 27,8
Уч.–изд. л. 28,5
Тираж 100
Заказ 485
Цена договорная

Издательство «Медиа–Альянс» 070005, г. Усть–Каменогорск, пр. Абая, 181/3
Отпечатано в типографии ТОО «Медиа–Альянс»